

Не открывай
эту дверь

Светлана Ворон

Annotation

Открыв по ошибке не ту дверь, я впустила в свой мир клыкастого монстра. Он — наглый и обаятельный хищник, тут же сбросивший маску законопослушного гражданина. Мой мир для него словно рай, изысканный ресторан, и самый главный деликатес в нем — я.

Не открывай эту дверь — Светлана Ворон

Это был он — тот самый парень с фотографии. Нахмутив брови и слегка наклонив голову, молча стоял и смотрел, словно внимательно прислушивался к тому, чего не слышу я. Он вовсе не выглядел опасным, скорее, только казался таковым в мерцающем пламени свечи. Но тот факт, что парень проник в мой мир, пока я отсутствовала, не мог не пугать.

Воспользовавшись его замешательством, я метнулась в сторону, схватила кочергу и угрожающе выставила ее перед собой в качестве защиты.

— Чего тебе надо?

Гость недоверчиво и удивленно прищурился, но мне было фиолетово, что он обо мне думает. Пусть уходит туда, откуда явился. Взмахом я указала ему на дверь.

— Что ты здесь забыл?

— Ты человек? — пробормотал он с очевидным скепсисом, и его растерянность немного меня успокоила. — Все люди у вас тут умеют говорить?

Нервный смешок вырвался из моего рта непроизвольно. Видимо, идея о находящейся по ту сторону дома параллельной вселенной пришла в голову не только мне. Как и я, гость впервые обнаружил проход и не знал, куда эта дверь приведет. Успел ли он обследовать мой дом и составить свое впечатление? Может, его мир вовсе не населен чудовищами, которыми пугала меня бабушка? Но, очевидно, он не собирался нападать, так что мы могли и поболтать.

— Что ты имеешь в виду?

Губы парня сардонически изогнулись, когда он фыркнул:

— Нет у нас людей на свободном выгуле. Только на фермах. Мы разводим их... как корм.

Мои глаза от потрясения широко распахнулись. Медленное осознание нисходило словно озарение, и страх заполнял сердце, пока я смотрела на своего красивого и воспитанного гостя, не в силах принять его слова. Очень бледная кожа, слишком темные, практически черные глаза, в которых красноватым пламенем отражалась свеча, — все это навело меня на ужасный и потрясающий вывод: передо мной — не человек.

— А ты-то кто? — выдавила я внезапно онемевшими губами.

И тогда он ответил просто и обыденно:

— Вампир.

— Музыку! — властным жестом демоница подала знак, и помещение погрузилось в темноту, а затем вспыхнуло множеством мерцающих красных огней. Полилась чувственная мелодия, голос певицы завораживал.

Но ещё сильнее притягивал взгляд синхронный танец пяти женщин в ярких костюмах. Больше других выделялась высокая солистка в облегающем латексном корсете и с очаровательными рожками, торчащими из малиновых волос, ниспадающих по плечам. Эта чертовка умела двигаться так, что никто равнодушным не оставался — ни пускающие слюни мужчины, ни сгорающие от черной зависти женщины. Только Джулс могла выбрать для своего выступления что-то настолько тривиальное, воздействующее на инстинкты — и не проиграть, особенно на фоне неуклюже подтанцовывающих соперниц. Что бы ни делала красotka, у мужской половины она вызывала неизменное восхищение.

К концу номера демоница изящно обошла вокруг восседающего на троне ангела, горячо положила руки ему на плечи и закончила выступление эффектным запрокидыванием головы.

Свет включился. Немногочисленные зрители захлопали. Я скептически фыркнула.

— Моя очередь, — подскочила миниатюрная, никогда не унывающая Бет в блестящем серебристом парике и с прозрачными крылышками за спиной. То ли фея, то ли бабочка, то ли загадочная сказочная колибри, Бет выбрала для своего выступления интеллектуальный баттл, способный разрушить поверхностную атмосферу, созданную предыдущей исполнительницей.

Наш ангел-босс Тъери, в роли которого сейчас выступал пустой стул с накинутыми на спинку белыми крыльями, традиционно, как и все прошлые годы, должен будет судействовать и выбрать лучший номер, участникам которого достанется главный приз. Обычно это была денежная премия, но не только за это девушки так отчаянно бились — наш босс был весьма привлекательным холостяком, отчего у дам периодически просто сносило крышу.

— Думаю, демон победит, — плюхнулась Джулс рядом со мной, исполненная собственной важности и самоуверенности. — Что скажешь, Лекс?

Я наблюдала за репетицией с ироничной полуулыбкой. Эти битвы за мужчину, каким бы лакомым кусочком он ни был, меня не привлекали никогда. Может, именно поэтому я до сих пор была одинока? Ни мужа, ни бойфренда, ни знакомцев на одну ночь — я была самым скучным работником этой конторы, а о приключениях предпочитала читать в книгах, ну или на худой конец выслушивать истории подруг, жизнь которых была ключом.

— Не думаю, что он вообще кого-нибудь выберет, — неохотно поделилась мыслями я, покусывая карандаш, когда Джулс настойчиво на меня посмотрела. — Вы — разного поля ягоды. Взгляни — вы все из кожи вон лезете, чтобы впечатлить высоко забравшегося, недоступного мужчину, а ему все равно!

— Прекрати, Алекса, — сердито отмахнулась от моей аллегии Джулия, — ты же знаешь, что на вечеринке будет живой Тъери, а не манекен. Ты видела всю программу. Итак, кого он предпочтет?

— Уж точно не демона, — усмехнулась я придиричиво, тыкая карандашом в сторону бездушного стула. — Вы возвысили начальника до ранга небожителя, думаешь, ангел

опустится до уровня демоницы? Или обратит внимание на умницу-фею только потому, что она более скромная? Очнись, Джулс! Вы из разных миров, тебе никогда его не добиться! Равное притягивается к равному. А к некоторым не притягивается вообще никто, — проворчала недовольно себе под нос, вспоминая целых три своих неудачных романа.

— Пф, ты совсем не веришь в любовь, Лекси, серьезно? — сморщила Джулия аккуратный носик и стянула малиновый парик, обнажая копну натуральных светлых волос — ещё одного железного аргумента в пользу своей привлекательности. — А как же твои герои из книг, которые рушат непреодолимые преграды ради любимых?

— Это всего лишь женские мечты, — вздохнула я, признавая бесперспективность подобной идеологии, — воплощённые на бумаге, но недостижимые в реальности. Поэтому ты — там, — указала я на танцпол, — а я — здесь, — ткнула пальцем в свой рабочий стол, заваленный архитектурными проектами, требующими моего немедленного внимания.

— Ты уверена, что не сможешь остаться до тридцать первого? — суксилась Джулс, которой не нравился мой внезапный отъезд «по личным обстоятельствам», потому что не только организация вечеринки легла на ее плечи и пары других активисток, но и мои недоделанные проекты тоже придется подхватывать.

— Прости, — пожала плечами я, искренне сожалея, что смерть моей бабушки наложила крест на все грандиозные планы. Хотя я и была сама по себе довольно скучной натурой, все же праздничные вечеринки в нашей организации всегда становились самыми яркими и запоминающимся событиями года. Когда ещё я могла повеселиться в реальности, как не на Хэллоуин или Рождество?

Книги — это прекрасно, когда после долгого трудового дня я погружалась в фантастические миры, созданные волшебной фантазией талантливых писателей. Вместе с любимыми персонажами я путешествовала в далёкое прошлое, бороздила звёздные просторы с отъявленными космическими пиратами и сражалась с драконами на остроконечной сказочной горе.

Но затем я возвращалась в настоящий мир и оказывалась в своей пустой квартире одна, заваривала ромашковый чай и фоном включала телевизор. Звонила отцу, справляясь об его здоровье. Писала списки продуктов, чтобы ничего не забыть. И каждый день тащила на работу, отдаваясь рутине, которой не видно конца.

В двадцать пять я ещё не испытала ничего экстраординарного и поэтому, конечно же, мне было очень грустно уезжать накануне большого праздника, в котором хотя бы на время я могла примерить на себя какую-нибудь интересную роль.

Хотя кого я обманываю, если даже у Джулс не было шанса завоевать сердце ангела, то какой смысл пытаться мне, простой девчонке из Висконсина, не обладающей какими-либо выдающимися достоинствами? Мое будущее не предвещало никаких особенных перемен. Ну, не считая путешествия в город моего детства, от которого многие годы я старалась держаться подальше...

~*~*~

Такси свернуло на грунтовую дорогу, ведущую сквозь густой лес. Даже в конце октября красно-желтых листьев среди бесконечной зелени попадалось мало. Ели, сосны, кедры и мох затмевали все.

— Ваше лицо мне знакомо, — затеял таксист непритязательный разговор. — Вы уже бывали в наших краях?

Я понимающе улыбнулась. В Эсканабе все друг друга знали, городок-то крошечный,

всего двенадцать тысяч жителей.

— Я здесь родилась. Бывала летом, когда навещала бабушку. Она умерла недавно.

— Так вы — внучка Марши Ким? — обрадовался таксист, внимательнее меня разглядывая в зеркале заднего вида. Его добродушное лицо тоже казалось мне знакомым, наверняка я встречалась с ним в детстве. Но, конечно, уже забыла имя.

— Да, это я.

— Теперь я вас вспомнил, — подмигнул мужчина.

Сосны и кедры становились все более необхватными и могучими по мере того, как мы продвигались вглубь, отдаляясь от человеческой цивилизации, их кроны перекрывали солнечный свет, дорога выглядела все мрачнее. Как нельзя лучше это подходило к моему нынешнему настроению. Под приближающийся праздник нечисти, который я вынуждена пропустить, потому что приехала в это богом забытое место. Провести время в лесной глуши, в полном одиночестве в скрипучем старом доме, накануне Дня всех святых — что может быть хуже и скучнее? И страшнее...

— Жаль старую Маршу, — посерьезнел таксист, — хорошим человеком была, хоть и с причудами.

Бабуля умерла несколько недель назад на семьдесят девятом году жизни. Почему-то из всех родственников она завещала свой разваливающийся дом именно мне, хотя знала, что я не горю желанием возвращаться в этот промозглый городок. На первое ноября была запланирована моя встреча с местным агентом по недвижимости, после чего я смогу вернуться в Милуоки. Задерживаться в Эсканабе надолго я не собиралась.

Была бы возможность, я прилетела бы сюда лишь на пару часов и сразу уехала. Но билеты на самолет удалось достать только на двадцать девятое октября, в канун праздника с билетами было туго, и теперь мне придется провести три очень долгих и унылых дня в этой глухомани, вдали от цивилизации и друзей.

— Собираетесь жить здесь? — поинтересовался таксист, выруливая на заросшую высокой травой знакомую мне с детства лужайку. Дом терялся в зелени, став частью леса. Два этажа некогда добротного семейного гнездышка Кимов. Теперь краска с фасада облупилась, крыша обветшала и заросла мхом. Вид у дома был неухоженный и печальный.

— Нет, — расплатилась я, испытывая болезненное неприятие к этому заброшенному месту, — буду продавать.

— Вряд ли кто-то польстится, — возразил таксист, мило отказавшись принять оплату у внучки Ким. — Если даже вам он не нужен, разве кто-то чужой захочет здесь поселиться?

— Действительно... — согласилась я, хмуро оглядывая дом, когда рокот мотора такси затих вдали. Меня окружила подавляющая тишина — после шума большого города я будто оказалась в вакууме. Даже птицы, казалось, избегали летать над этим местом, я слышала только шум слабого ветра в высоких кронах сосен.

Вздыхнув от осознания, что мне придется провести в этом доме целых три дня, я решительно подняла чемодан и направилась к дверям.

~*~*~

— Да, я уверена, что хочу продать дом и землю, — отвечала я следующим утром агенту по телефону после тяжелой бессонной ночи. — Вы можете приехать и посмотреть в течение дня? Ах, вы его уже видели? Прекрасно. Как быстро вы закончите оформление документов? Я бы предпочла сделать все сегодня. Ах, вы не можете? Жаль... А завтра? Я не хочу оставаться здесь ни одного лишнего дня... Праздник, понимаю, семья... Но и вы в мое

положение войдите. Хорошо, первого, значит, первого...

Разговаривая, я слонялась по гостиной, небрежно смахивая с поверхностей пыль. Все здесь напоминало мне о детстве. В мягком продавленном кресле мы с бабуей Маршей сидели перед камином, пока она читала мне сказку. А за старым, отполированным временем столом я лепила, рисовала, а позже выполняла летние школьные задания.

Мать с отцом сбежали из Эсканабы, когда мне было лет шесть. С тех пор я бывала здесь только летом и по праздникам, дышала насыщенным ароматом хвои и купалась в прохладной речке, а вечерами бабуля рассказывала мне сказки перед сном, чтобы я побыстрее уснула.

Была одна... довольно пугающая история, которую бабушка часто любила повторять. Она въелась в мою память, накрепко засела в голове, хотя я и не верила в реалистичность выдуманных страшилок даже будучи ребенком. О том, что за некоторыми дверями прячутся чудовища...

Хмыкнув от неприятного воспоминания, и сейчас вселяющего в меня чувство необъяснимой тревоги, хотя я давно стала взрослой, я спустилась по деревянной лестнице вниз, зажгла свет и открыла тяжелую дверь в старый погреб. Здесь ничего не изменилось за десять лет, даже запах стоял тот же самый — земли и плесени. Вдоль стен и между ними — пустые ряды ромбовидных полок, в которых когда-то хранились домашние ягодные настойки.

Погреб отлично держал прохладу — предки, незнакомые с холодильниками, знали толк в таких вещах. Даже освещение до сих пор не было проведено сюда. Ходить между рядами приходилось, оставляя дверь открытой и пользуясь немногочисленным светом, долетающим с первого этажа. В детстве бабушка пугала меня этим местом — предупреждала, что тяжелая дверь может захлопнуться, и тогда я останусь одна в темноте. Никто не услышит моих криков, и тогда чудовище, живущее здесь, схватит и утащит в свой мир.

Сейчас я относилась с юмором к тем бестолковым детским воспоминаниям. Хоть мне и было немного жутковато находиться здесь до сих пор, особенно одной, я уже не боялась выдуманных монстров, как в юном возрасте.

— О, — я заметила темную бутылку и очень удивилась, что погреб не до конца опустошен. Неужели старые бабушкины запасы еще сохранились?

Воображение тут же нарисовало более приятную картину завтрашнего вечера: я, украсившая комнату и двор потертыми бутафорскими тыквами, наверняка все еще пылящимися на чердаке, попиваю красную жидкость из высокого бокала на длинной ножке. Кто знает, может быть тогда я буду меньше злиться на то, что пришлось вместо веселой хэллоуинской вечеринки приехать сюда?

Слегка очистив выпуклый стеклянный бок от толстого слоя пыли, которую удастся смыть только водой, я обогнула последний стеллаж и вздрогнула, заметив в самой дальней и темной части погреба еще одну дверь...

— Лекси, не смей никогда прикасаться к этой двери, слышишь?! — из глубин моей памяти строго выговаривала мне бабушка. — Поверь мне, не каждую дверь стоит отпирать! За некоторыми таится настоящее зло, открыв их, ты выпустишь зло на волю!

Бабушка тянула меня за рукав кофточки, а я все оглядывалась на ржавую металлическую дверь в глубине погреба, испытывая любопытство, но еще не страх. Мне было семь.

— Но там голоса! — капризничала я, потому что у меня отнимали игрушку. — Мне скучно, у меня совсем нет здесь друзей! А за дверью кто-то живет, бабуля!

— Конечно, живет, сегодня же канун Дня всех святых, вот нечисть и просыпается, — баба Марша хлопала дверью погреба, закрывала ее на ключ и прятала его в карман, строго меня отчитывая: — А ты, непослушное дитя, должна держаться подальше от этого опасного места. Придет время, сама поймешь, почему.

После того единственного случая бабушка больше не сердилась и даже позволяла мне играть в погребе — в любые другие дни, кроме Хэллоуина. В День всех святых погреб всегда оставался закрытым.

Но меня неудержимо влекло это мрачное место, может быть именно потому, что спускаться туда иногда было запрещено. Я играла в прятки с другими девочками, когда соседи приходили в гости к Марше со своими детьми. Таясь в темноте между рядами, я могла быть уверена, что меня не найдут — я была единственным ребенком, не боящимся сюда заглядывать.

Глядя на таинственную железную дверь с массивным запором, внушающим огромное уважение не только ребенку, но и взрослому, каждый раз я гадала, что же спрятано по ту сторону. Ржавый, но слишком солидный для этой двери замок, интриговал. Что такого может скрываться там, если понадобилась такая серьезная защита? Я даже пыталась однажды взломать его, насмотревшись детективных сериалов, но быстро опомнилась, не желая сталкиваться с гневом бабушки.

Лишь с годами во мне выработался естественный страх: в пыльных углах угадывалось движение, из темноты словно следил чей-то внимательный взгляд. Когда наверху дул ветер, мне казалось, что дверь скрипела, ходя ходуном в одном ритме с деревьями. Тени от свечи надвигались, будто живые. Почему пламя качалось из стороны в сторону, хотя здесь, внизу, не было никакого движения воздуха? Я слышала дыхание за спиной. Мне мерещилась музыка, доносящаяся будто из самой преисподней. А однажды мама сказала мне, что внизу пахнет краской! Что если бабуля была права? Мистика окутывала старый холодный погреб, заставляя даже самых неверующих сомневаться.

Постепенно я научилась побаиваться неизвестности, особенно после того как в погреб пробрался черный кот и напугал всех до икоты шипением из темного угла. Я стала более осмысленно относиться к предупреждениям и перестала спускаться в погреб без необходимости. А когда возникала нужда, брала с собой фонарик, если батарейки не сели, или свечи.

Тяжелый замок, который я часто с осторожностью трогала в детстве, и сейчас висел на своем месте. Цепь со звеньями толщиной с мое запястье была продета сквозь чугунные кольца, расположенные справа и слева на стене, опутывала дверь и усиливала мрачное впечатление. Отставив бутылку, я провела ладонями по огромному, с три моих ладони, защитному устройству. Старый замок не шевельнулся, как будто намертво сросся с дверью от времени. Ржавчина оплела металл, вряд ли замок вообще теперь способен открыться.

Я приложила ухо к двери, но оттуда не доносилось ни звука. Мне всегда так хотелось сорвать покров с бабушкиной тайны!

— Тебе необязательно знать, что спрятано за дверью, — уверяла меня баба Марша, когда я ребенком расспрашивала у нее. — Достаточно того, что знаю я: эта дверь закрыта уже много десятилетий и должна таковой и оставаться. Моя мать оберегала этот секрет, моя бабушка и пра-прабабушка тоже. Когда ты повзрослеешь, я передам ключ и знания тебе. До тех пор беспокоиться не о чем.

Вот и пришло время — я выросла. Бабушкины наставления и ключ мне отдали во время

оглашения завещания. В письме слова бабули звучали немного пугающе, но я давно не верила в детские сказки: «Алекса Марша Ким, эта тайну я вверяю тебе вместе с ключом. Он хранился в нашей семье поколениями. Отнесись предельно ответственно, даже если считаешь мои суеверия всего лишь причудами. Будет ли наш мир по-прежнему в безопасности или погрузится в хаос, зависит теперь от тебя. Ничего сложного в твои обязанности входить не будет. Все, что необходимо, это следить, чтобы дверной замок всегда оставаться закрытым. Если его одолеет ржавчина, замени на другой. Никому не позволяй к нему прикасаться. Никогда не пользуйся ключом сама. Особенно на Хэллоуин держись от двери подальше — это важно. Удачи, дитя. Твоя любящая баба Марша».

Я покачала головой, ощутив в груди липкое шевеление страха. Это всего лишь суеверия, впитанные бабушкой с юности. Сейчас подобными сказочками уже никого с толку не собьешь.

Подхватив бутылку, я протопала наверх, полная решимости развенчать бабушкино заблуждение. Оставила добычу на столе, а сама вернулась в погреб... на этот раз с ключом.

Вскрыть проржавевший замок оказалось почти непосильной задачей. Он был старым, механизм заело, и я прикладывала бесполезные усилия, пытаюсь провернуть ключ. Сбегала за маслом, но и это не помогло. Наконец, я вооружилась кочергой, и вскоре поверженный замок упал к моим ногам, а я с благоговением и некоторой тревогой открывала дверь...

Что я ожидала там увидеть? Тайную алхимическую лабораторию ведьмы, лестницу, ведущую в подземное гномье царство с сокровищами... Или что чудовище выпрыгнет на меня из темноты и утащит в свое логово? Меня ожидало разочарование. И облегчение.

За дверью не было абсолютно ничего. Кирпичная кладка, та же, из которой состояла и вся остальная стена. Дверь ничего не закрывала, она просто была частью декора. Или висела здесь только для того чтобы интриговать доверчивых гостей. Неужели именно этот секрет бабуля хранила как нечто важное? Верила, но на самом деле просто стала жертвой обмана.

Я ударила по кладке кочергой, чтобы удостовериться, что за ней не откроется замурованный черный ход. Кирпичи были старыми, осколки брызнули во все стороны. Открылась брешь, за которой... тоже не оказалось ничего особенного. Обычная земля просыпалась внутрь и тут же наполнила погреб характерным запахом влаги и грибов. Я лишь намусорила и стену испортила.

Плотно прижав дверь к дыре, я принесла мусорное ведро, собрала грязь и хорошенько вымыла пол. После чего отправилась украшать дом к празднику нечисти. Очевидно же, что никаких чудовищ, которыми страшила бабушка, не существовало и существовать не могло. Это просто детская страшилка.

~*~*~

Еще никогда Хэллоуин не проходил настолько бесцветно. Чтобы поднять себе настроение, я привела в порядок дом и сходила в магазин, накупила вкусностей. Вытащила с чердака праздничные украшения, расставила их на крыльце и приготовила свечи к вечеру. Жаль, что этой красоты не увидит никто, кроме меня.

Украсив гостиную в черно-красных тонах, разложила атрибуты: пластиковые черепа и тыквы, шляпу ведьмы и искусственных пауков на ниточках — все, что нашла. Теперь я была готова отметить. Не хватало только музыки и гостей.

Жаль, бабуля давно не платила за телевидение, и антенна ловила лишь белый шум и слабые всполохи бесплатных программ. Я нашла старое радио, но и оно оказалось нерабочим. Мобильный телефон мог ненадолго стать проигрывателем, но его громкости не

хватит на весь дом, да и батарея быстрее садилась в таком режиме. Загруженных песен выбор был невелик, а интернета в этой хибаре отродясь не водилось.

Устроившись в кресле с ногами, я натянула плед и взяла в руки бокал, отчаянно твердя себе, что потерпеть осталось всего день. Завтра. Завтра я вручу продажу этого дурацкого дома агенту и навсегда избавлюсь от ненужного наследства, в том числе и от обязанности до конца своих дней следить за исправностью стрёмного замка.

Меня окружала настолько глубокая тишина, что я могла расслышать даже слабый шум листьев за окном и каждое поскрипывание старых досок. Поэтому для меня стали полной неожиданностью голоса, раздавшиеся где-то очень недалеко... веселые голоса! И резко зазвучавшие ритмичные басы на их фоне.

Я решила, что это подъехала машина, но звуки исходили не с улицы. К моему ужасу, музыка шла откуда-то снизу... как будто из-под дома... Из погреба? Да, кто-то точно промышлял в нем!

Я чуть не выронила бокал, когда голоса приблизились, словно их обладатели находились в соседней комнате. Я чувствовала вибрацию от бас-гитары каждым волоском. Звон бутылок, хотя была уверена, что из бабулиных закровов ничего не осталось.

И, к моему бесконечному потрясению, я вдруг поняла, что подобное присутствие ощущала и раньше. Когда мне было семь лет, и бабушка сердито выволакивала меня из погреба, запирая его на ключ, я слышала уже такие голоса. Просто спустя время списала их на разыгравшуюся детскую фантазию.

Ужас поднял меня с кресла, когда я осознала, что сдерживающий дверь замок я сама же сегодня и поломала. Оставив ее открытой!

И что теперь делать? Схватив нож, я тихо прокралась вниз, прямо к страшной двери, убеждая себя, что звуки мне мерещатся.

Может, это бабушкина перележавшая консервация так на меня подействовала? Может, содержимое бутылки было испорчено, и у меня галлюцинации?

По мере моего осторожного приближения музыка становилась громче, я смогла расслышать отдельные слова. Там были мужчины.

— Откроем девяносто первого года? Пятьдесят четвертого ты, конечно, не дашь? — прозвучал низкий бас.

— Девяносто первого — самое то, — баритон с хрипотцой лился, словно медовая патока. — Пятьдесят четвертый для особых случаев.

Крадучись, я приблизилась к кованой двери и прижалась ухом, жалея сейчас, что не повесила новый замок. О чем я только думала?

Музыку отсюда слышно было лучше — инструментальная, довольно сложная композиция, раньше мне такая нигде не попадалась. Необычная и красивая. Похоже, там, за дверью, готовились к обычной домашней вечеринке. Вот только накануне там не было ничего, кроме земли!

— Ты чувствуешь это? — заинтересованный голос и быстрые шаги заставили меня отпрянуть от двери и слиться со стеной. Задержав дыхание и стараясь не издавать ни звука, я застыла, избегая нежелательного внимания.

— Человек? — в приятном мужском баритоне вспыхнуло удивление.

— Куда ведет эта дверь?

— Никуда.

Мое сердце колотилось в груди как бешеное, нервозно я шарила по полкам глазами, ища

любую подходящую подпорку для двери. Но вряд ли я сумела бы пошевелиться. На самом деле, от страха я не могла двинуться с места, мысленно прося у бабушки прощение за то, что подвела ее. Она доверила мне семейную тайну, а я чертовски легкомысленно отнеслась к ней.

Слова о хаосе, разрушающем землю, теперь суеверием не казались. Они превратились в реальность. Несмотря на то, что голоса по ту сторону двери казались вполне миролюбивыми, я нутром чуяла растущую опасность, способную поглотить если не весь мир, то меня одну, если «соседи» найдут мою дыру.

— А ключ у тебя есть? — обладатель баса повеселел, предвкушая неожиданное открытие.

— Да нет там ничего за дверью, — хозяин баритона был равнодушен. — Я проверял.

— Давай ключ.

Я обмерла от страха, когда парень с баритоном пробормотал «держи», после чего ключ в замочной скважине закрипел и с тугим щелчком открыл запирающий механизм. Взвыли ржавые петли, и чужак втянул воздух прямо рядом со мной — в опасной близости, словно между нами уже почти не осталось преграды.

— Здесь замуровано, — констатировал обладатель тягучего баритона.

Музыка сменилась на рок, после чего кто-то позвал издали:

— Шед, Хью, поторопитесь! Пора ехать!

— Дай нам еще минуту, Оли!

— Пойдем, — предложил скучающий хозяин баритона, — с дверью я потом разберусь.

— А жаль.

Дверь на той стороне закрипела и глухо ударилась о каменную кладку, и я мысленно поблагодарила того Оли, который меня сегодня спас.

Дрожа, я сползла вдоль холодной стены и сидела там бездыханно. До тех пор, пока звуки музыки не стихли полностью, и постепенно я поверила — те, кто были с другой стороны, уехали по делам, и пока что я в относительной безопасности. Только тогда я посмела покинуть погреб, все еще стараясь не шуметь.

Выбравшись, я первым делом схватила стул. Нужно было подоткнуть чем-то дверь, пока я не куплю новый замок, старый-то я безнадежно сломала! Успею ли я до закрытия магазинов? До наступления темноты оставалось несколько часов. Тридцать первое октября не могли сделать выходным, хотя... Я не знала о традициях этого городка и могла лишь надеяться.

Я вернулась со стулом и толстой свечой, которыми бабушка запаслась в избытке — наверняка в этом захолустье часто отключалось электричество. А еще захватила с собой цемент, чтобы вновь замуровать стену. Но прежде, чем вернуть кирпичи на место, я поддалась опаснейшему порыву.

Сейчас, когда за стеной стояла тишина, страх ослабел. Ужасно хотелось хотя бы одним глазком взглянуть, с чего начался весь сыр-бор, хотя бы немного приоткрыть завесу тайны. Потом все верну на место. Что я теряю?

Безмолвие на той стороне обманчиво успокаивало. Я вновь потянула тяжелую дверь, и огонь осветил неровную брешь, которую я проделала накануне. Еще вчера здесь была только земля. А сейчас я с благоговейным ужасом смотрела на второй слой кирпичей, которого накануне не было.

Что ж, меня уже не могли остановить предостережения бабушки, верно? Слишком

сильное вспыхнуло любопытство. Когда еще представится такая уникальная возможность коснуться сказки рукой, как не на Хэллоуин?

К счастью, кладка на той стороне уже разрушалась от времени. Мне не пришлось разбивать ее кочергой, я всего лишь повозилась с одним кирпичом, и когда расшатала и вытянула его, другие отделились сами собой. Особого труда не составило сделать проем, в который я могла протиснуться. Мысленно я скрестила пальцы, чтобы у меня хватило времени до возвращения жильцов «той стороны» все обследовать.

За кладкой оставалась лишь последняя преграда: еще одна металлическая дверь, почти так же изъеденная ржавчиной, как и моя. Она легко поддалась — ее непредусмотрительно оставили открытой, — и я толкнула ее рукой, распахивая настежь. Открылась она без скрипа. С той стороны о ней явно заботились, смазывали петли, даже если не понимали назначения.

Ощущение сюрреализма происходящего не оставляло меня ни на минуту, пока я просовывала свечу в проем, чтобы осмотреть хоть что-то на другой, таинственной стороне. Боялась до чертиков, что кто-то внезапно выпрыгнет из темноты и схватит за руку, но любопытство пересиливало.

Свечи было недостаточно, чтобы оценить картину. Я вроде бы видела ряды, похожие на те, что и в моем погребе, как будто на той стороне тоже хранили бутылки. Но для того, чтобы убедиться, требовалось войти внутрь...

И почему человек устроен так, что желание приоткрыть завесу тайны всегда сильнее страха? Если бы не эта людская черта, не было бы столько нелепых смертей и пословиц про оторванный нос. Я была близка к обнаружению невероятного знания, чего-то такого, чего физически не может существовать, и не могла теперь просто запереть дверь на замок и забыть об этом. Я должна была узнать, что все это значит. Поэтому отставила в сторону сомнения и полезла внутрь, страшась, но одновременно жаждая получить ответы.

Свет маленького пламени был скуден и создавал монстров из теней — наверное, для того, чтобы заставить меня отречься от безумного плана. Но я все же собиралась идти до конца.

Полки оказались совсем не такими, как мои — новее и солиднее, они были отлиты из черного металла, а не сделаны из дерева. В отличие от пустых бабушкиных ячеек, здесь в каждой было красное, помеченное годами. Старой выдержки и молодые. Бутыли разительно отличались от стандартных размером и формой: огромные, литра по три, а может, и больше. Продолговатые и пузатые, чистые и блестящие. Владелец хорошо заботился о своих запасах.

Тишина в доме придавала мне храбрости. Хозяин и его гости куда-то ушли, я была тут одна, поэтому рискнула подняться по ступеням и отворить дверь на первый этаж.

Свет зажегся сам, без моего участия. Неяркий и чувственный, он исходил отовсюду и создавал уютный полумрак, как будто хозяин дома не любил яркие лампы. Интерьер комнат меня поразил — почти футуристический стиль, изысканный и дорогой. Четкие линии, идеально выверенный дизайн. Плоский телевизор во всю стену, выглядевший как большое прозрачное стекло, множество аппаратуры, назначения которой я не понимала, узнала только стереоустановку, и то не была уверена. Никаких кнопок я разглядеть не смогла, как и пульта, управляющего этой навороченной техникой.

Я задула свечу и уже смелее стала осматривать дом, в котором просто не могло жить чудовище. Обыкновенный дом богатого человека.

Несколько фотографий висели на стене, и одна стояла на полочке. На двух были

изображены друзья в обнимку — на фоне пирамид и яхты на причале. Третья оказалась портретом. На всех повторялся один молодой человек — обаятельный парень с копной темных волнистых волос, спускающихся чуть ниже ушей и слегка взлохмаченных ветром. Даже на портретном снимке в аккуратной прическе сквозила некоторая небрежность. Однако его красоты она не портила, а добавляла очарования.

Его глаза на портрете получились слишком черными, я такие никогда ни у кого не видела, но это, скорее всего, был просто дефект съемки. Кожа как у аристократа прошлых веков — чересчур бледная, но лишь еле заметные тени под глазами нарушали гармоничность образа. Черты лица правильные и тонкие: прямой нос, выделяющиеся высокие скулы и чувственный рот. На вид юноша был молодым, лет двадцати или чуть старше.

Я изучила и остальные комнаты. Меня поразило, что все они были украшены на Хэллоуин — те же искусственные тыквы и черепа, на стенах развешаны пауки и маски злых существ, все как обычно.

Дом оказался вдвое больше моего. Я бродила, заглядывая в каждую дверь. На втором этаже обнаружилась роскошная спальня с камином и панорамными окнами от пола до потолка и открытая терраса с видом на лес. На первом этаже располагалась игровая комната, бильярдная, просторная гостиная, библиотека, музыкальная комната с почти всеми известными мне видами музыкальных инструментов и даже такими, которые я впервые видела, рабочий кабинет с клавиатурой, встроенной в столешницу, и без монитора.

А еще я нашла огромную холодильную камеру справа от входной двери, в которой все полки были уставлены десятилитровыми пластмассовыми канистрами с темно-коричневой и бордовой жидкостью. Маркировка завода, где они были изготовлены, ни о чем мне не сказала. Одна такая канистра стояла на столике возле раковины, наполовину пустая, а рядом с ней красивая хрустальная кружка наподобие пивной, только размером в два раза больше обычной. Я осторожно понюхала оставшееся на дне содержимое, предполагая, что это вино, но от странного ржавого запаха меня затошнило.

Не сразу я осознала, что в доме вообще нет туалета и кухни, только ванная, точнее, душевая кабина. Причина их отсутствия осталась для меня самой большой загадкой, но откуда мне знать, может, здешние обитатели предпочитают есть в ресторанах, а нужду справлять где-то во дворе? Выйти на улицу, чтобы проверить это, я не осмелилась.

Пройдясь по корочкам книг и по названиям групп, указанных на дисках, и поняла, что если некоторые старые книги мне знакомы, то исполнителей я не узнаю ни одного. Я словно попала в совершенно иной мир, в параллельную реальность, где жизнь развивалась иначе, чем у нас. Это и есть тайна, которую хранили несколько поколений? Не так это и страшно, как звучало в бабушкином письме. Хаос, зло? Seriously? Чудовище, приходящее из другого мира, станет ли говорить с нами на одном языке, отмечать такие же праздники, читать те же книги и слушать красивую музыку?

Беззвучные часы на стене показали пять дня, и я опомнилась, что мне пора убираться, если я все же хочу успеть в хозяйственный магазин и поставить замок. А ведь еще предстояло заделать дыру в кладке, чтобы скрыть следы проникновения!

~*~*~

Мистер Уотсон оказался очень приятным человеком. Он охотно помог мне выбрать самый надежный замок из особо прочного металла, который трудно сломать. И подобрал строительный клей, с помощью которого можно быстро залатать дыры в стене.

В честь праздника на продавце красовалась шляпа волшебника, а рядом с кассой стояла

тыква-фонарь, приветливо подмигивающая, если в нее кинуть монетку. Мистер Уотсон даже пригласил меня отметить Хэллоуин в кругу его семьи, он хорошо знал Маршу и не хотел, чтобы ее внучка провела ночь в старом доме совершенно одна. Но я вежливо отказалась — сейчас мне было уже не компании, голова была занята угрозой, возникшей благодаря моей беспечности.

К шести сорока я вернулась домой и сразу же поспешила в погреб. Дверь все еще была подперта стулом, так что я вздохнула с облегчением. А могла ведь и не успеть до того, как владелец смежного дома вернется. В моей голове все еще не укладывалось осознание увиденного на той стороне, но зато теперь я уж точно верила бабушке. Тайна, хранимая нашей семьей, существует реально, и я ее страж.

Отставив стул в сторону очень осторожно, почти бесшумно, я прислушалась, но на той стороне все еще было тихо. Ни голосов, ни музыки. Тогда я потянула скрипучую дверь, намереваясь поступить максимально ответственно, и для начала — вернуть кладку на место. Монтажный клей, который любезно насоветовал мне мистер Уотсон, намертво скрепит старые кирпичи, которые я, уходя, лишь символически вернула на место. Я не хотела оставлять жильцам другого дома шанс заинтересоваться соседями. Хоть те парни и не показались мне опасными, не думаю, что баба Марша так ревностно оберегала бы нестрашную тайну. Хотя, если сама она никогда не открывала дверь, откуда ей было знать, что на той стороне живут обычные люди, а никакие не чудовища?

Клей схватывался отлично. Я хорошенько промазала им все стыки чужой кладки, затем быстро заполнила свою дыру тем, что осталось от разбитых кирпичей. Закрыла дверь и сомкнула на петлях мощный, как обещал продавец, замок. Улыбнулась внутренне, потому что поступила, наконец, как правильная и ответственная внучка.

С чувством полного удовлетворения развернулась, чтобы покинуть это опасное место навсегда и... в ужасе заорала, обнаружив прямо перед собой силуэт в свете свечи. Ключ выпал из пальцев, со звоном шмякнувшись об пол, когда я отступила назад и ударилась в стену спиной.

Я думала, мое сердце остановится! Оно билось в животе, где-то в районе сжавшегося солнечного сплетения. Хотя если подумать, оно билось везде, где только может биться сердце — в ослабевших ногах, в опаленных жаром висках, даже в кончиках пальцев.

Это был он — тот самый парень с фотографии. Молча стоял и смотрел, нахмутив брови, а потом слегка наклонил голову, как будто внимательно прислушивался к чему-то. Его глаза заглядывали прямо мне в душу, настороженные, удивленные, недоверчивые.

Он вовсе не выглядел опасным маньяком, скорее, только казался таковым в мерцающем пламени свечи, стоящей на полу и отбрасывающей на его лицо злобный свет. Но тот факт, что парень проник сюда в мое отсутствие, не мог не пугать.

Он и шага не сделал ко мне, пока я вновь обретала потерянное дыхание, только пристально смотрел и слушал. Как только я немного пришла в себя, то взяла ситуацию под контроль.

— Ты кто! — вспорол мой требовательный голос звенящую тишину.

Брови юноши от удивления взлетели вверх. словно это не он ко мне пробрался, а я к нему!

Он шагнул вперед, и я почувствовала себя мышкой в клетке, когда его черный взгляд впился в меня, будто змея. Кочерга все еще валялась на полу, но находилась слишком далеко — даже если кинусь к ней, не успею добраться первой.

Гость, тем временем, вел себя очень странно. Он сделал еще один шаг, оказавшись непозволительно близко, втянул носом воздух и прикрыл глаза в наслаждении.

— Ты человек? — пробормотал он с очевидным неверием.

Этот момент я использовала, чтобы метнуться в сторону, схватить кочергу и угрожающе выставить ее перед собой в качестве защиты.

— Чего тебе надо? — с оружием в руках я почувствовала себя немного уверенней, тем более что руки парня были пусты.

Увидев кочергу, он недоверчиво прищурился, но мне было фиолетово, что он об этом думает. Пусть уходит туда, откуда явился. Взмахом я указала ему на дверь.

— Что ты здесь забыл?

— Где я? — ответил он вопросом на вопрос.

Его растерянность немного меня успокоила. Как и я, он явно впервые обнаружил проход и не знал, куда эта дверь приведет. Успел ли он обследовать бабушкин дом и составить свое впечатление? Скорее всего, да, ведь я спокойно заделала кладку, и только потом появился он. Значит, он где-то бродил и, возможно, довольно долго. Или следил за мной? Смотрел из-за угла, как я корячусь. Что привело его сюда? Любопытство, как и меня? Или нечто более ужасное, о чем говорилось в письме? Может, его мир населен чудовищами, которыми пугала меня бабушка?

Решив, что парень вменяемый и бояться нечего, я опустила кочергу и слегка развела руками. Парень был растерян не меньше, чем я. Конечно, он не был так же напуган, но только потому, что мужчина априори сильнее женщины. Очевидно, он не собирался нападать, так что мы могли и поговорить.

— В моем доме.

— Доме? Ты живешь в этой хижине? — с плохо скрываемой брезгливостью отозвался он о жилище моей бабули.

Значит, он все же обследовал дом. И сделал определенные выводы. Конечно, после собственного навороченного особняка старый домик в лесу показался ему развалиной.

— Жила раньше, — пожала плечами. — Приехала на пару дней по семейным делам. А ты? — я снова кивнула на дверь. Наше общение напоминало обычный разговор двух соседей, и я перестала так нервничать. Жаль, что бабушка всю жизнь охраняла лишь собственный страх.

Парень тоже бросил на дверь косой взгляд, снова проигнорировав мой вопрос.

— С нашей стороны такого дома нет, — уверенно заявил он.

Я издала нервный смешок. Видимо, идея о параллельной вселенной пришла в голову только мне.

— Ты умеешь говорить? — выдохнул он вдруг потрясенно, словно до сих пор не мог поверить в этот факт. — Почему ты умеешь говорить? У вас все здесь... такие?

— Какие — такие? — оскорбилась я, ведь звучало так, словно он не ожидал увидеть кого-то разумного.

— Люди.

— Все, — подтвердила я недоуменно. — А у вас разве нет?

— Нет, — он покачал головой, и темные кудри, в полумраке казавшиеся практически черными, привлекательно упали на лоб. — И сколько вас тут?

Кого? Людей? Он всерьез?

— Миллиардов пять... или шесть, — пожала плечами равнодушно, не будучи

уверенной.

— Пять миллиардов! — шокировано ахнул он и прикрыл глаза на мгновение.

— А на вашей стороне — меньше? — окончательно успокоившись, я отложила кочергу, в которой уже не было никакой необходимости.

— Меньше, — подтвердил он. — Намного меньше. Слишком мало.

А по технике в его доме и не скажешь, что на той стороне существуют демографические проблемы.

— И сколько же?

Он небрежно пожал плечами.

— Я точно не знаю, не интересовался.

— Разве ваши правительства не ведут статистический учет граждан? — удивилась я. Обычно подобные цифры у всех на слуху — нет-нет да и промелькнут где-нибудь в новостях. А уж если население убывает, об этом трубят на всех площадках.

— Граждан? — он неловко поморщился. — Конечно, ведется. Я сказал, что не знаю точно, сколько сейчас людей. Я не из тех, кто их... — он на миг запнулся и взглянул на меня оценивающе, будто не был уверен, что стоит продолжать. Но затем все-таки добавил осторожно: — Разводит...

Э, что?..

Губы парня сардонически изогнулись, когда он фыркнул и окончательно прояснил:

— Нет у нас людей на свободном выгуле. Только на фермах. Мы выращиваем их... как корм.

Мои глаза от шока стали размером с блюдца. Медленное осознание нисходило на меня, и ужас заполнял сердце, пока я смотрела на своего красивого и воспитанного гостя, не в силах принять его слова за чистую монету. Очень бледная кожа без признаков румянца, слишком темные, практически черные глаза, в которых красноватым пламенем отражалась свеча, странные речи и очевидное чувство превосходства, — все это навело меня на ужасный и потрясающий вывод: передо мной — не человек.

— А ты-то кто? — выдавила я внезапно онемевшими губами.

И тогда он ответил просто и обыденно:

— Вампир.

— Эй-эй, прекрати! — парень выставил руки, когда я, намереваясь биться ни на жизнь, а насмерть, снова схватилась за кочергу. Чуть склонил голову к плечу и снисходительно скривил уголок рта: — Должен предупредить: твое оружие не представляет для меня никакой опасности. Скорее, ты поранишься сама, если ударишь меня.

Моих скудных знаний о вампирах, почерпнутых в фильмах, хватило, чтобы представить яркую картину: кочерга рикошетит от головы врага, не причинив ему никакого вреда, и отправляет меня в нокаут ударом по лбу.

— Спасибо, так мне стало гора-аздо спокойнее, — произнесла я с таким глубоким сарказмом, что сама себе подивилась. Страшно было до коликов, ноги слабели, а голос дрожал. Но я все же буду сражаться.

— Эй, я не трону тебя. Ладно? — предложил монстр заключить мир на моих условиях. — Обещаю.

Можно ли было ему верить? Он все еще выглядел безобидным. Из нас двоих только я размахивала кочергой.

— Я Шеридан Корвен, — медленно отступил он назад, держа руки открытыми. — Друзья зовут меня Шед.

Он говорил со мной осторожно, как с бешеным диким животным. Дрожащая и напуганная, я едва ли могла винить его за столь унижительное сравнение. Права была бабушка, бубнил внутри голос совести, и я отчаянно переживала за проявленную безответственность. Впустила сюда чудовище, от которого мои предки так долго защищали наш мир!

— Лекси, — безуспешно пыталась я обуздать панические нотки и вернуть присутствие духа. — Алекса Ким.

Он улыбнулся, выпрямившись и сделав еще один крошечный шаг назад, чтобы я почувствовала себя лучше. Глубоко вздохнув, я уступила в этом странном поединке более разумному из нас двоих. Взяла себя в руки и нерешительно вернула кочергу к стене. В конце концов, я все равно ничего не могла сделать. Думать надо было до того как открыла чертову дверь.

— Итак, Лекси? — небрежно оперся вампир о стеллаж, но тут же отдернул руку и потряс испачканными в пыли пальцами. — Ты приехала в этот дом по семейным обстоятельствам, чтобы...

— Ты вампир... — невольно скопировала я его манеру пропускать неудобные вопросы. Эта мысль волновала меня больше всего: в моем доме монстр! Мне было не до унылых историй о моем неудачном путешествии. Вопросы о мире чудовищ, грозившем ужасной опасностью моему, волновали меня гораздо сильнее. Нужно запихнуть черта в табакерку обратно! — Вы относитесь к людям как к еде? Охотитесь на них, как... на животных.

— Мы давно не убиваем людей сами, — объяснил Шед, поморщившись. — Для этого существуют фермы. Людей выращивают, как скот. Они абсолютно примитивны, даже не разговаривают. В течение всей жизни их понемногу доят, обеспечивая им комфортные условия. Кровь консервируется и отправляется на прилавки, где каждый богач может ее купить.

— И сколько это уже продолжается? — не веря в происходящее, в шоке выдохнула я.

Шед пожал плечами:

— Несколько столетий.

— А что случилось? Куда делись нормальные люди?

— Постепенно они были истреблены, когда вампиров стало слишком много, — признал парень невесело. — Немногих уцелевших, кого удалось спасти, мы поместили на фермы, всячески способствуя их размножению. Построили заводы для консервации крови.

Пройдясь туда-сюда между рядами, вампир озадаченно остановился перед горкой свечей, которую я принесла незадолго до нашей встречи.

— А откуда вообще взялись вампиры? Раньше же их не было?

— Я не знаю. Возможно, какой-то вирус. Или эволюционный скачок. Или эксперимент безумного ученого. Это случилось давно, свидетелей не осталось. Никто не смог найти первого вампира, который бы все объяснил.

— И как же вы выжили, когда людей не стало? — все рассказанное Шериданом звучало как фантастический триллер, но наравне со страхом во мне постепенно пробуждалось и любопытство. Кому еще выпадал такой уникальный шанс узнать тайну, о которой никто в целом свете больше не знает? Подробности не были известны даже бабе Марше, хранительнице двери!

— Животные, — хмыкнул вампир. — Пришлось переключиться на них.

— Их кровь подходит?

Парень кивнул. Темные кудри снова упали на глаза, и он откинул их характерным жестом, не остающимся без моего внимания. Шед был красавцем. Точнее, мне казался он таковым до того, как я узнала, что он вампир! Теперь меня лихорадило от любого его движения.

— Подходит. Правда, она не такая вкусная, — он усмехнулся, глянув на меня со значением, и я шокировано покачала головой. Гость тем временем опять посерьезнел: — Животных мы тоже истребили. В нашем мире нет диких зверей. Даже птиц всех переловили. Я слышу... — он указал вверх пальцем, — что у вас они все еще существуют.

Где-то в лесу заухала сова, и я кивнула, впервые несмело улыбнувшись.

— У нас с этим все в относительном порядке.

Шед нахмурился:

— С животными проще. Они быстрее размножаются и растут, производят гораздо больше крови. Коровьих ферм нам с лихвой хватает. И стоит такая кровь дешево. — Он одарил меня немного смущенной кривоватой ухмылкой. — Кровь человека самая дорогая, это деликатес. Мы редко себе ее позволяем, разве что по праздникам. Зато богачи ни в чем себе не отказывают, могут купить сколько угодно крови или даже открыть собственную ферму.

— Ясно, — опустила я глаза, не зная, как на такое реагировать. Трудно было представить. Теперь-то я поняла, что за бутылки стояли у Шеда на столе и полках, в погребке. Что было в том большом бокале. От отвращения меня затошнило.

— Мы давно не убиваем сами, — терпеливо напомнил вампир, заметив мою негативную реакцию. — Это категорически запрещено, есть закон. Воспроизводство крови строго регулируется. Уже три сотни лет мы существуем цивилизованно, так что бояться тебе нечего.

Взгляд его пугающих черных глаз выражал честность намерений и открытость. Но могла ли я всерьез рассчитывать на благоразумие вампира, попавшего из мира, в котором его

веками во всем ограничивали, в другой мир, где соблюдать свои законы необязательно? Сколько пройдет времени, прежде чем он поймет это? Прежде чем устроит резню и приведет сюда своих голодных друзей?

Наша история не зря сохранила столько страшных легенд о вампирах, некогда охотившихся на людей и устраивающих кровавые пиршества. Что если все они прибыли к нам из параллельной вселенной, когда эта дверь еще не была закрытой? Что если я реально впустила в свой мир зло, и отсчет пошел? Отсчет до начала вампирского апокалипсиса...

— Ладно, — вздохнула я, веря в презумпцию невиновности любого живого существа. Пока Шеридан не совершил ничего плохого, я не стану считать его монстром. Да и был ли у меня теперь выбор? Вряд ли я сумею силой вернуть вампира домой, он ясно дал понять, что кочерга для него не проблема, а оружия помощнее у меня не было. А вот если смогу его разговорить, если сумею убедить в необходимости хранить тайну двери, то не только предотвращу опасность вторжения, но и, возможно, обрету союзника и друга. Не кнутом, но пряником? Так тому и быть.

— Может, пригласишь в гости? — предложил мой завораживающе-опасный посетитель, кивнув на ступеньки с приветливой улыбкой. — Там и продолжим разговор. Мне тоже интересно узнать все о тебе и твоём мире.

Понадобилось немало времени прежде, чем я прекратила трястись всякий раз, стоило вампиру пошевелиться. Его заверения, что он не собирается меня убивать, не очень-то помогали, я все равно напрягалась, если он подходил близко. Смотрела на него как на чудо света, не веря глазам. Впрочем, он смотрел на меня с тем же выражением.

Лишь спустя два часа я почувствовала себя в обществе Шеда немного спокойнее. Мы обменивались вопросами, узнавая о различиях наших миров, рассказывали о себе и своей жизни. Шед бродил по дому, изучая обстановку, но я все еще вздрагивала, когда он слишком резко перемещался с одного места в другое. Пока он не догадался, что меня это пугает, и не начал двигаться медленнее.

— У вас здесь все такое примитивное, — удивлялся он, озадаченно взяв в руки сломанное радио.

— Это дом моей бабушки, — напомнила я обиженно. — В городской квартире у меня есть все, что и у тебя — телевизор, компьютер и остальные блага цивилизации. Ну, может, не настолько навороченные, я не богата.

Я с осторожностью наблюдала, как Шед воспримет факт, что я была на его стороне, но он не выказал удивления. Видимо, догадался по дыре в стене.

— А в вашем мире совсем нет вампиров? — спросил вдруг Шед, и я улыбнулась, вспоминая сюжеты фильмов и книг.

— Только в романах и народных легендах. — Хотя теперь я не сомневалась, что любые мифы основаны на реальности.

— Я заметил: ты сразу поняла, о ком речь, когда я назвал себя, значит, знала о существовании моего рода хоть что-то, — его ясный взгляд устремился на меня, и я осознала, что мы думали об одном и том же.

— Вероятно, эта дверь не всегда была заперта, — озвучила я неприятное предположение.

— Не думаю, что нам о ней было известно, по крайней мере, точно не всем из нас, — выразил сомнение Шед. — Иначе... — он многозначительно поднял бровь, — ваш мир уже был бы под нашей властью.

Вся кровь отлила от моего лица после такого устрашающего заявления.

— Наверное, дверь была найдена случайно, и в последний раз ею пользовались очень давно, — Шеридан развил мысль, и я согласно кивнула. — Я купил этот дом два года назад и до сих пор ничего не знал о ней. Прежний владелец просто передал мне ключи. Если бы он представлял, что за ней сокрыто, ни за что не продал бы такое сокровище. До сегодняшнего дня я даже не догадывался, что дверь куда-то ведет.

— Я тоже понятия не имела, — признала я. — Вчера я открыла ее и за кирпичами оказалась просто земля, не было никакого прохода.

— И я открывал ее. Правда, не пытался разрушить стену — решил, что дверь висит для красоты. А вчера из-за нее вдруг раздались звуки. — Парень прищурился. — Это была ты?

Я смущенно кивнула, пожившись от воспоминаний о пережитом страхе.

— Да. Услышала ваши голоса, спустилась и... — я не договорила, что делала дальше, все и так было яснее ясного.

Мысленно я обдумывала возможность повернуть ситуацию вспять. Как мне уговорить вампира покинуть мой мир и сохранить тайну двери? Что я буду делать, если он откажется? Что ждет нас дальше? Мой мир теперь под угрозой вторжения кровожадных существ, и это моя вина. Даже если удастся загнать монстра обратно, никакая дверь не спасет, если он вернется с подмогой. Я очень живо теперь представляла кошмарное будущее, в котором пять миллиардов людей становятся донорами горстки кровопийц...

— А сколько всего вампиров? — поинтересовалась я мрачно.

— Не очень много. Четыреста тысяч с небольшим.

Ничего себе «не много», почти полмиллиона! Да они разнесут тут все за считанные недели, превратив свободный человеческий мир в огромную ферму рабов.

— И численность постоянно уменьшается.

— Почему? — удивилась я искренне.

Шед пожал плечами.

— Семейные ссоры, клановая вражда. Но чаще всего наши гибнут во время ограблений — не все готовы работать, а жажду чем-то надо утолять. Мы убиваем друг друга не так уж редко. Ежегодно на сотню вампиров становится меньше. Разве у людей все иначе?

— На сотню? У нас все гораздо хуже! — фыркнула я, перебирая в уме новости, пестрящие заголовками о многочисленных преступлениях.

— Вы можете себе это позволить, — насмешливо приподнял вампир уголки губ. — Вас пять миллиардов. И вы в состоянии размножаться, — добавил он с необъяснимой досадой.

— А вы разве нет? — удивилась я, уж слишком печально его слова прозвучали.

Шеридан медленно покачал головой, продолжая тщательно обследовать мою гостиную. Пощупал каждый предмет с полочек, померил шляпу ведьмы со стены, а затем со смешком повесил на место. Дольше всего задержал внимание на фотографиях, разглядывая семейные снимки. Словом, вел он себя в точности как я, когда была в его доме. Совсем как человек, если не считать некоторых моментов.

— Вампирами не рождаются, — произнес он с напускным равнодушием. Очевидно, что эта тема немного угнетала его. — Вампириши не могут зачать и выносить ребенка.

— Как же вы продолжаете род? — ужаснулась я, осознав, почему эволюция в его мире шагает в тупик, и почему ему так печально об этом говорить. — Ведь если вы продолжите убивать друг друга, рано или поздно все исчезнет...

— Ну, всё не так плохо, — нахмурился парень, с любопытством разглядывая старенький

ламповый телевизор, погребенный под бабушкиным рукоделием и стопками глянцевого журналов. — Мы же бессмертны. Если нас не ранить — а это довольно сложно осуществить, — мы можем прожить тысячи лет, поэтому в размножении нет такой уж насущной необходимости, по крайней мере, смысл в нем не тот же, что у людей. Иногда... — он продолжил после недолгой паузы, когда я усваивала информацию, — какой-нибудь ребенок на ферме проявляет признаки интеллекта. Таких отбирают, начинают обучать. Если он вырастает образованным, совсем как ты, — он быстро глянул на меня, подарив обаятельную улыбку, — его в зрелом возрасте обращают. Так появляется новый вампир. Но я никогда не видел, как это происходит. Это редкое явление.

— Ужасно, — покачала я головой. Его мир был неправильным. И опасным. Мне хотелось навеки запереть эту чертову дверь, живущие за ней монстры не на шутку меня пугали.

Шед кивнул, неожиданно согласившись.

— В нашем мире нелегко найти себе занятие по душе, чтобы оно не наскучило со временем. Многие из нас впадают в депрессию и постепенно сходят с ума. Вечность скучна, и нас слишком мало, чтобы строить миллионные города. Мало кто живет в таких местах постоянно, если в этом нет необходимости. Расстояние влияет на все сферы. Иногда, чтобы просто встретиться с друзьями, приходится добираться на другой конец света. Что касается женщин, — он бросил на меня цепкий взгляд, от которого по моей спине пробежал холодок, — то их гораздо меньше, чем мужчин. Найти себе пару — практически невозможно. Все друг друга знают, встречались не раз, и если связи не возникло, маловероятно, что это изменится. И я, и мои друзья, голоса которых ты, наверное, слышала вчера, остаемся одиноки на протяжении веков. Большинство из нас живет так.

— Как это печально, — пробормотала я, испытав искреннее сочувствие. Мир вампиров и без этой детали не казался мне идеальным, а теперь вдруг стало жаль всех живущих в нем. Существа без будущего. Без надежды.

— Да, — присел Шеридан напротив меня, не отводя пронизывающего нас сквозь, черного взгляда, и впервые за все время общения я смогла разглядеть за пугающими манерами хищника обычного человека. Испытывающего тоску или боль, страдающего от одиночества или скуки. Имеющего отличный вкус, если вспомнить, как обставлен его дом. Культурно образованного, если оценить количество музыкальных инструментов и книг.

Почему я вообще об этом думаю? За окном давно стемнело, пока мы с упоением рассказывали свои истории. Часы в гостиной ожили, бойко отсчитывая наступление вечера, и я вздрогнула.

— Сегодня праздник, — улыбнулась, скрывая смущение. — Хэллоуин.

— Я знаю, — улыбнулся Шед совершенно очаровательно, и если бы не его страшные глаза, я бы никогда не заподозрила в нем нечеловека. — Мы его отмечаем днем с друзьями.

— В вашем мире его значение такое же? — поинтересовалась я с любопытством. — Защита от темных сил?

— Нет, — он рассмеялся, расслаблено откидываясь на спинку стула, и старое дерево отчаянно закричало, а Шеридан усмехнулся. — Это наш главный праздник в году, почти как Рождество. Мы празднуем День Нечистой силы, ну, наш день, — озорно подмигнул он. — Как если бы вы справляли День Человечества, что-то типа этого.

— Ах, — кивнула я с улыбкой, аналогия все прояснила.

Повисла неловкая пауза, как будто мы уже сказали все, что хотели, и не знали, на какую

тему продолжить разговор. Но я вдруг осознала, что день, обещавший стать самым скучным из всех моих Хэллоуинов, перестал быть таковым. Появление гостя все изменило. И хотя его сущность оставалась пугающей, все же провести вечер в компании было куда веселее, чем одной.

— Я бы предложила тебе отпраздновать, — смущенно показала я на свой пустой бокал и пожалала плечами. — Но не знаю, ты пьешь что-нибудь человеческое?

— У меня есть своё! — обрадовался он, как будто только и ждал моего приглашения, и резко поднялся со стула. — И я с удовольствием отмечу праздник с тобой. Пойдем. — Он показал в сторону погреба, предлагая мне нанести его дому ответный визит. Я перепугалась, а парень наклонил голову и пожурил: — Днем ты не была такой трусливой!

— Ах! — покраснела я и согласилась, прихватывая по пути свою бутылку, но не представляя, как будет развиваться наша дружба в принципе. Все это напоминало сюжет мистического ужастика, а я невероятным образом оказалась в самом сердце фильма.

Мы снова проделали дыру в кирпичной кладке, на этот раз побольше, чтоб можно было свободно пройти. Попав на «сторону» Шеридана, я нервно и с опаской наблюдала, как он выбирает себе напиток.

— Тысяча девятьсот тридцать восьмой!

Я нерешительно улыбнулась энтузиазму, с которым парень взял бутылку — по всей видимости, самого «выдержанного» и дорогого разлива. Настал тот самый особый случай, когда его стоило распить.

— Это ведь не вино? — уточнила я, испытывая отвращение, едва только представила, откуда берется содержимое.

— Нет, конечно, — весело усмехнулся вампир, не чувствуя никакого смущения, и кивнул в сторону лестницы. — Но мы называем его именно так. Все мы когда-то были людьми, старые привычки неискоренимы.

— Чем эта кровь отличается от той, что стоит наверху в пластиковых канистрах? — неловко уточнила я, когда мы поднялись в его апартаменты.

— В погребе хранится человеческая, — пояснил Шед с такой обезоруживающей простотой, как будто говорит об обыденной вещи вроде ресторанного меню. Впрочем, оно именно так для него и было. — А там — кровь животных. Проходи.

Он поставил свою впечатляющую размером бутылку на стеклянный столик, поправил покрывала на низких удобных диванчиках и пригласил меня садиться. Голосовым управлением включил негромкую мелодию и зажег необычный свет, погрузивший комнату в атмосферу Хэллоуина — по стенам заплясали огненные всполохи, похожие на чертей. Жутковато, но стильно. А в сочетании с потрясающе чистой и красивой мелодией даже романтично.

Вернулся Шед с хрустальными бокалами, самыми маленькими, что у себя нашел. С улыбкой поставив их на столик, откупорил свою бутылку.

Я скинула обувь и забралась на мягкий диван с ногами, стараясь абстрагироваться от того, что наливает вампир. В конце концов, разве он виноват в том, в каком мире родился? Для него такой образ жизни — естественен, так же как для меня естественно то, что принято у нас.

Шед наполнил и мой бокал, из бабушкиной бутылки — многовато, на мой взгляд, я обычно употребляла чисто символически. Но, наверное, он и понятия не имел, что нужно людям.

— За наше свидание, — улыбнулся парень широко и открыто, его радость от знакомства со мной была абсолютно искренней, что тоже пугало.

— Это самое необычное свидание в моей жизни, — признала я нехотя, не в силах относиться к нашей встрече с таким же вдохновением, хотя с каждой минутой доверие росло, по мере того как я узнавала Шеридана лучше.

— В моей тоже, — согласился вампир, и я неотрывно уставилась на его губы, понимая, что именно он пьет. Это отвращало, но и завораживало одновременно.

Отставив бокал на столик, он налил себе еще, и я обнаружила, что чувствую себя в его обществе почти нормально. Шед вел себя совсем как обычный человек. Очевидно, что он не собирался охотиться на меня и не относился ко мне как с сосуду с кровью, так отчего мне считать его монстром?

Его лицо в оранжево-красных всполохах, расслабленное и неожиданно довольное, не пугало прямо сейчас. Приветливая улыбка смягчала устрашающий эффект от нечеловеческих черных глаз, они будто становились светлее. А если точнее, меняли оттенок на алый всякий раз, когда вампир пил, но за считанные секунды возвращались к исходной черноте — будто вспыхивали огнем и гасли. Кудри своевольно падали на глаза, когда парень покачивал головой в такт музыке, и он привычным движением отбрасывал их назад или поправлял пятерней. Все это, в сочетании с чувственными губами и аристократическими чертами лица, притягивало мой взгляд вопреки страху.

Шед был красавцем. Не знаю, что он думал обо мне, но сам он был невероятно привлекателен для парня, даже невзирая на чересчур бледную кожу и неестественные темные ободки вокруг глаз. Последние еще и делали его похожим на сошедшую со сцены рок-звезду, то есть даже добавляли шарма.

— Ваша музыка потрясающая, очень сложная и... хм, идеальная, — попыталась я отвлечься от разглядывания соседа и его заодно отвлечь, а то мы чересчур откровенно пялились друг на друга. Любопытство обжигало, мне уже хотелось дотронуться до светлой кожи, чтобы проверить, что из наших легенд правда, а что нет.

— Да, играть мы умеем, — самодовольно согласился вампир — мелодии, которые я ему дала послушать на своем сотовом телефоне, его не впечатлили. — Каждый из нас умеет. Быть композитором — легко. Вечность слишком долгая и скучная, поэтому большинство из нас умеет почти все, мы очень быстро учимся. Мы летаем в космос, — добавил он с чувством превосходства, нарочно подчеркивая, что вампиры круче людей. — А вы?

— Мы тоже, — фыркнула я обиженно. Он все еще думал о людях как о приматах? Его не убедили в обратном бабушкины старенькие вещицы?

— Наверняка мы летали дальше, чем вы, — насмешливо фыркнул он, но поморщился. — Правда, делать в космосе абсолютно нечего. Все другие планеты мертвы.

— А что там, на других планетах? — заинтересованно качнулась я вперед, чтобы ничего не пропустить. Шед тут же приглушил немного музыку и пересел ко мне на диван, чтобы быть поближе, и я могла его слышать. В красноватых отблесках пляшущих по стенам чертей его рассказ приобретал особенную фантастичность.

Любопытство все сильнее утягивало меня в опасный водоворот, остановиться было невозможно. Мое чувство самосохранения притупилось. Хотя я знала, что должна вернуться домой и оставить вампира здесь, закрыть дверь и навсегда забыть об этом случае. Надеяться, что парень не станет взламывать мой замок, и каждый из нас останется на своей стороне. Но я продолжала сидеть на месте, впитывала удивительные истории, каждое слово

воспринимала с восторгом, жадная до новых и новых подробностей. Знала, что в моем мире нельзя будет никому об этом рассказывать — даже если попробую, никто не поверит. Тайное знание моей семьи было, есть и должно оставаться для всех остальных секретом, только теперь я не просто верила бабушке в том, что опасность существует, я знала, в чем она заключена.

— Значит, ваш прогресс прилично опередил наш, — признала я, и Шед снисходительно дернул плечами.

— Не сомневаюсь! Чем еще заняться, когда впереди миллион скучных дней?

— Можно мне своими глазами увидеть? — вдохновилась я, предвкушая невероятную экскурсию по его миру. Готова была прямо сейчас встать и отправиться на прогулку.

— Это исключено, — сразу же посерьезнел Шед, остужая мой пыл. — Тебя или сразу съедят, — он приподнял бровь, увидев отразившийся на моем лице испуг. — Или отловят и вернут на ферму.

Он наклонился ближе, хотя мы и так сидели вплотную, чтобы лучше друг друга слышать. Медленно втянул носом воздух и прикрыл глаза, отчего мое сердце буквально провалилось в пятки. Я слишком расслабилась, почти забыла, что имею дело с хищником, считающим меня своей едой. Ужас окатил холодной волной, когда до меня дошло, что вампир физически наслаждается моим запахом. Мысли о доверии тут же вылетели из головы, я непроизвольно отклонилась назад, а Шед последовал за мной, как на веревочке. Острое чувство уязвимости вогнало меня в состояние паники, когда вампир открыл голодные глаза. Мы почти лежали на диване, Шеридан нависал надо мной, бежать было некуда, да и невозможно. Я в ловушке.

Улыбка, раздвинувшая его губы, все еще была прежней, спокойной и доброжелательной, и это немного умирало мой страх. Что если я просто выдумываю? Повадки хищника были частью его образа жизни, он не привык их сдерживать, но на самом деле не собирается делать ничего плохого, как и обещал.

— Хотя... — задумчиво пробормотал он и вдруг осторожно провел кончиками пальцев по моей щеке. Второй раз за минуту паника волной прошила насквозь, а сердце остановилось от ужаса. Лицо вампира было слишком близко. Прикосновение оказалось ледяным, наши легенды не врал. — Не думаю, что тебя поместят на ферму, — рассуждал он, пальцы невесомо скользили вдоль моей шеи, вызывая страх и... необъяснимо приятную дрожь, будто мое тело отделилось от разума. Я задыхалась, шокировано глядя в исследующие черные глаза, настолько невероятные, что я ощущала себя как под гипнозом. — Тебя, скорее всего, обратят, когда поймут, что ты не тупое животное, — добавил он уже шепотом, нажав на мою сонную артерию, и я почувствовала реально надвигающуюся опасность, похожую на лавину, неостановимо несущуюся с гор.

Шед сделал еще один глубокий вдох, его зрачки на мгновение вспыхнули, как у кошки в темноте. Смотрел не в глаза, а вниз, туда, где лежали его пальцы.

И тогда я отчаянно прошептала, взывая к его разуму, если он еще не отключился:

— Ты не мог бы прекратить это? Мне страшно.

— О, прости, — моргнув, Шеридан резко отодвинулся, обеспечивая между нами приемлемое пространство. Смущенный и растерянный, похоже, он и сам не заметил, насколько зашел далеко. Неловко потерев волосы, отчего прическа приняла совсем взъерошенный вид. Схватив свой бокал, Шеридан пересел на второй диван, избегая смотреть на меня. Повисла тяжелая пауза.

Я чувствовала необходимость уйти, пока не стало слишком поздно. Да и времени прошло достаточно — близилась полночь, когда праздник официально будет завершен. Как бы ни было весело и познавательно наше невероятное общение, пора было закругляться.

Удивительно, но расставаться с Шериданом оказалось немного грустно. Столько интересного и неизведанного таил его мир! Увы, наше взаимодействие было слишком опасно по многим причинам.

— Пожалуй, я пойду, — хрипло объявила я, втайне страшась, что он решит последовать за мной.

— Я провожу тебя, — парень поднялся слишком поспешно. Порадовало лишь то, что он не стал спорить.

Мы молча шли вниз, и мое сердце билось как перепуганная птица в клетке. Как мне убедить вампира, чтобы оставил меня в покое? Какие найти слова, что он не должен рассказывать о моем мире даже своим друзьям? Я была в худшем положении, всего лишь женщина на страже хлипких врат. Если я поставлю дверь из полуметровой хромированной стали, это спасет нас?

— Мы еще увидимся? — задал Шед вопрос, которого я ждала и боялась.

— Не думаю, что это хорошая идея, — прошептала я в страхе.

— Можно, я подарю тебе что-нибудь на память? — в голосе вампира прозвучала такая искренняя грусть, что я опешила и обернулась, удивленно взглянув на него. Он нервничал, это было очень заметно. Впрочем, я ведь тоже нервничала. Сказка закончилась, пришло время расставания, это необходимо было сделать, но никто из нас не желал прощаться. Хотя причины у нас наверняка были разные.

— Можно, — мой голос дрогнул от неожиданного сочувствия.

Парень стремительно метнулся наверх, а я посмотрела на дверь, осознавая, что Шед предоставил мне исключительный шанс сбежать. Прямо сейчас я могла просто шагнуть в отверстие в кладке и запереть за собой дверь, не оставляя вампиру возможности ко мне проникнуть. Да, конечно, он мог сломать ее. Но я надеялась, что он поймет намек и не станет вести себя как неандерталец.

Я понимала, что должна поступить так.

Но я этого не сделала.

Я просто не смогла поступить так подло. Кроме последних минут на диване он вел себя безупречно. Не собирался причинять мне вред или захватывать мой мир. Если бы я воспользовалась этой минутой и захлопнула дверь перед его носом, это стало бы предательством по отношению к нему и безвозвратно разрушило то странное доверие, что между нами уже возникло. Кто знает, не стало бы это началом конца? Лучше иметь соседа-друга, чем врага. Лучше договориться по-хорошему, чем принудить.

Даже если когда-то, несколько сотен лет назад, вампиры и проникали в наш мир ради охоты, то с тех пор очень изменились. Шед не был похож на вампиров из наших легенд. Он был похож, прежде всего, на человека. И не было заметно, что он собирается воспользоваться дверью для каких-либо иных целей, нежели общение со мной.

Когда он вернулся, я все еще стояла, не решаясь шагнуть в дыру и оставить его здесь без объяснений.

— Это моя авторская музыка, — с улыбкой взял он мою руку и вложил в ладонь маленький металлический кружочек. Я недоуменно подняла брови.

— Он работает от любого источника энергии, заряжается бесконтактно — можешь

просто положить его на солнце или рядом с электрической сетью. Управление сенсорное, — Шед показал пальцем туда, где не было ровным счетом ничего, кроме гладкой поверхности. Но вампир явно видел что-то, недоступное моему зрению.

Наверное, мое озадаченное выражение многое сказало о нашем уровне технологий, потому что он рассмеялся и подхватил с моей ладони предмет.

Р-раз, и он уже скользнул в дыру, на мою сторону.

Сердце сжалось в панике. Хотя вампир все еще не выказал намерения там остаться, я уже упустила шанс запереть дверь на замок.

— Пойдем, я покажу, — улыбнулся он и протянул мне руку, чтобы помочь пробраться.

Мы поднялись в гостиную бабушки, и Шед поискал у меня сеть, рассказывая по ходу, когда и по какому случаю сочинял эти мелодии. Он выглядел как человек, который всего лишь хочет поделиться результатами любимого хобби. И еще как существо, слишком долго лишенное живого общения и тянущееся к любому, готовому слушать.

Найдя розетку, Шед просто приставил к ней кружок, и тот сразу вспыхнул неярким свечением. Парень нажал невидимую кнопку воспроизведения, и моя гостиная волшебным образом преобразилась. Во все стороны распространились мерцающие разноцветные блики, превращая скучное помещение в дискотеку. Пространство наполнила неземной красоты музыка, неспешная, пронзительная инструментальная композиция, от которой перехватывало дыхание и сами собой появлялись слезы. Гимн нашему прощанию, подводный итог увлекательного дня.

Шед, кажется, тоже прочувствовал этот момент, потому что медленно приблизился и взял меня за руку, без слов приглашая на танец. Я положила ладони ему на плечи, очарованная и музыкой, и обжигающим взглядом, и мы тихо закружились по скрипучему деревянному полу.

— Этот день был невероятным, — подытожил вампир, наклонившись к моему уху, и я снова почти забыла, что он не человек. Возможно, он точно так же думал обо мне — как о равной. — Я хочу повторить его.

— Вряд ли это получится, — покачала я головой. — Я уезжаю завтра.

Правда, теперь меня одолевали сильные сомнения в том, что я продам дом. Скорее всего, я отзову договор с агентом, заварю дверь и оставлю бабушкино наследство нетронутым — медленно приходить в запустение без ухода. Было бы даже правильнее сравнить дом с землей, это исключало вероятность, что кто-нибудь когда-нибудь случайно найдет портал в опасное измерение. Можно даже насыпать для верности холм и посадить деревья.

— Но ты же вернешься однажды? — искреннее разочарование наполнило глаза Шеридана, и на мгновение мне невыносимо захотелось остаться.

Но я покачала головой снова, лишая нас обоих бессмысленной надежды. Дверь должна быть заперта сегодня навсегда. Рискнули разок — и хватит.

— Я продаю дом.

Благоразумно умолчала, что собираюсь избавиться от наследия более кардинальным способом. Если когда-нибудь Шеридан или его друзья решат сюда проникнуть, то обнаружат за дверью лишь сырую землю. Даст бог, это остановит их и спасет мой мир. Бабушке с самого начала стоило так сделать!

— А ты не продавай, — попросил вампир, осторожно снимая мою ладонь с плеча, чтобы держать меня во время танца за руку.

Пальцы были холодными, но нежными. Шед прикрыл глаза и поднес мою руку к носу, вдыхая запах. Не успела я опомниться, как его губы оставили поцелуй на тыльной стороне, а потом — с той же осторожностью — на запястье. Танец в одно мгновение стал чувственным, и мое сердце бешено заколотилось. Я не могла оторвать глаз от завораживающей картины моей руки в плену у хищника, одновременно боясь того, что может произойти, и не в силах предотвратить это. Пугающее прикосновение вызывало мурашки по всему телу.

Шед снова открыл голодные глаза. Не прекращал улыбаться, но все же удерживал мою ладонь в опасной близости от своего рта. Я не пыталась выдернуть руку, хотя порыв был силен. И в то же время мне хотелось поступить так же, как он — коснуться кончиками пальцев прохладной щеки, чтобы убедиться, что не сплю. Было тревожно находиться так близко, чувствовать надежную поддержку на своей талии и понимать, что моей силы вырваться не хватит, если вампир не захочет отпустить. Но длительное отсутствие реальной опасности усыпляло бдительность, и я невольно начинала верить, что ничего плохого не случится.

— Знаешь, а я ведь никогда не пробовал кровь по-настоящему, из живого человека... — добавил Шед мечтательно, и моя тревога вспыхнула, как фугас, когда вампир снова, прикрыв глаза, вдохнул запах моего запястья. Должна была отнять руку и как можно скорее прекратить пытку, но недоставало воли. Похоже, что легенды и тут не вдали — вампиры обладали природным магнетизмом и могли завораживать своих жертв. — Ни разу за пятьсот лет.

Я шокировано распахнула глаза, осознав его возраст. Пять сотен лет?! Это впечатляло. Миллионы новых вопросов тут же завертелись в голове.

— У нас это серьезное преступление, — продолжал Шед как ни в чем не бывало, рассматривая меня при этом с нескрываемой уже жадностью. — Но у вас-то такого закона нет.

Чувство самосохранения давно колотило молоточками по вискам — очнись, Алекса, очнись! Нельзя терять голову, когда тебя охмуряет чудовище. И мы здесь совсем одни.

Все мои опасения воплощались в реальности. Парень уже дважды пробрался в мой мир, второй раз — под откровенно надуманным предлогом. Задержался, хотя мог — и должен был — сразу уйти. Отвлек романтическим танцем. И, наконец, осознал, что законы его мира на мой мир не распространяются, и он волен делать все, что захочет. Беги, Лекси!

— Ты же не собираешься его нарушить? — нервно рассмеялась я, надеясь все же на благоразумие вампира. — Ты дал слово.

Шеридан растерянно моргнул, и мое сердцебиение вновь ускорило, когда пронизывающий черный взгляд впился в мое запястье.

Я попыталась высвободить руку, но паршивец не отпустил ее, поглаживая большим пальцем мягкую подушечку на ладони, и мне стало еще страшнее, когда он страстно зашептал:

— Да, помню, я обещал. Но искушение просто невыносимо. Никто ведь даже не узнает, кроме тебя... Хоть раз хочу ощутить, что это такое. Позволь мне...

Мне нужно было вырваться и бежать, но я застыла, парализованная страхом и чарующе ласковыми прикосновениями, как мышь в смертельных объятиях кобры, осознающая неизбежность конца.

Рот вампира слегка приоткрылся, и мне стало недоставать воздуха, когда я разглядела

быстро удлиняющиеся клыки. Я отклонилась как можно дальше, но твердая мужская рука крепко удерживала меня за талию. Мне бы закричать, твердо сказать «нет», но все произошло в считанные секунды, разум не успел среагировать. Я будто шла по лезвию ножа, ненавидя свою беспомощность, и все же добровольно сдаваясь во власть убийцы, потому что какой-то части меня было любопытно так же, как и ему...

Ноготь слегка надавил на подушечку, находящуюся в основании большого пальца, почти не больно, просто сильно, и мы оба замороженно уставились на капельку крови, собравшуюся напротив крошечного пореза, набухшую и медленно ползущую вниз.

Шед закрыл глаза и осторожно собрал ее губами. Это было похоже на поцелуй, очень чувственный и нежный. Мурашки испуганной стайкой разлетелись по коже, спазм в ногах сделал их слегка неустойчивыми. Опасность добавила интимному моменту особенной остроты, я как будто разделилась на две части, одна безмолвно кричала в абсолютном ужасе, другая с извращенным любопытством наблюдала за вампиром.

Его кадык двинулся вверх и вниз в момент глотка, давление в ладони тут же усилилось. Вместе со страхом пришла необъяснимая эйфория, как будто мы переступили физические границы не только между нашими мирами, но и между телами. Шед издал тихий стон, словно чувствовал то же самое, и я вцепилась в его предплечье, чтобы удержаться на слабеющих ногах.

Вампир сделал еще глоток, с очевидно возросшей потребностью, и его губы из нежных вдруг стали твердыми. «Поцелуй» тут же потерял все очарование, и мое сердце зашло в бешеном ритме. Ощущение опасности вернулось, совсем как тогда, в его доме на диванчике, только теперь гораздо сильнее. Нужно остановиться, нужно остановиться.

— Хватит! — прошептала я в отчаянии и попыталась выдернуть руку.

К моему удивлению, Шеридан тут же уступил, замороженно следя, как новая капелька крови набирается в порезе. На этот раз я не стала терпеть принуждение и спрятала руку за спиной, подальше от голодных черных глаз. Нет, теперь не совсем черных, а чуть побагровевших, но этот незначительный оттенок быстро затухал и спустя секунду исчез.

Мы оба немного задыхались, я — от странного удовольствия, смешанного со страхом за свою жизнь, а Шеридан, похоже, от восхищения. По крайней мере, смотрел он на меня как на чудо, свидетелем которого стал впервые. И не спешил выпустить из объятий.

— Ну и какова я на вкус? — шепнула я, не уверенная, что он вообще отдает себе отчет в том, что делает. Мы уже давно не танцевали, просто стояли посередине гостиной. Я безуспешно упиралась в его грудь неповрежденной рукой, а Шед нависал надо мной, внимательный и голодный.

— Прекрасно, — со значением облизнул он блестящие зубы и захватил локон моих волос, перебирая его пальцами. — Изнутри и снаружи.

От неожиданного комплимента я смутилась. Желая избежать развития опасной во всех смыслах ситуации, напомнила:

— Тебе пора.

Мелодия закончилась, а новая так и не началась. Мы просто стояли в тишине, и теперь Шед, наконец, отпустил меня. В его лице мелькнула растерянность, быстро сменившаяся разочарованием. Он понял, что зашел слишком далеко, и ему нужно домой. Мое сердце тоже защемило от этого.

Спускались мы в полном молчании, нечего было сказать. Все было ясно.

Оказавшись в погребке, Шеридан прожег меня сожалеющим взглядом. Я сглотнула, когда

его рука поднялась, и пальцы снова заскользили вдоль моей щеки. Задрожала, когда он наклонился слишком близко, словно запоминал каждую черточку. Что происходит? Когда все успело зайти настолько далеко? Почему парень, встретивший меня сегодня впервые в жизни, ведет себя так, будто я важна для него? В любовь с первого взгляда я никогда не верила. Хотя, если признаться самой себе, в Шеридане тоже было что-то ужасно притягательное, но я объясняла это себе вампирскими чарами.

— Знаю, что должен уйти, но я чертовски не хочу запира́ть эту дверь навсегда, — пробормотал он тихо.

— Нам придется, — настояла я, испытывая не только страх, но и мучительное наслаждение от прикосновения, как будто барьеры между нами и вправду разрушились после танца. Или, что все-таки вернее, после того как вампир меня попробовал.

— А может, встретимся еще разок? — предложил он с ломающей мою волю надеждой. — Я могу принести диски, рассказывающие о моем мире. Ты могла бы многое узнать, я видел, тебе было интересно.

Чертовски соблазнительное предложение почти вскружило мне голову. Побывать в его мире — все равно что оказаться в будущем. Разве может это быть неинтересным? Да любой на моем месте жаждал бы узнать как можно больше о соседней цивилизации! Полеты на другие планеты? Лекарства от неизлечимых болезней? Продвину́тые технологии? А еще оружие, которому в моем мире нет равных... Именно поэтому и стоило запереть дверь! С усилием я покачала головой.

Вампир опять наклонился ко мне, чтобы с наслаждением втянуть носом мой запах, но я уже не боялась последствий. Хотел бы — давно сделал все, что хочет. Он выглядел так, словно прощался с самой вероятностью искушения, которого никогда больше не испытает.

— Полагаю, я должен сохранить наш секрет в тайне, — отступил он с огромной неохотой. — Никто не должен узнать о существовании пяти миллиардов человек?

Он мрачно улыбнулся, и я тоже выдавила кривую улыбку, благодарная за понимание. Приятно, что он проникся всей сложностью ситуации и принял правильное решение, пусть даже и в ущерб себе. Немногие на его месте поступили бы так же.

— Пожалуйста, — попросила я, и он кивнул.

Окажись я представителем более могущественной цивилизации, смогла бы отказаться от шанса завоевать слабого соседа? Особенно если ресурсы на моей стороне были бы почти исчерпаны, а на другой — безграничны? И именно поэтому я тоже должна была хранить секрет. Если правительство узнает о существовании параллельной вселенной, оно накликает беду на обе стороны. Начнется война, и ставку я бы сделала не на человечество. Если хотя бы малая часть легенд — правда, мы будем обречены.

Наверху в гостиной часы начали отбивать полночь, и Шеридан словно очнулся ото сна. Посмотрел на дверь, его лицо погрузнело, а руки безвольно упали вниз. Очарование момента рассеялось, и я облегченно вздохнула.

— Это был интересный опыт, — ухмыльнулся вампир с нескрываемым сожалением и взялся за ржавую ручку двери. Потянул, но глаза не отрывались от моих ни на секунду.

— Да, — признала я, тоже не в силах отвести взгляда. Расставание немножко затянулось, но чем дольше оно продолжалось, тем сильнее я верила, что за увлеченностью парня стоит не только жажда свежей крови. Он смотрел на меня вовсе не как на еду. Кажется, он видел во мне интересную женщину.

Я не считала себя особенно привлекательной, хотя и дурнушкой меня назвать было

нельзя. Стройная и высокая, я обладала худощавым телосложением и приятными чертами лица, отрастила длинные каштановые волосы почти до пояса, но редко их распускала. Мужчин зачастую отпугивал мой рост, а еще занудство — кое-кто называл меня скучной. Может, потому что я не флиртовала с кем попало, не пыталась завоевать всех подряд, как Джулия? И не вешалась на первого встречного, как Бет? Оставалась ответственной и серьезной, не подпускала к себе тех, в ком не уверена. Я была излишне разборчивой, поэтому до сих пор куковала одна. Любопытно, что такого особенного Шед увидел во мне, чего не видели другие? Помимо крови, конечно. Жаль, что я никогда не узнаю ответа...

— Не продавай дом, — практически приказал вдруг вампир, не скрывая переживаний. — Пожалуйста...

— Я подумаю... — солгала я, чтобы он, наконец, убрался. Но уже не была уверена, что мне хватит воли поступить так, как необходимо — похоронить это место под толщей земли. Если я это сделаю, нет никакой гарантии, что не передумаю позже и не попытаюсь все вернуть назад.

— Может, проведем вместе следующий Хэллоуин? — улыбнувшись одними губами, предложил парень с надеждой.

— Может быть, — отозвалась я нерешительно.

— Я постучусь, — пообещал он, его глаза сверкнули в полутьме — свеча, чадаящая в погребке уже давно, почти догорела. Быстро наклонившись, Шед неожиданно поцеловал меня в щеку, которую будто пламенем обожгло, хотя губы были холодными. — Спасибо, — поблагодарил он и, оставив меня ошеломленно моргать, шагнул к себе домой.

Время словно замедлилось. Парень исчез за дверью, а я застыла, испытывая одновременно легкость и боль. Все закончилось? Можно больше не волноваться? Меня сковало оцепенение, и потому я не сразу поняла: что-то не так.

Дверь закрывала обзор, с этого положения я не видела проем в кладке и не знала, закрыл ли Шеридан дверь со своей стороны. На пол просыпалась горсть земли, затем другая... И я нахмурилась в недоумении.

А затем Шед вернулся. Я бы испугалась за себя, если бы его глаза не были наполнены такой неподдельной паникой. Будто случилось что-то страшное и непоправимое, способное разрушить мой или его мир.

Горло перехватило, когда я представила, что прямо сейчас из того мира в мой полезут другие вампиры. Не такие как Шед. Менее дружелюбные и понимающие.

А потом Шед толкнул дверь нараспашку, чтобы я сама все увидела, и потрясенно выдохнул... В дыре снова образовалась земля, наполняющая помещение характерным влажным запахом. Тяжело дыша, Шеридан все глубже раскапывал отверстие, но его мира на той стороне больше не было...

— Что за?.. — воскликнула я, не веря своим глазам. Как будто ничего необычного не случилось за этот день, все снова стало таким же, как накануне. Хэллоуин закончился, мистика исчезла.

Наступило первое ноября.

— Хэллоуин... — дошло до меня запоздало.

Шед одновременно выпалил:

— Часы! Полночь!

Догадка и раньше приходила мне в голову, неосознанно сидела там с самого утра. Неспроста же бабушка запрещала спускаться в погреб именно в этот день. Да и Шеридан

подозревал подобное, иначе мы оба не стремились бы расстаться до полуночи, успеть вернуться к себе. Но, увлеченные танцами, искушением, интересной беседой и друг другом, забылись. Упустили буквально несколько секунд. Если б Шед не затянул так прощание, то успел бы!

— Прямо как в сказке про Золушку, — покачала я головой. Мы с вампиром смотрели друг на друга в неподдельном ужасе. Я, представляя, что это случилось бы со мной, задержись я в его мире чуть-чуть дольше. Он, наверняка боясь неизвестности, которая ждет его здесь. — Полночь пробила, карета превратилась в тыкву... Портала больше нет.

Шеридан нахмурился, эмоции живо отражались на его лице — растерянность, страх. Хоть он и бравировал нежеланием расставаться со мной так скоро, все-таки не собирался застрять здесь без права выбора. Он хотел домой.

— Не волнуйся, — попыталась успокоить я его, хотя сама находилась в не меньшей панике. — Через год откроется.

— Целый год! — простонал он, пальцы сжали лоб и нещадно запутались в волосах. — Ты шутишь?!

— Кажется, ты не очень-то торопился к себе, — напомнила я строго.

Я очень ему сочувствовала, он находился в таком искреннем отчаянии. Даже забавно, что я весь день переживала, вдруг не смогу прогнать его. Оказалось, он и сам боялся застрять по эту сторону. Именно таких, как он, боялись мои дальние родственники, повесившие эту дверь? Хотя вампиры, приходившие в наш мир прежде, наверняка не были такими паиньками, как Шеридан. Ну, или они просто дичали, оказываясь здесь, где можно охотиться свободно и безнаказанно.

— Что я буду пить? — прошептал парень потерянно, бросив на меня полный ужаса, безумный взгляд.

Будто ответ на его молитву, в лесу раздалось далекое уханье совы. Я подняла бровь.

— О нет! — брезгливо поморщился он, качая головой и отступая назад, как будто я предложила ему нечто неприемлемое. — Я не умею! Никогда сам не охотился!

— Так ты из тех, кого выращивают на фермах? — посмеялась я над иронией ситуации. Откуда же в нем столько превосходства? — Тебя обучили и обратили твои хозяева?

— Нет! — оскорбился вампир, на мгновение даже позабыв о своем плачевном положении. — Я родился и рос в смутные времена, но я никогда не был скотом на человеческой ферме!

— Ладно, ладно, не злись, — я примирительно подняла руки, не желая ссориться, тем более что проблема вставала перед нами очень серьезная. — Ты же чем-то питался, когда тебя обратили?

— К тому времени уже действовали законы о запрете на свободное убийство людей, — зажмурившись, Шеридан с силой потер переносицу пальцами, тщетно пытаясь успокоить учащенное дыхание. — К людям новичков не допускали, а коров и тогда уже развели в изобилии. Я не был один, как дикие сородичи, вынужденные самостоятельно охотиться ради глотка крови. Друзья все устроили, я вышел на работу и ни в чем никогда не нуждался!

Вот тебе и убийца. Непутевый монстр, ни разу в жизни не пользовавшийся клыками. Как это у него хватило смелости присосаться к моей ладони? Для него это, наверное, и вправду было из разряда удивительных потрясений. Непреодолимое искушение, на котором всегда стоял жесткий запрет. Все равно что впервые попробовать секс, или алкоголь, или наркотики, или даже убийство. Нельзя, но если ты знаешь, что точно не будет последствий,

то так сильно хочется!

— Ну, скорее всего, ты быстро научишься. Умение добывать пищу должно же быть у хищников в крови? Это как езда на велосипеде — после того как понял принцип, уже никогда не забудешь.

На мое неуклюжее сравнение Шеридан лишь закатил глаза.

— Нужно просто немного практики и... — я испуганно убрала руку за спину, когда у вампира вспыхнули глаза при взгляде на меня. Уж лучше молчать, а то подумает, что я ему свою кровь предлагаю.

Повисла напряженная пауза. И что теперь делать?! Я привела голодного хищника в наш мир, теперь он — моя ответственность. Больше ничего не оставалось, кроме как подняться наверх, продолжить наше общение, которое, по всей видимости, будет долгим... и очень необычным.

— Ты ведь не бросишь меня одного в своем мире? — шепотом начал он, наблюдая за тем, как я подняла с пола новый замок, чувствуя необходимость обязательно запереть дверь, даже если уверена, что в течение года никто оттуда не явится.

— Не брошу, — пообещала я, ведь именно по моей вине Шеридан здесь застрял. Если бы не мое неумное любопытство, ни он, ни я сейчас даже не знали бы о существовании портала. Я была обязана защитить людей от чудовища, в которое он превратится, как только проголодается. Как это сделать, я понятия не имела, но точно нельзя было отпускать его на вольные хлеба. Что-нибудь придумаю.

Я натянуто улыбнулась, и Шеридан кисло улыбнулся мне в ответ.

Замкнув замок, я убрала ключ в карман и со вздохом предложила вампиру вернуться в дом. Шед покорно побрел за мной, где в гостиной снова работала светомузыка, проигрывая прежнюю мелодию на повторе — единственное доказательство, что его мир существует. Кроме него самого, конечно. Но об этом мы не будем никому рассказывать.

Я напряженно застыла, обдумывая варианты решения проблемы, но, кроме обыкновенной охоты, ничего в голову не приходило. Донорскую кровь простому обывателю не купить. На коров не хватит моей зарплаты, а еще за ними кто-то должен будет ухаживать. Это при условии, что зоозащитники не заинтересуются, почему коровы так часто умирают или откуда на них укусы.

Шеридан приник к окну, что-то рассматривая в непроглядном ночном лесу, и мое воображение нарисовало картину его нападения на оленя... или на медведя, или на маленького кролика — вряд ли хоть что-то из этого будет ему по душе, учитывая его брезгливое отношение к пыли на здешней мебели. Тот, кто несколько веков употреблял кровь исключительно из хрустального бокала, и чей дом сияет безупречной чистотой, не сможет мгновенно перестроиться на повадки дикаря. Может, это и к лучшему, потому что у меня будет больше контроля. Но как еще он сможет выжить на моей стороне?

Словно подтверждая мои слова, вампир обессиленно опустил на стул и спрятал лицо в ладонях. Такой невинный, угнетенный своим положением зайчик. Но, несмотря на то, что он находился от меня на приличном расстоянии, бабушкин дом от присутствия хищника казался поразительно тесным. Не было и речи о том, чтобы Шеридан поехал со мной в город. Если в большой гостиной меня душит страх, то в однокомнатной городской квартире я просто сойду с ума!

— Ты можешь пожить здесь, — идея оставить вампира в глуши выглядела все более привлекательной. В городе искушений для него будет многовато. — Вокруг — лес, в

котором точно водится зверье. Если не будешь высовываться, о тебе никто даже не узнает. Уверена, за год ты вполне освоишься.

Шед медленно поднял на меня черные глаза, в которых плескался невообразимый ужас, и мне тут же стало стыдно за свои слова. Если бы я оказалась в чуждом мире, хотела бы, чтобы меня вот так бросили в одиночестве, самой разбираться с местными законами и обычаями? Запертая дверь надежно охраняла наш мир от чудовищ, которые давно перестали ими быть. Шеридан не виноват в том, что у него есть особенные потребности, и что в моем мире вампиры вымерли и некому будет его научить. Мне следовало относиться к нему снисходительней.

— Конечно, нет, — взяла я назад свои малодушные слова, смущенно улыбаясь. — Прости, в городе у меня маленькая квартира. Но, — добавила поспешно, потому что парень изменился в лице, — думаю, мы как-нибудь поместимся.

— В городе, — резюмировал он крайне мрачным голосом, словно ощутил приближение конца света. — Там, где миллионы живых людей будут окружать меня. Отлично, — выдавил с таким глубочайшим сарказмом, что в моей голове очень живо воспроизвелась эта пугающая картина.

Голодный вампир в центре города в человеческой толпе — все равно что волк среди овец. Да уж, веселенький предстоит год...

— Давай, смелее, — убеждала я Шеридана, нерешительно мнущегося возле кромки леса.

Ему необходимо было подкрепиться, и мы уже тысячу раз обсудили это. Вначале он утверждал, что я слишком рано его разбудила, и он не выспался. Потом придумал отговорку, что его кожа не переносит солнце. Но когда я спросила, сгорит ли он, как вампиры из наших мифов, то лишь закатил глаза и назвал это полным бредом.

К полудню стало очевидно, что собирается дождь — небо заволокло серыми тучами. Тогда я решительно потребовала проявить ответственность, отбросить брезгливость и поймать уже какого-нибудь зверя. Не будет же Шед охотиться на людей?! Если он проголодается настолько, что начнет убивать моих соседей, я прогоню его прочь и больше не пущу на порог! К тому моменту я уже узнала о нем достаточно, чтобы понять, что эта угроза сработает: больше всего парень не хотел выживать в моем мире в одиночку, остаться без крыши над головой и единственного человека, который знает об его истинном происхождении и готов помочь.

Первое ноября. Сегодня днем я должна встретиться с агентом, чтобы отказаться от продажи дома. Дом останется моим, как того хотела бабушка, и я продолжу хранить семейную тайну. Но я жила в Милуоки, и Шед отправится туда вместе со мной. Город с населением в полмиллиона, так что вампир обязан был утихомирить свою жажду.

Еще с утра я заметила, что его поведение изменилось. Он нервничал, наблюдая за моими сборами, и вздрагивал, если я случайно или намеренно касалась его. Предыдущий вечер вышел романтичным, наше дружеское общение затянулось до самого утра: я устроила Шеду ликбез по правилам моего мира, и он внимательно впитывал полезную информацию, пытаясь сориентироваться. Разошлись по комнатам мы лишь на рассвете, и мне показалось, что вампиру стало немного легче после того, как он больше узнал. Поэтому с утра мне было не понять его необъяснимое напряжение и то, с каким мрачным выражением он следил за каждым моим действием, заставляя испытывать дискомфорт.

— Что не так? — спросила я, когда мне окончательно надоело его пристальное внимание. Он отвернулся, но я настояла на ответе: — Шед, если ты хочешь, чтобы я помогла тебе освоиться здесь, ты должен мне доверять и не скрывать, если тебя что-то беспокоит. Иначе у нас ничего не получится.

— Я не хочу тебя пугать, — признался он тогда с неохотой. — Похоже, у меня проблема с твоим... — сердито выдохнул, — запахом.

— Что?.. — оторопела я и невольно сделала шаг назад, а брови Шеда сошлись на переносице, пока он фиксировал это мое простое движение, словно гончая на охоте, почуявшая след. Я слышала, что от некоторых хищников бежать нельзя: почувствовав страх, они обязательно нападают. Глаза Шеридана напугали меня именно таким выражением, и я замерла на месте, боясь его спровоцировать.

— Понимаешь, у себя я мог в любой момент выпить столько, сколько необходимо для поддержания существования, — он махнул рукой в сторону погреба, намекая на свои запасы, которые теперь оказались недоступны. — Мне не приходилось думать о том, когда я в следующий раз доберусь до канистры. Едва чувствовал жажду, я просто шел в хранилище, это же очевидно! — досада отразилась на его красивом, бледном лице.

— Как часто тебе нужно пить? — внутренне ужаснулась я, оценивая масштабы новой катастрофы. Хотя что в этом удивительного? Я же завтракаю, вставая утром, обедаю и ужинаю, почему бы не предположить, что вампир так же часто должен питаться?

— В теории мы можем очень долго обходиться без крови, — прожег он меня голодным взглядом, который затем превратился в задумчивый. — А на практике — я никогда не делал больших перерывов, это всегда было чем-то само собой разумеющимся — постоянно понемногу пить, чтобы оставаться в хорошем настроении и не отвлекаться на физическое недомогание. Я не испытывал жажды, не знал даже, что это такое. И теперь... — напряженно поморщившись, он отвернулся, — я чувствую этот нарастающий зуд внутри. А учитывая еще, что ты пахнешь как моя еда, ты становишься моим ежеминутным искушением! Все равно что поставить передо мной чашку крови, но запретить прикасаться к ней.

После этого я решительно схватила его за рукав и выволокла во двор, настаивая на том, чтобы он немедленно отправился на охоту. Потому что я не позволю ему попасть в город голодным! Он должен был найти способ утолить жажду сейчас, пока рядом лес и вокруг ни души на многие мили. Позже у меня не будет возможности возить его в заповедник трижды в день, меня ждет работа. Он либо научится добывать себе пищу сегодня, чтобы я была спокойна за него, себя и все остальное человечество, или останется в бабушкином доме один до следующего Хэллоуина.

И вот теперь я уговаривала этого совершенно беспомощного и растерянного великовозрастного ребенка, который смотрел на меня так, будто я отправляю его на войну.

— Ты должен разобраться со своей проблемой здесь и сейчас, иначе никуда не поедешь. Другого выхода нет. Все получится, по-другому и быть не может. Хищник ты или нет? Просто вспомни, как делал это, — я храбро продемонстрировала ему свою ладонь с заживающей царапиной, надеясь ободрить.

Он вздохнул, и я закатила глаза, когда он ступил на лесную тропинку с таким видом, будто его подстерегают там чудовища. Сделал глубокий вдох, передернул плечами от отвращения, решительно наклонился вперед и мгновенно скрылся. Я уже видела, что он передвигается гораздо быстрее человека, но чтобы так молниеносно исчезнуть... Это невероятно пугало. А мне ведь теперь предстояло с ним жить!

Я успела съездить на встречу с агентом и вернуться домой, полностью собрать чемодан и заказать такси на вечер, пообедать и прикрыть мебель перед отъездом прежде, чем Шед вернулся. Это произошло в полной тишине. Только что кресло пустовало, а когда я снова повернулась к нему, Шеридан уже вальяжно сидел там, рассматривая меня с задумчивым видом.

— А-ай! — вскрикнула я от неожиданности, а потом покачала головой: придется мне и к этому привыкнуть. Мы были очень разными, и нам предстояло соседствовать буквально плечо к плечу. В крохотной по сравнению с бабушкиным домом квартире. Как это вообще будет выглядеть? И что принесет мне в дальнейшем.

Сердце колотилось как ненормальное, но я отметила, что вампир стал спокойнее: темные волосы от сильного бега растрепаны, зато движения медленные и расслабленные и потому сильнее похожи на человеческие. Повадками он больше не напоминал крадущегося зверя.

— Ты выглядишь лучше, — прошептала я замороженно, почти любясь мужчиной перед собой. Когда он не был опасным и пугающим, то становился действительно красивым. —

Похоже, прогулка была удачной?

— Не то слово, — кивнул он и широко улыбнулся, демонстрируя ровные зубы без клыков. — Свежая кровь куда вкуснее консервированной, я это понял, еще когда пробовал твою, — облизнулся он совершенно наглым и плотоядным образом, заставив меня внутренне содрогнуться.

— Значит, я оказалась права? Дикарь в тебе проснулся? — я закатила глаза, чтобы скрыть ужас. Быстро же с него слетела шелуха цивилизованности, в первую же охоту он научился всему, еще и получил явное удовольствие. Сколько же ему понадобится времени, чтобы отбросить законопослушность и переключиться на людей?

— Ты сама отправила меня в лес, Лекси, — напомнил он немного обиженно. — Мне по-прежнему не нравится идея прокусывать вонючую звериную шкуру, это отвратительно, как и то, что они сопротивляются и визжат. Не то чтобы я жалел этих созданий, но поверь, мне не доставляет радости причинять им боль. Как и умертвлять их... собственными руками.

Я кивнула: Шеридан был не безнадежен, раз его задевали чьи-то страдания, и надежда во мне ожила. Все мы сталкивались однажды с пониманием, что едим мясо животных, пущенных на убой. Но одно дело — купить мясо в магазине, и совсем другое — самим взять в руки нож и убить живое существо. Большинство обычных людей не смогли бы решиться на это.

— Но, признаться, мысль о человеческой плоти под моими зубами не внушает мне такого же отвращения, — тихо добавил Шед, и моя надежда разрушилась в прах.

Что он сказал?.. Подняв голову, я встретилась с внимательно следящими за мной глазами. На губах вампира играла нечитаемая улыбка: очевидно, он прощупывал мою возможную реакцию на свои слова.

Несмотря на обманчивую безобидность, Шед был опасен, я небезосновательно боялась его. Это как плавать с ручными акулами: пока они сыты, и ты невредима, это вроде бы безопасно, но стоит пролиться капле крови, и ты оказываешься среди обезумевших хищников. Мне придется бороться с этим страхом целый год, если я хочу быть уверена, что Шеридан никого не укусит.

Несмотря на солидный возраст, Шеридан действительно походил на ребенка в некоторых вещах.

— О боги, — пробормотал он с отвращением, когда к дому подъехал старенький автомобиль со знакомым таксистом за рулем. — Что это за корыто?

Пришлось шикнуть на него, чтобы не выделялся. И еще раз приструнить, когда он уставился на водителя своими страшными черными глазищами и чересчур по-звериному принялся, при этом раздраженно отворачиваясь от пробивающихся сквозь листву солнечных лучей. Тучи рассеялись, и на завтра погода обещала быть ясной, что невольно возвращало меня к проблеме питания вампира. Неужели ему придется охотиться по три раза в день? Я очень сомневалась, что у него хватит терпения добираться до заповедника и обратно с такой частотой, проще было бы остаться в бабушкином доме, где лес всегда под рукой.

Такси везло нас в Милуоки, и вампир с таким жадным любопытством разглядывал окружающий мир, что я не могла не улыбаться. В его глазах отражалось искреннее изумление, когда он качал головой, увидев что-то для него особенное, или выворачивал шею, провожая взглядом какой-нибудь заинтересовавший его элемент пейзажа.

На дороге вампир и вовсе перестал сдерживаться:

— Я пешком добежал бы быстрее!

Даже и не сомневалась, что это так, я ведь видела, с какой скоростью он способен перемещаться.

— Разве у вас нет машин?

— Есть, конечно, — фыркнул Шед, бегло взглянув на выдавший виды спидометр и похрипывающее от старости радио, — но они летают раз в десять шустрее.

Мысленно я прикинула цифру и поняла, что вампирские тачки ездят со скоростью выше, чем наши самые крутые гоночные автомобили.

— Быстрее можно было на самолете, но без документов билет на тебя не купить, — пожалала плечами я, — поэтому пришлось выбрать такси. Повезло, что до Милуоки ехать недолго, часа четыре или пять.

— Недолго, — повторил он с откровенной издевкой, найдя в небе медленно движущуюся точку, оставляющую белесый след.

— А какую скорость развивают ваши самолеты? — живо поинтересовалась я, предполагая, что если у наземных машин возможности вдесятеро превышают наши, то пассажирский авиалайнер впечатления на Шеда тоже бы не произвел.

— Вы уже преодолели гиперзвук? — с ехидной улыбкой поднял бровь он, и я заткнулась, не представляя себе это на практике. На такой скорости у нас летали лишь ракеты, человек бы попросту не выдержал перегрузок.

— Вы, вероятно, гораздо крепче людей физически, — вздохнула я, осознав, что колом в сердце от вампира можно избавиться разве что только в фильмах, а на практике все наверняка гораздо сложнее.

Не то чтобы собиралась... просто мысль о неуязвимости гостя из параллельного мира слегка ужасала. Случись что, как мне защититься от него? Если за год Шед слетит с катушек от ощущения свободы и безнаказанности, как остановить его?

На неудобный вопрос он, как водится, не ответил, зато задал мне с десяток новых.

Первые проблески уважения в голосе Шеридана появились в городе Грин-Бей, где я намеревалась отпустить старенького водителя домой и сменить машину на более комфортабельную и быструю.

— Этот город тоже построили люди? — оценил он плотную застройку и количество перекрестков, разглядывая многоэтажные дома и современные фасады магазинов.

Я лишь снисходительно улыбнулась, ожидая еще более яркую реакцию на небоскребы Милуоки и бесконечный поток машин на улицах. К слову, я жила на двадцать втором этаже, а в Грин-Бей самым высоким зданием была восьмиэтажка.

— А ваш друг — он откуда? — тут же поинтересовался таксист, который уже битый час подозрительно разглядывал Шеда в зеркало заднего вида. Разумеется, в Эсканабе все друг друга знали в лицо, и я приехала одна, а уезжаю с парнем. Это должно было его насторожить. А еще странное поведение пассажира и еще более странные разговоры, хотя вряд ли он мог расслышать за музыкой подробности.

Прежде, чем вампир раскрыл рот, я вцепилась в его руку и изо всех сил ее сжала.

— Мой спутник долго жил в уединении, — пояснила я. — Он никогда не бывал в большом городе.

— Ох уж эти сектанты, — понимающе покачал головой шофер, и я с облегчением выдохнула, когда мужчина не стал допытываться, где именно жил мой спутник, а Шед не стал спорить. Хотела отнять руку, но Шеридан не выпустил ее, накрыв второй и удерживая

рядом с собой.

Смутившись, я сердито взглянула на него, но он уже смотрел в окно, полностью увлеченный сутолокой автовокзала, на который мы прибыли. Может, для него этот жест не имел такого же значения, как для людей? Может, таким образом он просто искал моральной поддержки? Я уступила, игнорируя приятное покалывание, возникающие вовсе не от холода кожи вампира, но от нежности прикосновения. Я пыталась верить, что это не банальный подкат, как в моем мире, и что струны моей души ни капельки не задеты, но упрямые мурашки доказывали обратное.

Это было неправильно. Все, что случилось за последние дни, было ужасно неправильно, но сильнее всего меня убивала моя собственная реакция. Шеридан настойчиво нарушал границы моего личного пространства с самой первой встречи, но для его мира это могло быть в порядке вещей и не нести особенного смысла. Я же постоянно ловила себя на том, что привлекательность вампира в моих глазах с каждым часом растет.

Не то чтобы он намеренно что-то для этого делал, но я внимательно собирала в копилку своей симпатии все его достоинства. Начитанность, отличное чувство юмора и острый ум. Заразительный смех и совершенно очаровательная улыбка. Способность быстро адаптироваться к меняющейся ситуации поражала, а умение слушать и запоминать — даже то, что ему, как мужчине, вряд ли интересно — не могло не покориť женское сердце.

Я не знала ни одного парня в своей жизни, кто запомнил бы все имена, которые я называла во время беседы, и свободно ориентировался среди них, хотя ни разу не видел моих друзей. Кто спросил бы о моих родителях и больше часа охотно слушал скучную историю моего детства, а потом еще и несколько раз возвращался к теме, о которой я давно забыла, и задавал новые вопросы, заставляя меня чувствовать себя интересной личностью. Кто так бережно отнесся бы к привычкам хозяйки дома и гасил лишний свет, заметив, что так делаю я, или поправлял сбившуюся портьеру, потому что мне самой хотелось сомкнуть ее постоянно расходящиеся края, или не путал полотенца, хотя я ни о чем таком его не просила. Я просто замечала его исключительную внимательность и невольно таяла.

А еще эта его длинная челка, постоянно падающая на лоб красивой волной, которую он отбрасывал характерным жестом. Не полные, но четко очерченные и удивительно чувственные губы, от которых я не могла отвести взгляда, едва он заговаривал. И поразительная кошачья грация, пронизывающая все его движения, опасная, но сексуальная и невероятно притягательная. Жуткие черные глаза я бы отнесла к недостаткам, если бы они одновременно так не завораживали. Вампирская сущность пугала меня до чертиков, но если бы не она, Шеридан был бы обыкновенным человеком. Наверное. И вряд ли так сильно привлек бы мое внимание. Я почти уверена.

Только мое убеждение в том, что симпатия к парню, которого я едва знаю, неуместна, удерживало меня от глупостей. Но я понятия не имела, насколько долго меня хватит, когда мы начнем жить вместе. И если Шеридан и впредь будет таким классным.

В Грин-Бей я взяла машину напрокат — это вышло дешевле, и водитель больше не будет невольным свидетелем наших странных бесед. Проблему документов Шеридана стоило решить в ближайшем времени, если он планирует путешествовать, да и просто выходить из дома. А пока нам осталось преодолеть последний отрезок пути до Милуоки, где располагалась моя однокомнатная квартира на двадцать втором этаже.

— Должен признать, размах, с которым вы тут живете, впечатляет, — заговорил Шед, как только мы остались наедине. Мимо нас проплывали последние улицы Грин-Бея с

современными фасадами офисных центров. — Вы как муравьи: образуете огромные колонии, вас неудержимо тянет друг к другу. По отдельности вы слабы, но посмотри, чего вы добились, объединив усилия! Конечно, вы отстаёте от нас в развитии, но уже далеко не примитивны.

Я фыркнула: очередное сравнение-оскорбление. Шеридану еще предстояло научиться уважать человеческий мир. В конце концов, «примитивные» людишки как-то избежали вампирского апокалипсиса, случившегося в параллельном мире! И, вероятнее всего, уничтожили нескольких залетных гостей-вампиров, невзирая на их хваленую силу.

— Боюсь вообразить, каким огромным мне покажется Милуоки после Грин-Бея и особенно Эсканабы. А еще ты рассказывала о мегаполисах вроде Лос-Анджелеса и Нью-Йорка, даже представить такое скопление невозможно! Как вы можете образовывать такие тесные конгломерации и не начать друг с другом войну?

Ну, это он, конечно, польстил: люди постоянно убивали друг друга, не поделив какую-нибудь ерунду. Соседи зачастую ненавидели тех, кто живет рядом. Но в целом люди действительно умели сосуществовать, и чем их было больше, тем страна становилась влиятельнее и сильнее, в этом вампир был прав.

— Вы тоже построили города, — пожалала плечами я, вспоминая краткую историю вампирского мира. — Сам говорил, что у вас нечто подобное есть.

— Да, но мы же хищники, нам тяжело находиться рядом с сородичами долгое время, — возразил Шед. — Мы не живем в этих городах, они созданы лишь для некоторой работы, требующей концентрации живой силы. Наши жилища находятся друг от друга на приличном расстоянии, границы их четко обозначены. Места, где можно встретить много вампиров вместе — это фабрики и заводы, но мы не бываем там постоянно. Причем вампир способен выполнять огромный объем работы в одиночку, ему не нужны помощники. С тем, что вы в офисе делаете целой командой, вампир у нас справился бы один. Не говоря о том, что твоя работа, Лекси, не требует у нас личного присутствия, задачи и решения высылаются почтой, не выходя из дома.

— Как же вы общаетесь?

— Никак, — коротко ответил он. А затем, когда я непонимающе нахмурилась, ответил более развернуто: — Несмотря на кажущуюся цивилизованность, Лекси, дружба между вампирами — большая редкость. Семейные узы существуют только между влюбленными. Мы можем годами не видеть своих друзей. С Оливером и Хью, голоса которых ты слышала, мы встречаемся раз в год или даже реже, остальное время существуем раздельно, месяцами не интересуемся жизнью друг друга, созваниваемся лишь по важным вопросам. Даже наше общее дело мы ведем каждый в своей части материка. В вампирах очень силен инстинкт территории. При неожиданной встрече мы не обнимаемся, как старые друзья, так принято только в вашем мире. Наши отношения, даже старые, приятельские, всегда настороженные.

Я могла только посочувствовать их образу жизни, мне он казался безрадостным и одиноким. Я хоть и сама была немного замкнутой, не хотела бы жить так. Мне нравилось личное общение.

— Думаю, тебе не стоит в следующий раз так открыто показывать свою чужеродность, — предупредила я, размышляя о подозрительном таксисте. — Это выглядит странно и может привлечь к тебе нежелательное внимание любопытных соседей или даже каких-нибудь соответствующих органов. Будь поосторожнее и высказывай свое мнение о «примитивных достижениях человечества» не так громко. Только мне и лучше не в толпе, а

дома.

Шед снисходительно ухмыльнулся:

— Да что вы, люди, можете сделать мне!

Стоило еще раз доходчиво ему объяснить, чем грозит разоблачение.

— Ты же не хочешь, чтобы за тобой пришла полиция, а еще хуже — ФБР? — предостерегла я. — У них есть оружие, которое наверняка опасно даже для таких, как ты. И если станет известно, что в нашем мире поселился вампир, покоя тебе не будет. Если тебя схватят и отправят на опыты, я помочь уже не смогу. Не смогу даже узнать, где тебя держат.

— Это веский аргумент, — тихо согласился Шед, и я немного расслабилась.

— Лучше, чтобы люди не знали ни о тебе, ни о существовании параллельного мира, ни о том, что туда можно проникнуть. Незачем пугать их. Пусть вампиры остаются там, где им место — в легендах. У нас очень не любят тех, кто отличается от массы. Хоть мы и цивилизованны, но ты прав, порой мы все еще во многом ведем себя как дикари. Не так давно прошли времена, когда сжигали на кострах за то, что человек мыслит не как все, был сильнее или умнее, знал и мог то, что другим казалось волшебством. Тебя, конечно, сжечь невозможно, но лучше не привлекать к себе внимания спецслужб. А то, глядишь, и дверь в твой мир окажется под угрозой. И мне кажется, ни людям, ни вампирам не нужна большая война. Хоть мы и слабы поодиночке, если все пять миллиардов завалятся к вам вооруженной толпой, вампирам легко не будет, как минимум.

Я взглянула на Шеридана, он выглядел встревоженным, всерьез восприняв мои слова.

— Хорошо, я понял, — согласился он сурово. И с иронией тут же добавил, веселясь: — Значит, я просто... человек?

— Да, — улыбнулась я. — Тебе стоит им притвориться.

— Это будет забавно, — усмехнулся он, а потом приоткрыл окно, впуская свежий воздух, и расслаблено вдохнул, откидывая спинку сидения. Город исчез позади, но шоссе оставалось оживленным, и мы то и дело проезжали небольшие населенные пункты, авторемонтные станции, кафе и магазины. Поля для гольфа, обустроенные парки, фермерские хозяйства. И везде были люди. — Вас так много, я думал, меня сложно будет удивить, но от запаха города буквально кружится голова! Консервированная кровь, даже человеческая, из бутылки — ничто по сравнению со свежей. Человеческая кровь вызывает ко мне отовсюду, стучит в ушах, дразнит обоняние так близко, на расстоянии вытянутой руки. Только представь, как можно было бы тут устроиться... — он замолчал, продолжая смотреть в окно, пока меня пробирал озноб от осознания значения его слов.

Наверное, вот так цивилизованные вампиры и дичали, попадая сюда случайно. Трудно противиться искушению. Все равно, что всю жизнь есть консервы, а затем вдруг попасть на пир с тысячей свежих блюд прямо из печи. Запахи вызывают голодные спазмы, слюнки текут и невозможно удержаться, чтобы не попробовать.

— Если тебе так трудно, может, стоило остаться и прожить этот год в лесу? — посочувствовала я, попытавшись встать на его сторону и понять хотя бы немного. Но, как бы я ни относилась к Шеридану, как бы не надеялась, что он справится, я должна была думать о людях, которые могут пострадать. И о себе. — Пока не поздно, можем вернуться.

— И что мне там делать? — ответил он так, словно мое предложение было не серьезным, а риторическим. — Нет уж, оказавшись здесь, я не упущу возможности изучить твой мир. Я бы не смог целый год прятаться и умирать со скуки, когда вокруг такое творится. Если бы ты застряла в моем мире, согласилась бы сидеть взаперти? — взглянул он

на меня с вызовом. — В моем доме есть хотя бы интернет, чтобы ты могла изучить все по статьям и видео, а что было в доме твоей бабушки?

Ну, тут он был абсолютно прав. Никакие риски не удержали бы меня от любопытства, за год я наверняка нашла бы способ поближе познакомиться с его миром. Хотя в этом мы сильно разнились: вампир был угрозой людям, а не наоборот, в то время как в его мире опасность грозила бы мне, а не вампирам. И все же я понимала его. Я просила от него слишком много, была несправедлива.

— И еще, — добавил Шед с улыбкой, способной растопить любой лед, и протянул руку, словно намеревался вновь накрыть мою, — ты пообещала не бросать меня одного.

Я вздохнула, ведь он опять был прав.

Милуоки произвел на Шеридана именно то впечатление, на которое я рассчитывала. Многолюдные улицы, плотное движение и блестящие застекленные небоскребы заставили его улыбаться так довольно, словно он попал в сказку. И, хотя он ничего не комментировал, а я не спрашивала, вполне вероятно, что он видел город другими глазами: не как внушающее уважение достижение человеческой цивилизации, а как столовую с большим выбором вкусных блюд. Фу ты, как перестать думать так и нем?

Моя скромная квартирка Шеда нисколько не смутила, несмотря на его заверения, что вампирам трудно ужиться с кем-либо. Скорее всего это значило, что во мне он не видит потенциального соперника для драки за территорию, но кого тогда он во мне видит, думать я не хотела. Потому что в одном случае я была его едой, а в другом — девушкой, на которую он положил глаз. И то, и другое вызывало во мне страх и смущение.

Парень галантно забрал у меня сумки, увидев, как я надрываюсь, и донес до места, не выказав ни капли усталости. Для него это труда не составило, сила, превышающая человеческую в несколько раз, была естественной чертой любого вампира. Фантастическая сила: наверное, он мог в одиночку возвести дом, какими бы тяжелыми не были строительные блоки, или голыми руками разрушить его, если бы захотел. Хотя мне трудно было это представить, пока не увижу воочию.

Шеридана сразу заинтересовало мое небольшое собрание книг, и он изъявил желание читать. Я пообещала достать для него любые книги, которые он попросит, а позже показать дорогу в библиотеку, где он сможет изучать обычаи моей страны и законы, которые должен соблюдать. Ну а пока я предложила ему использовать интернет, в мир которого он без промедления погрузился.

Вернув машину в прокат, я заехала в гипермаркет, а когда вернулась, Шед все еще сидел перед монитором. Картинки и тексты перед его лицом мелькали с такой головокружительной скоростью, что я не то что прочитать что-то не успевала, но даже разглядеть темы. Иногда он раздраженно постукивал пальцами по мышке, из чего я сделала вывод, что такая скорость кажется ему еще и медленной. Я немного постояла за его спиной, безмолвно захихикав, когда осознала, что он напоминает мне Нео из фильма «Матрица», который мог воспринимать информацию так же быстро.

Приготовив ужин, я поела в полном одиночестве, Шед ко мне так и не присоединился. Поглощая яичницу и салат, я думала о том, сколько вампиру понадобится теперь времени, чтобы проголодаться. Когда мы проезжали последние безлюдные места, и я предложила остановить машину, чтобы Шеридан мог подкрепиться, у нас состоялся необычный разговор. Парень сказал, что утром на охоте выпил так много крови, сколько смог в себя вместить. Впервые в жизни от перенасыщенности его тошнило, раньше ему не приходилось вот так «запасаться впрок». Теоретически это должно было позволить ему продержаться дольше обычного, может, день, а может, и два-три. Но на практике мы оба не знали, насколько это работает.

Принимая душ, я ощущала себя неуютно, ведь в моей квартире поселился мужчина, хоть и не человек. Теперь просто так не выйдешь в полотенце, вытирая волосы, и с утра не прошлепаешь босиком на кухню в одной ночнушке. Как мне вообще переодеться при постороннем?

Квартира внезапно стала казаться мне крошечной, я поняла, как здесь мало места двоим, тем более чужим друг другу людям. На целый год я приютила у себя опасное существо, которое постоянно будет желать моей крови, пугать мгновенными перемещениями и смущать близостью. Черт возьми.

Но самым неловким было то, что присутствие Шеридана не только тяготило меня как хозяйку квартиры, но и возбуждало как женщину. Давненько здесь не ночевал ни один мужчина, мне не везло с ними. А Шед был красив, умен и поразительно необычен, а еще нежен, обходителен и довольно горяч. Сможем ли мы прожить с ним целый год и остаться друзьями? То, что он не прочь стереть между нами границы, он уже продемонстрировал, хоть и ненавязчиво. Конечно, я не могла быть на сто процентов уверена, он ведь ничего не предлагал. Но если это все же окажется правдой, мне стоило подготовить аргументы для возражений заранее. Я не привыкла, чтобы желание вспыхивало во мне столь быстро, да еще к человеку, которого совсем еще не знаю. Тем более к не человеку, который потенциально мог убить меня в любой момент.

Это неправильно, понимала я. Это опасно.

Но, как бы ни было дискомфортно и сложно, я обещала не бросать его одного. В конце концов, он застрял здесь по моей вине, и я справлюсь. Должна справиться.

А сейчас передо мной вставала еще одна серьезная проблема: кровать у меня была всего одна. Можно было кинуть вдоль стены матрас или заказать походную раскладушку, но только завтра. Все, что сегодня я могла предложить парню, это сдвинуть вместе кресло и мягкий пуф, да и то его ноги, скорее всего, будут свешиваться.

Стараясь ступать как можно тише (невольно копируя его манеру), я медленно подошла и закусила губу, глядя на вампира. Шед сидел в темноте, его лицо казалось синеватым в свете монитора, глаза стремительно поглощали строчка за строчкой, а палец быстро крутил колесико мышки. Длинная нога была вытянута мимо стола, обнаженная ступня блаженно утопала в ворсе ковра. Шеридан был прекрасен, хотя в нем, конечно, всегда присутствовало нечто дикое и зловещее, в ястребином выражении его лица, бледности кожи и пугающих глазах.

Он втянул носом воздух, все еще не показывая, что заметил меня, и вдруг произнес:

— М-м-м... ты так вкусно пахнешь. После душа — особенно, — давая понять, что мое приближение не осталось незамеченным.

Я покраснела, как вареный рак, и он втянул носом воздух еще раз, но теперь с очевидным голодом.

— Я ложусь спать, — мне не удалось сказать это громко, прозвучало как еле слышный шепот. Воздух в комнате словно наэлектризовался. Страх и возбуждение накатывали на меня неудержимой волной. Несмотря на неуместные чувства, нужно было решить вопрос о ночевке вампира до того, как окажусь в постели.

Шед чуть-чуть повернул ко мне голову, но не глаза. Его палец над мышкой наконец-то замер.

— Я не буду тебе мешать, — пообещал он обволакивающе мягким баритоном.

И это все? Я чувствовала небольшое разочарование, но и облегчение. Только не поняла, что он имеет в виду!

— Кресло не раздвижное, поэтому ты должен помочь мне принести сюда пуф, чтобы устроить тебе ночлег, — пояснила я хриплым от волнения голосом, все еще борясь с жаром, прилившим к лицу. — Ты ведь не думал, что мы будем спать вместе?..

Вот теперь Шеридан отреагировал правильно. Он повернулся медленно и посмотрел на меня снизу вверх, да так, что его взгляд оценивающе скользнул по всей моей фигуре. На мне была простая хлопчатобумажная сорочка нежно-голубого цвета, которую скрывал длинный махровый халат до колен, но я почувствовала себя голой. Как еще я должна была облачиться на ночь? Не спать же мне в джинсах только потому, что кто-то не может держать себя в руках!

Парень слотнул, но лицо при этом осталось непроницаемым, когда он посмотрел мне в глаза. Приоткрыл рот, но будто не знал, что ответить. А потом прошептал:

— Я обычно сплю днем. Вампиры традиционно бодрствуют в темное время суток.

Так вот почему он ныл, что я рано его разбудила! То, что мы легли накануне на рассвете, было его обычным распорядком.

Все сходилось: солнце не убивало вампиров, но причиняло какие-то неудобства, поэтому они вели ночной образ жизни. Должно быть, они ложились спать на восходе солнца и вставали уже ближе к закату. Вот почему голоса за дверью я никогда не слышала днем: соседи спали. И лишь вечером и к ночи на их стороне начиналась движуха.

Шед много чего рассказал о себе, но, очевидно, мы обсудили далеко не все аспекты его существования. Я знала уже, что он сильный и быстрый и, скорее всего, неуязвим, а святая вода, кресты и чеснок принадлежат к разряду мифов. Теперь мне хотелось понять, чем именно солнце так не угодило ему: когда на его лицо попадали прямые солнечные лучи, я не заметила, чтобы они ему вредили.

— Тогда ты можешь лечь в мою кровать, когда я уйду на работу, — неуверенно предложила я, отчаянно пытаюсь не краснеть — да что же это такое, веду себя, как школьница. Ведь все хорошо, мне не придется делить с ним одну постель. По крайней мере, не сегодня. Так почему же я все еще чувствую себя обнаженной под его внимательным и серьезным взглядом?

— Отлично, — приподнял он краешки рта. — Я почитаю тут тихонечко, если ты не против.

Он хотел добавить что-то еще, но не стал и просто смотрел. Только в глаза, без какого-либо двусмысленного выражения, но от его немигающего взгляда под мою кожу настойчиво пробирались мурашки, формируя в центре груди необъяснимую щемящую боль. Я не могла понять, что это такое. С одной стороны, меня охватывала слабость, мое дыхание, сердце, все рецепторы отзывались, как в тот раз, когда еще в школе я испытала впервые романтическое влечение к однокласснику. С другой стороны, все тело болезненно лихорадило от страха. Но боялась я уже не того, что вампир нападет — верила, что он этого не сделает, по крайней мере, осознанно. А того, что он заметит, какие странные эмоции раздирают меня изнутри при общении с ним.

— Конечно, — я поспешно отвела глаза и, смущенная донельзя, отправилась спать. Но даже спиной продолжала чувствовать изучающий взгляд.

Намеренно легла лицом к стене, подавляя сильное искушение обернуться. Я не знала, продолжает ли Шед смотреть на меня или вернул внимание к монитору, и не хотела проверять это, боясь, что вампир воспримет мое поведение как приглашение.

Понятия не имела, как вести себя, ведь в подобных ситуациях никогда раньше не оказывалась. Никак не удавалось избавиться от мысли, что если в моем доме красивый и сексуальный мужчина, то он не может быть просто другом. Быть может, все дело было в том проклятом танце, когда между нами случилось нечто необыкновенное, почти интимное.

Близость, которая затронула не только тела, но и сердца. Стон удовольствия вампира не выходил из головы. Нежное рукопожатие, когда Шеридан держал меня за руку в такси, до сих пор чувствовалось на коже.

Все это сбивало с толку, как и то, насколько отстраненно Шеридан держался остаток дня. За вечер мы едва ли обменялись парой ничего не значащих фраз, а я себе уже вообразила, что между нами происходит что-то романтическое. Даже если и так, нужно избавиться от этого заблуждения как можно скорее. Он хищник, Алекса! Он не человек! И он уйдет через год на свою сторону, а я останусь здесь.

Я гнала от себя даже самую мысль, что Шеридан может нравиться мне как мужчина. Этого не могло быть, я никогда не была поверхностной или влюбчивой. Серьезность и ответственность были моими главными особенностями. Очевидно же, что одного дня недостаточно, чтобы появились настоящие чувства. Так что я решила, что это либо сверхъестественная магия так действует на меня, либо необычная природа вампира возбуждает во мне любопытство. Не более того. Сто процентов.

С этой мыслью я и уснула, проворочавшись ни один час.

Утром меня разбудили солнечные лучи, бьющие в окно. Все вчерашние события казались сном. Повернув голову, я увидела закрытый ноутбук. В доме было тихо, как будто я одна, и Шеда никогда не было здесь. На секунду я почти поверила, что все события Хэллоуина мне попросту приснились, и сегодня окажется двадцать девятое октября.

Но уже через мгновение в душе зашумела вода, и я поняла, что все случилось в действительности.

Самой неожиданной для меня эмоцией оказалась радость. Печально было бы обнаружить, что моя жизнь по-прежнему сера и скучна, а чудесного приобщения к семейной тайне не случилось. Потерять нового знакомого, загадочного и привлекательного, тоже было бы жаль. Может, привыкнуть к постоянному присутствию постороннего в доме будет не так уж и трудно. Любопытство к нечеловеческой сущности гостя возбуждало во мне желание узнавать его больше. Кому еще выпадал подобный шанс разнообразить свою обычную жизнь?

Я торопливо переоделась, чтобы не смущать парня своим видом и самой не мучиться. В ожидании, пока он закончит, решила заняться завтраком, но невольно задержалась возле двери в ванную, оказавшейся приоткрытой.

Как это понимать? Случайно или намеренно вампир оставил щелочку? Обнаженная мужская фигура просвечивала сквозь прозрачную пленку и струи воды. Застигнутая врасплох странными чувствами, я и сама не поняла, как притаилась возле двери, застенчиво подглядывая. Это было словно наваждение: потрясение на миг перевесило здравый смысл, мозг попросту отключился, отдав бразды правления жгучему любопытству.

Аромат шампуня подсказал мне, что теперь нужно бы купить мужской гель. А еще спросить, пользуется ли вампир бритвой или чем-то еще. Ох, и одежда... Шеридан все равно что ребенок в моем мире, мне придется обеспечивать его, пока он не найдет себе дело. Если это вообще в его случае возможно.

Он немного повернулся, и я заворожено проследила за изгибом спины и стройных ног... Не чрезмерно высокий, где-то на полголовы выше меня, он был хорошо развит физически, подтянутый, но не худой. Фактурно очерченные мускулы красиво перекатывались под кожей. Сложен он был идеально! За такую фигуру его запросто взяли бы работать в модельное агентство.

Вода утихла, и я, очнувшись, поспешила в кухню, пока меня не застучали за слезкой. Мое сердце все еще бешено колотилось, когда Шеридан вышел. Я боялась смотреть в его сторону: вдруг он в одном полотенце? Не знала, как отреагирую. Наверняка покраснею, а мне бы очень не хотелось, чтобы он заметил мое смущение.

— Что это? — спросил вампир с любопытством, заглянув через плечо и взяв длинными пальцами яйцо, которое я приготовила, чтобы сделать себе яичницу. Чпок — и с характерным хрустом яйцо лопнуло, а я отпрыгнула, чтобы не запачкаться. Оторопевший от неожиданности Шед застыл, с открытым ртом глядя на клейкий прозрачный белок, стекающий по его пальцам.

Он оказался одет, к счастью. Лоб немного блестел от влаги, волосы мокрыми беспорядочными прядями спадали на лоб.

Я не выдержала и рассмеялась над безразличным выражением его лица.

— Прости, я не знал, что оно такое хрупкое, — вампир беспомощно взглянул на меня, и я показала ему на раковину, чтобы он вымыл руки.

— Это яйцо, — пояснила я, все еще продолжая смеяться. — В нашем мире до сих пор есть птицы.

— Ах, да, что-то припоминаю, — ворчливо ответил он, сполоснув руки и вытирая их полотенцем, после чего снова подошел поближе, чтобы посмотреть, как я разбиваю уцелевшие яйца на сковородку. От запаха яичницы и масла он морщился.

— Из них потом вылупляются птенцы, они вырастают, большие птицы снова несут яйца... — рассказывая, я протянула ему еще одно яйцо для эксперимента, но он, скривившись, отказался.

— Не нужно разговаривать со мной, как с идиотом, — попросил он немного раздраженно, потому что я не могла перестать улыбаться тому, каким наивным он был в моем мире. — Я помню птиц.

— Прости, — я сложила губы вместе, обещая больше не издеваться. Хотя забавное выражение его растерянного лица забыть будет трудно.

Ела я в молчании. У меня кусок в горло не лез, потому что Шеридан уселся напротив и пристально следил за каждым моим движением. Я бы сказала ему, что это невежливо, но помнила, что он был воспитан совершенно иначе. Наверняка ему попросту было любопытно наблюдать за тем, чего он раньше никогда не видел или видел очень давно. Как мне совсем недавно хотелось посмотреть на его охоту. Или не хотелось, потому что это наверняка было отвратительным зрелищем.

— А ты помнишь, как рос? Своих родителей? — задала я вопрос, чтобы отвлечь вампира от беспардонного разглядывания. Так можно и подавиться.

Шед вздохнул и отвел глаза, покачивая головой.

— Уже все как в тумане. Слишком много времени прошло.

— Сколько тебе было лет, когда ты стал вампиром?

— Двадцать пять или двадцать шесть. Это имеет значение?

— Мне просто интересно, — насупилась я и начала жевать активнее — спешила на работу.

— Никто из тех, кто был обращен в смутные времена или позднее, не помнит многого из человеческой жизни, потому что возможности празднично развлекаться, записывать историю или хотя бы думать не было — все выживали, как умели, — поделился Шед без особого желания. — Только старейшины хранят память о своем прошлом до изменения.

— Что за смутные времена? — Он упомянул о них уже дважды, но так и не поделился подробностями. Я предположила: — Это когда люди воевали с вампирами за свою свободу?

— С вампирами не повоюешь, — невесело ухмыльнулся парень, и я с удивлением отметила, что он чувствует себя неуютно. Похоже, воспоминание о том периоде было не из приятных, именно поэтому он избегал его обсуждения.

Тем сильнее мне хотелось узнать об этом больше.

— Похоже, люди твоего мира быстро сдались, — подначила я, надеясь развить тему и разговорить упряма. — Что, даже ни капельки не сопротивлялись? Ни мечами, ни вилами?

Ну, точно, для Шеридана это явно болезненная тема. Он нервно убрал волосы со лба, пялясь в окно. Кажется, от недовольства у него даже задергался глаз.

— Так что, вампиры победили? Согнали людей в концлагеря? — вот как, наверное, появились фермы.

— Что за концлагерь? — уточнил вампир. Ох, в его мире ведь не могло быть фашизма, по крайней мере, не в той же форме, что здесь.

— Типа ферм, куда сгоняли людей и делали с ними все, что хотели. В таком месте ты родился и вырос?

Кусок в горле у меня окончательно застрял. Представила себе маленького и напуганного кареглазого мальчика в толпе таких же, как он, который чем-то выделился и заслужил право стать особенным. Несчастливого ребенка забрали от семьи и растили в изоляции, прививая нужные знания и навыки, пока не удостоверились, что он достоин стать равным.

— Нет, я же сказал.

— Неужели тебе не интересно было узнать о людях, благодаря которым ты появился на свет? — настырно допытывалась я. — Они ведь дали тебе жизнь, любили и наверняка воспитывали до какого-то времени?

— Все было не так, — покачал Шеридан головой. — Когда я рос, шли ожесточенные войны за ресурсы. Людям все сложнее удавалось выживать: прятаться от полчищ вампиров и добывать еду. Как ты понимаешь, обоняние у нас как у животных, так что мы легко выслеживаем кого угодно по запаху, как бы его ни скрывали.

— Твоя семья жила в каком-нибудь хорошо защищенном бункере? — предположила я, это выглядело самым логичным. Толстая сталь должна была защитить людей на какое-то время. Хотя, если это случилось тысячу лет назад, люди еще не достигли такого уровня развития, чтобы строить огромные металлические убежища, скорее всего, они использовали камни или естественные природные укрытия.

— Я этого не застал, — отмахнулся парень, страдая от явного отвращения. — Вампиры, которые были поумнее и не довольствовались сиюминутно добытой едой, а думали о будущем, объединялись в кланы и брали под свое крыло столько людей, сколько могли защитить от собратьев. Людей прятали под землей, обычно в семейных склепах или лабиринтах туннелей в горах с развитой сетью пещер. Там же, где-нибудь над отвесной скалой, выстраивались крепости, чтобы голодным дикарям сложнее было добраться до цели.

— Звучит как фильм ужасов, — вздохнула я, именно такими вампиров выставляли люди в художественных произведениях и, похоже, в выдумках оказалось больше правды, чем я раньше считала.

— Поэтому мы и называем это Смутным временем, — кивнул Шед. — Шла война, но только не между людьми и вампирами, а между своими.

— Так ты родился в одном из таких склепов? — попыталась я представить это мрачное и темное место, полное безысходности и страха. — Те вампиры, которые охраняли, использовали вас как еду?

Лицо Шеридана стало злым. Его раздражали мои формулировки, но лишь потому, что те воспоминания были ему ненавистны.

— Обмен осуществлялся на добровольной основе! — яростно возразил он, не желая принимать ситуацию в том ключе, в котором ее видела я.

Он оправдывал печальное и травмирующее прошлое изо всех сил, потому что ему наверняка было больно даже думать о нем, не то что называть все своими именами. Я уже тысячу раз пожалела, что бестактно полезла со своими расспросами, но остановиться была уже не в силах. Может, ему станет легче, если он поделится с кем-то...

— Люди, живущие сами по себе, умирали постоянно, не знали, наступит ли завтрашний день или будут они еще дышать спустя час. Тем, кто оказался под защитой вампиров,

обещали сохранить жизнь взамен на кровь. Эта перспектива была куда лучше скорой смерти в зубах безжалостного дикаря. Община сама выбирала кандидатов на донорство, и все они возвращались к семьям живыми. В ответ человеческая община получала кров и еду. Конечно, о свободе можно было забыть, но это ради их же безопасности.

Я заметила, что Шед уверенно отделяет себя от тех несчастных людей, словно побыл в роли такого «хозяина» довольно долго, так что успел привыкнуть к доминированию.

— Я не помню своих родителей потому, что в тех условиях не стало понятия семьи — детей растили общими усилиями. У нас было несколько кормилиц для младенцев, которых вампиры не трогали, как и детей лет до четырнадцати. Мое детство было почти обычным, за исключением того, что я постоянно работал — никто с малолетства не отлынивал, а играть было особо негде.

— Значит, ты вырос в подземелье, без солнца и света? — искренне посочувствовала я.

— Да нет же! — воскликнул Шеридан с недовольным смешком. — Мы жили в хорошо защищенной крепости с единственным подступом к ней, высокими стенами и большим внутренним двором. Три женщины владели этим местом и двое крепких мужчин. Впятером они хорошо о нас заботились, мы жили довольно спокойно, ничего не боялись. Основные кровавые разборки происходили в долине, а о нашей каменоломне в горах никто и не знал. За все годы своей юности я слышал лишь о двух стычках с пришлыми и, насколько я понял, их не оставили в живых. Вообще-то, — уголки губ вампира немного дернулись вверх — наверное, это было одно из редких светлых воспоминаний, — мы все были как одна большая семья, те вампиры относились к нам не только как к еде, но как к членам семьи. По крайней мере, к некоторым из нас.

— И к тебе тоже? — спросила я, испытывая странное чувство неприязни к самой идее хороших отношений с вампирами, ведущими себя как хозяева. Особенно к женщинам, которые должны быть добрыми хранительницами очага, а не монстрами, впивающимися в горло беспомощных жертв, находящихся в полной от них зависимости.

— К тем, кто был полезен, — добавил Шеридан странное уточнение. — К лидеру общины, потому что он распределял обязанности и гасил распри, к тем, у кого было много необходимых навыков, облегчающих жизнь всем сторонам. И к молодым мужчинам...

Ха, теперь-то я поняла, что именно мне не понравилось в интонации Шеда. Как только он упомянул о трех вампиршах, я тут же догадалась, что кровью дело ограничиться не могло. Во всех без исключения человеческих легендах суккубы выставлялись соблазнительницами, сексуальными демоницами, которые губили молодых мужчин. И мне не нравилось то направление, которое принимала история. Хотела ли услышать ее до конца? Почему мне так гадко представлять Шеридана в объятиях зубастой стервы? Почему меня вообще волнует это? Даже если он до сих пор встречается со своей хозяйкой, меня это не касается, я должна перестать думать об этом.

— Первым был Хью. Мы с ним дружим с того далекого времени. Правда, он родился в каком-то другом месте и к нам попал уже взрослым мужчиной. Но пробыл в облике человека всего несколько месяцев, когда старшая, Джеральдина, его прибрала.

— А как же те двое мужчин-вампиров? — удивилась я. — Им было плевать на измены?

— Вечность слишком длинна, чтобы дарить ее лишь одному партнеру, — ухмыльнулся Шед, бросив на меня такой горячий и многозначительный взгляд, что я на секунду вновь почувствовала себя раздетой. — Как я уже говорил, вампиры редко образуют прочные связи, духовная близость между нами почти не случается. Отчасти это потому, что выбор

потенциальных возлюбленных слишком мал. С другой стороны, в нас нет инстинкта размножения, а именно он играет основополагающую роль в возникновении привязанности и любви.

Я суксилась: картину парень нарисовал совсем не привлекательную. Ради чего тогда жить, если не ради того, кого любишь? А если чувств нет и смерти нет, то и смысла нет.

— Значит, тебя соблазнила и обратила одна из трех вампирш? — вернулась я к животрепещущей теме. Может, мне и было неприятно слышать подробности, но я уже хотела узнать историю своего гостя до самого конца.

— Для молодых парней секс с хозяйкой был настоящим подарком, — говоря это, Шеридан вновь поморщился; похоже, что для него все оказалось не совсем так. — И я был очень воодушевлен. Представь: в маленькой человеческой общине это было единственной возможностью развлечься, сбросить напряжение! Там ведь даже уединиться было негде, немногочисленные отдельные комнаты занимали семьи, которые одного за другим строгаи детей, что было выгодно клану для пополнения питательного ресурса. Свободных девушек вовсе не было, потому что крутить романы «просто так» никто бы не позволил и девочки, едва достигшие совершеннолетия, тут же отдавались «замуж». Никакого права выбора: женихов отбирали «по старшинству» — следующий по возрасту мог взять себе девушку, так было принято во избежание ссор и драк. Но если в течение полугода жена не оказывалась беременной, право переходило к следующему претенденту. Самые молодые всегда оставались в конце списка, так что нам некуда больше было направить энергию, кроме как на вампирш.

То, с какой простотой и одновременно брезгливостью Шеридан говорил об этом, свидетельствовало об его отнюдь не лояльном отношении к системе. А значит, сочувствие к жертвам в нем не умерло после преобразования.

— И у тебя начался роман? С красивой, сексуальной и властной вампиршей? — И почему я так нервничаю? Не все ли равно, с кем он спал, наверняка за пять сотен лет у него было пять сотен женщин.

— Я бы не назвал это романом, — фыркнул парень со скепсисом. — Младшей, Бьянке, уже тогда было около пятидесяти лет, и она ни в чем не отставала от старших подруг, перепробовав всех мужчин нашей общины поочередно. Может быть, она чаще давала шанс мне, потому что я был самым молодым и ненасытным. Но, вполне возможно, я нравился ей не только поэтому.

— А она тебе? — мрачно уронила я, испытывая беспричинную ненависть к этой легкомысленной женщине, пользующейся беспомощностью человеческих мужчин.

— Знаешь, трудно испытывать симпатию, когда у тебя нет выбора, — Шед прикрыл глаза и раздраженно провел рукой по волосам. Подсыхая, мелкие темные кудряшки слегка распрямлялись и ложились идеальной волной вокруг лица, блестящие и притягательные. — Поначалу все представлялось в радужном свете, и я ждал наших встреч с нетерпением. Но с годами, — он сделал акцент на последнем слове, чтобы я прочувствовала важное значение времени, — это стало меня тяготить до такой степени, что я возненавидел эти моменты.

— Ты не мог отказаться? — уточнила я, хоть и догадывалась, что он ответит.

— Разумеется, нет. Чтобы не впасть в немилость, приходилось еще и улыбаться, изображая радость и интерес. Это надолго подпортило мне впечатление о любых отношениях с женщинами, — бросил он на меня быстрый, осторожный взгляд.

— И что было дальше? — я давно доела и уже безбожно опоздала на работу, но

продолжала сидеть на месте и слушать с особой внимательностью, не собираясь упускать шанс узнать Шеридана лучше, ведь в другой раз он может ничего мне и не рассказать.

— Это стало пыткой, и она продолжалась целое десятилетие. К тому времени люди в большинстве были истреблены и появились первые фермы, охраняемые военными подразделениями вампиров. Те, кто не захотел подчиняться установленному порядку — запрету на свободное убийство людей, — отлавливались и уничтожались, иногда с особой жестокостью в назидание остальным. Дикарей оттесняли все дальше, они искали, где спрятаться, и в конце концов вышли на нас...

— Боже мой!

— Да, — кивнул Шеридан, содрогнувшись, — это был худший день в моей жизни. Их было слишком много — голодных, безумных. Десятка два оголтелых зверей, не меньше, против трех женщин и мужчин. Они налетели на наш дом как саранча и за считанные минуты перебили всю общину, кто не успел спрятаться в подzemелье за тяжелой дверью. И, потеряв интерес, умчались дальше.

— Ты был среди тех, кто не успел уйти? — заметила я, предчувствуя какой-то особый финал истории. — Но ты не умер.

— Когда Бьянка пришла, мое сердце уже почти остановилось. Не знаю, почему она поступила так, возможно, я все же значил для нее немного больше, чем другие, ведь спасла она только меня. Как бы там ни было, благодаря ей я выжил и очнулся спустя какое-то время уже вампиром.

— А ты хотел умереть? — уточнила я на всякий случай, слишком уж мрачным тоном все было произнесено.

— Нет, сейчас уже точно нет, — приподнял Шеридан уголки губ, бросив на меня такой говорящий взгляд, что на мгновение я будто стала центром его вселенной. Приятно и неловко одновременно. И наверняка неправда, это ведь не могло быть так, как я подумала. Просто воображение одинокой женщины, мечтающей о том, чего ни в одном из миров нет. Шед ясно дал понять: вампирам несвойственна романтическая привязанность. — Тогда мое настроение часто менялось: смерть порой казалась избавлением от положения, которое стало в тягость. Но я был рад, что остался жить. И получил право на выбор, каким будет мое будущее.

— Ты остался с Бьянкой в том доме? Из жертвы превратился в хозяина скота?

— Лекси, те люди были моими друзьями! — с досадой воскликнул вампир, обиженный моими жесткими словами. — Я не хотел становиться тем, кто отбирает по капле жизнь. Не смог бы смотреть им в глаза. Но, к счастью, и не пришлось. Людей спаслось слишком мало, чтобы прокормить шестерых.

— Ты ушел, — догадалась я, с трудом сдерживая улыбку. Радость была неоправданной: даже если Шед не пил кровь знакомых ему людей, ему все же пришлось употреблять кровь незнакомцев. — И как к этому отнеслась Бьянка?

— Понятия не имею, — пожал вампир плечами, не капельки не сожалея о разрыве. — Джеральдина и ее муж сразу же отправились на поиски новых пленников. Бьянка и ее сестра занимались восстановлением разрушенных стен, когда Хью предложил мне, воспользовавшись неразберихой, свалить с ним по-тихому. Я ухватился за эту возможность, не раздумывая. И никогда больше не вспоминал о том времени.

— Вам, наверное, пришлось туго без дома, без денег и семьи?

— Нет, — улыбнулся Шед, дальнейшие воспоминания явно были приятными. — У Хью

в долине было много друзей. Мы кочевали из клана в клан, перебирались все дальше и дальше от опустылевших мест, пока не заработали каждый на собственный дом и не построились там, где нам приглянулась местность. Законы уже действовали, так что мне не пришлось охотиться ни одного дня.

Но он забыл добавить, что в те времена люди, собранные на фермах, все еще оставались разумными, а значит, он все же пил кровь тех, кто мог быть ему другом или даже, упаси господи, родственником. Но кто я такая, чтобы осуждать его образ жизни? Наши миры отличались, для него такое поведение было естественным, даже если меня тошнило от некоторых подробностей.

— Оказалось, ты все же помнишь довольно много событий из своей человеческой жизни, — заметила я, пытаясь отвлечься от вспыхивающих в голове ужасных картин вампирского апокалипсиса.

Шед пожал плечами с легким чувством брезгливости.

— Я тебе не лгал: все это как в тумане. Может, потому что у меня не было той жизни, которую стоит вспоминать, и я почти не думал о ней с тех пор, как она завершилась. Или потому, что мне уже пятьсот лет, или потому, что вампиры чувствуют иначе, и все, что было до превращения, давно стало не важным. А может, потому что ужас и боль, испытанные мной в последний день, — его передернуло, — дают причину не сожалеть о потере человеческих слабостей и всего, что с ней связано.

— Это было ужасно, да? Твоя смерть? — прошептала я сочувственно, боясь даже вообразить, что парень пережил в своей людской ипостаси, особенно во время нападения.

— Я почти умер, — напомнил вампир мрачно, что вынудило меня протянуть руку через стол и накрыть его ладонь в дружеском участии. Шед тут же воспользовался этим, с удовольствием пожав мою руку в ответ, а потом и вовсе притянул ее к себе и прижал к своей щеке, наслаждаясь мгновением.

Мое сердце сбивчиво заколотилось, и губы Шеридана раздвинула улыбка, как у чеширского кота. Прикрыв глаза, он осторожно провел пальцами от моего запястья до локтевого сгиба. Повеяло ощутимой опасностью, но я почувствовала не страх, а щемящую боль в груди, отдающую в ноги слабостью. Распрямив пальцы, скользнула ими по холодной скуле до непокорных кудрей, желая ощутить, наконец, их шелковистость и густоту кожей. Шеридан медленно вдохнул, словно ему стало не доставать кислорода, и я тоже потеряла свое дыхание.

Но когда он открыл глаза, романтика испарилась — его глаза флуоресцировали и казались дикими. Жуткое впечатление: как будто тебя скрадывает хищник. А я-то, дуручка, чуть не растеклась лужицей на столе.

— Ты голоден? — прошептала я, пытаясь проявить сочувствие и не показать, как от страха дрожит мой голос.

— Да, — просто сознался он, поглаживая пальцем мою ладошку, но, когда ослабил давление, я резко выдернула руку.

Чтобы отвлечься от противоречивых эмоций и дать понять вампиру, что между нами по-прежнему существуют границы, которые он не должен преступать, я кинулась убирать посуду в раковину, а затем укрылась в ванной, чтобы привести себя в порядок перед работой.

Когда я вышла умытая, одетая и с аккуратно собранными на затылке волосами, Шеридан стоял у окна и задумчиво смотрел вниз, на кипящую жизнью улицу, щурясь от яркого солнца и предусмотрительно прячась за занавеской от прямых лучей.

— Вот, это ключ от входной двери, — протянула я вампиру запасную связку и банковскую карту, чтобы он мог оплатить такси, если решит отправиться на охоту. — К западу от города находится несколько заповедников, ты можешь погуглить их и выбрать тот, который тебе больше по душе. Я бы дала свою машину, но у тебя пока еще нет прав.

Шед протянул руку и молча забрал ключи, а я наконец-то рискнула поднять на него глаза, все еще немного побаиваясь своей реакции. Неловкость была тут же забыта: на голове парня красовалась моя резинка для волос, аккуратно собравшая непокорные кудри к макушке. Облик вампира изменился от дерзкого и сексуального к строгому и более зрелому. Но в то же время выглядел хвостик ужасно смешно, потому что торчал ровно вверх, как фонтанчик.

Улыбка непроизвольно раздвинула мои губы, но я все же сдержала нездоровый смех — вдруг Шед обидится?

— Если тебе мешают отросшие волосы, почему не обрежешь их? — прищурилась с любопытством.

Брови парня скептически дернулись вверх, а в глазах запылал озорной огонек. С загадочной ухмылкой Шеридан выудил ножницы из стоящей на окне косметички, где нашел до этого резинку, и протянул мне.

— Ну, сама попробуй и узнаешь...

Я не была уверена. Мне-то нравились его шикарные кудри, они делали его особенно привлекательным, а небрежный жест, которым вампир откидывал волосы со лба, я уже успела полюбить. Поэтому я не рискнула резать челку целиком, а, осторожно высвободив хвостик из резинки, выбрала лишь прядку с краешка.

Шеридан следил за мной чересчур внимательно и серьезно. Черные глаза уже не пугали меня так сильно, но зато вызывали другие чувства — те, которые я хотела бы скрыть. И гораздо сложнее становилось прятать эмоции, когда мужская рука внезапно оказывалась на талии, совсем как сейчас.

Слотнув, я изо всех сил сосредоточилась на цели, игнорируя электрическую волну, пронзившую все мое тело. Да что же это такое, зачем он это делает? Парень действовал так, будто просто поддержал меня, чтобы я не упала, он не выглядел соблазнителем. Но в моей голове творился полный бардак.

Чик, — и прядка темно-коричневых, почти черных волос осталась в моей ладони. Несколько секунд ничего не происходило. Мы застыли: я неотрывно смотрела на испорченную шевелюру вампира, а он не мигая смотрел на меня. Затем дернулся уголок его рта, и я поняла, что отрезанные волосы уже стали чуть-чуть длиннее. Спустя минуту или две они вновь обрели первоначальную форму: я следила за их ростом с открытым ртом, потрясенная этим явным доказательством их сверхъестественной природы.

— Все твои раны заживают так? — хрипло выдавила я, не понимая, я больше напугана или очарована.

— В основном, да, — подтвердил вампир обыденно и спокойно, а я отчаянно соображала, как мне выбраться из объятий без неловкости, ведь он продолжал держать меня прижатой к своему крепкому телу.

— Тогда я не понимаю, чем для тебя опасно солнце?

Это сработало: Шеридан отпустил меня, чтобы показать наглядно. Пожав плечами, мужественно выставил руку на солнечный подоконник и со вздохом выжидательно уставился на меня.

Спустя минуту я увидела первые изменения: кожа до локтя медленно начинала краснеть. Она покрывалась шелушками, будто мелкой сеточкой. Выглядела все более нездорово, словно у парня экзема. И, судя по напряженному выражению лица вампира, он испытывал не самые приятные ощущения.

— Хватит! Я поняла, — в ужасе оттолкнула я его подальше от окна. Шеридан зашипел, едва я задела его воспаленную кожу, непроизвольно избегая прямого контакта. — Тебе нельзя выходить из дома днем, будешь охотиться ночью. Как вы вообще выжили с такой чувствительностью?!

— Плотная одежда и капюшон, специальные защитные крема, — небрежно перечислил он, а я потянулась к его руке, искренне беспокоясь и желая убедиться, что с вампиром все будет в порядке. — Машины с тонированными стеклами. Дневной свет сквозь облака не причиняет вреда, только яркое полуденное солнце. Да и все не настолько плохо, как кажется...

— Теперь мне понятно, откуда пошли легенды, что вы сгораете дотла! — представила я это ужасное зрелище и содрогнулась.

— В Смутные времена это была самая распространенная пытка: вампира привязывали к столбу и оставляли иссыхать на солнце. Если наказание было временным, только для устрашения, то потом вампира кормили, помогая ранам быстрее зажить, и отпускали на все четыре стороны, удовлетворившись обещанием исправления. Но для злостных преступников это становилось казнью. Без крови, не имея возможности бороться с пагубным воздействием солнца, бессмертные существа в мучениях умирали. Худощавые погибали за пару дней, но упитанные оставались живыми довольно долго, чтобы вдоволь насладиться агонией.

Что-то такое люди проделывали и в моем мире, если считать теперь такие истории правдой.

— Проблема в том, что вампира удержать на месте непросто: нужна прочная цепь и не менее прочное основание для крепления, иначе, если вампир сыт и силен, а не ослаблен длительным голодом, он легко порвет любые оковы.

Кожа Шеридана тем временем преображалась на глазах: медленно белела, пока не стала гладкой и совершенно здоровой. Завороженная фантастическим зрелищем, я опять подошла к парню слишком близко. Осторожно удерживая его руку перед глазами, я была слишком увлечена процессом исцеления и едва ли осознавала, что другая мужская рука вновь движется к моей талии.

Я застыла, когда он наклонился и медленно, с наслаждением втянул мой запах у корней волос. Нос задел мое ухо, вызывая рефлекторный выброс мурашек на коже, а губы зашевелились уже где-то в ложбинке под ухом. Я бы посчитала этот момент эротичным, если бы не знала, кем Шед является. Попыталась, не делая резких движений, вежливо высвободиться, но вампир легко меня удерживал, не позволяя сбежать. Мое сердце заметалось в панике, когда я поняла, что он, возможно, даже не заметил моего сопротивления. Или, что еще ужаснее, игнорирует его, стремясь к своей цели.

— Только не это! — попросила я слабым голосом на октаву выше обычного. — Пожалуйста, не делай этого...

— Твой запах пьянит меня, — мучительно простонал Шед и с жадностью вдохнул. Его объятия стали крепче, напоминая стальной капкан, а я, парализованная ужасом, не могла даже крикнуть. Да и кто бы прибежал мне на помощь?

«Вот и все», — мелькнула мысль, наверное, последняя в моей жизни, когда я слегка

повернула голову и увидела блестящие увеличенные клыки прямо перед собой. Права была бабушка...

— Пожалуйста, — шепнул вампир, как будто спрашивал разрешение на убийство.

— Что ты хочешь, чтобы я сказала? — не понимала я, чего он ждет от меня. Безропотного согласия доброй самаритянки или вынужденного смирения напуганной жертвы? Он пока еще не потерял контроль, но я не могла придумать, как выкрутиться из неприятного положения без последствий.

— Чуть-чуть... — выдохнул вампир, слегка дрожа — то ли от жажды, то ли он предвкушения. Черные глаза снова обрели звериное выражение, когда он поднес мою ладонь к приоткрытому рту и плотоядно облизнулся.

Ни единого шанса избежать участи быть укушенной. Скажу «нет» — и он сделает это все равно, против моей воли, просто потому что не выдержит. Или уступит мне и остановится, но затем отправится на охоту, встретив кучу людей по пути, может, прямо на лестнице моего дома. Если не сорвется, то напугает точно. Как я потом буду все объяснять? Черные глаза настоящего монстра трудно забыть, особенно если они начнут фосфоресцировать в полутьме! Вряд ли соседи окажутся такими же великодушными, как я, и согласятся хранить секрет. А если случится непоправимое и Шеридан совершит убийство? Я никогда себя не прощу, если пострадают люди.

Но волновалась я не только потому, что погибнет человек, мой сосед. Для меня было важно уберечь Шеду от ошибки, не позволить ему стать тем чудовищем, о котором предупреждала бабушка. Это значило бы, что бабуля была права, и я поступила неразумно, поверив коварному пришельцу. Я же хотела доказать, что любую судьбу можно переписать! Нет в жизни абсолютно черного и абсолютно белого, есть лишь люди и их поступки. Человек может взять нож и стать преступником, а вампир может оказаться цивилизованным, воспитанным существом, способным подняться над собственными пороками, стать лучше.

Была бы я решительным и здравомыслящим человеком, наверное, выгнала бы Шеду из дома и дело с концом. Пусть сам разбирается со своими проблемами. Он не пропадет в моем мире. Ко всему приспособится, как и его предшественники. Дорогу домой знает, если захочет, сам через год вернется... Но мне ужасно не хотелось его отпускать. И это был не только страх за других людей, на которых он наверняка устроит охоту, как только не останется ни одного сдерживающего фактора, а таковым я все же считала себя. Это было странное, необъяснимое чувство собственности: он был мой и я ни с кем не хотела его делить, ни с другими людьми, ни с улицей.

Но и говорить «да» тоже не было никакого желания. Кому захочется быть использованной? Однако я понимала, что это единственный шанс отвязаться от него. Если я еще собираюсь после этого жить с ним под одной крышей, мне следует продумать, как чаще его кормить, возможно, все-таки возить после работы загород каждый день, чтобы такое не повторялось.

Мое нерешительное молчание Шед принял за одобрение. Но он не стал трогать прошлую рану, скрытую пластырем. Вместо этого он поднес мое запястье ко рту и, не медля больше ни секунды, с вожделением воткнул в него зубы. Я даже ахнуть или запаниковать не успела.

Поразительно, но укус оказался менее болезненным, чем порез ногтем. Я лишь немного вздрогнула от неожиданности, ощутив укол как от иглы и быстро нарастающее давление. В

ужасе следила за вампиром, наслаждающимся от души. Он был похож на путника, долго бродившего по пустыне и наконец-то добравшегося до источника: звуки облегчения и удовольствия сменяли друг друга, глаза от восторга зажмурены. Выглядел он так, будто не может совладать с собой, и это не просто каприз, порожденный распушенностью, а физическая необходимость.

И, черт меня дери, несмотря на отвращение и страх, какая-то часть меня тоже получала удовольствие от процесса. Меня восхищала образовавшаяся между нами связь, пусть и не совсем здоровая. Я была нужна ему. Я хотела быть ему нужной. Мне нравилось видеть его таким страстным и возбужденным, потерявшим контроль из-за меня.

Но потом давление превратилось в боль. То, что Шеридан делал со мной, было неправильно. Мерзко и обидно. Ему ведь нужна была не я, а лишь моя кровь.

— Хватит-хватит-хватит! — закричала я, повышая голос на каждом слове.

Он зарычал разочарованно, с усилием отрываясь от моей руки. Не дав упасть — от шока мои ноги дрожали, — парень перехватил меня покрепче и обеими руками прижал к своей груди. Мы оба пытались перевести дыхание.

Я обессиленно замерла в объятиях, похожая на тряпичную куклу. Хотелось присесть и выпить успокоительное, чтобы перестать трястись. Мысленно проверяла себя: нет ли головокружения и слабости, означающих большую кровопотерю — причину ехать в больницу. Как сильно Шеридан мне навредил? Но, вроде, все было в порядке, и мое лихорадочное состояние обуславливалось лишь испугом.

— Лекси... — прошептал Шед, его дыхание, в отличие от моего, почти пришло в норму. — Прости, я не удержался...

— Ты не должен больше делать этого, — попросила я твердым голосом, но в моих глазах уже скапливались слезы. Он услышал это. Приподнял мою голову за подбородок и тревожно взгляделся в мои глаза. Ничего не сказал, но пальцем удивленно стер слезинку. А затем, совершенно неожиданно, потянулся к моим губам.

Моя воля основательно была подточена пережитым шоком, чтобы отстаивать личные границы. А может, я просто не хотела противиться тому, что случилось. Губы вампира, настойчивые и прохладные, двигались медленно и чувственно на моих губах, и я ответила на поцелуй сразу и без колебаний. Страх медленно отпускал, уступая место восторгу. Холод и тепло — ошеломляющее сочетание, наполнившее мою грудь надеждой вместо щемящей боли, как будто поцелуй стал лекарством от всех душевных переживаний.

Мои пальцы вели себя независимо, вплетаясь в буйные кудри Шеридана, шелковистые и мягкие. Тело полностью подчинилось и теперь доверчиво льнуло к мужской груди. Разумом я понимала, что не должна расслабляться и терять бдительность, но сердце реагировало совсем иначе. Я была абсолютно покорена.

Почувствовав мою безоговорочную капитуляцию, вампир приободрился и углубил поцелуй с удовлетворенным вздохом, придерживая за шею. Пальцы на затылке бережно скользили по коже, а те, что на талии, впились словно иглы, но я не жаловалась, потому что мне чертовски нравилось чувствовать себя объектом такой безудержной страсти. Меня никто не любил. В моей жизни слишком долго не было мужчины, которому я была бы небезразлична. Кто знает, может, за этой вспышкой страсти кроется нечто большее, чем банальное проявление власти над жертвой, спровоцированное жаждой крови? Хотелось думать, что я нравлюсь Шеридану как человек, как личность, а не как единственная свободная женщина, которую он встретил за десятилетия. И его тянет ко мне не только

потому, что мы вынуждены ютиться в одной квартире и нет никакой возможности избежать сближения.

Шеридан отстранился первым и терпеливо ждал, пока я открою глаза. Теперь я точно испытывала головокружение. Опыренная нежным поцелуем, не могла бояться, хотя и знала, что должна.

— Кажется, я снова сделал то, что нельзя, — ухмыльнулся вампир, подозрительно следя за моей реакцией, как будто предполагал, что я тут же залеплю ему пощечину, едва опомнюсь. — Второй раз за пять минут.

— Вторая твоя ошибка оказалась куда приятнее первой, — нехотя признала я, чувствуя, что совершенно не могу на него сердиться, хотя следует. Я должна была как-то оградить себя от подобных случаев, но для этого необходимо было твердо показать свое негативное отношение. А я не могла. Я даже не хотела, чтобы он выпускал меня из объятий, несмотря на то, что если б сумела высвободиться пять минут назад, бежала бы без оглядки и заперла за собой дверь на все замки. И не уверена, что осмелилась бы вернуться сюда вечером.

Сейчас же я неторопливо расправляла пальцами подсохшие пряди волнистых волос и наслаждалась их блеском и чистотой, мечтая о том, как бы сделать доступ к ним регулярным. Думала не о том, о чем следовало, витала в облаках. Пока не вспомнила, что наш романтический момент начался с неправильного и опасного места.

— Почему я не истекаю кровью? — удивившись, поднесла я руку к глазам. Две маленьких точки от клыков остались на поврежденном запястье. Они выглядели как два розовых, затянувшихся шрама и располагались прямо над веной. По всем законам природы кровь не могла сразу остановиться, а раны не должны были так быстро зажить.

— Все дело в моей слюне, — усмехнулся вампир, погладив большим пальцем оставленную им метку. — Вы — жертвы, мы — хищники, эволюция подстраховалась, чтобы вы не умирали раньше времени. Вампир редко выпивает сразу всю жертву целиком, доноры должны оставаться живыми, чтобы их можно было снова использовать. Поэтому раны от укуса затягиваются мгновенно. Мы бережем бесценный ресурс, — широко улыбнулся, как настоящий маньяк, но я уже не так остро реагировала на его плотоядные шутки, потому что знала, что он это не серьезно.

— Интересно, — рассеянно пробормотала я, призадумавшись на тему излечения открытых человеческих ран.

Вампиры могли бы быть целителями — просто лизнул и все, пациент здоров.

— И нет никаких последствий? — прищурилась, опять вспоминая сюжеты фильмов. — Я имею в виду: разве я теперь не превращусь в вампира?

— Э, нет, — рассмеялся Шеридан чарующим баритоном, от его тембра мурашки невольно выступили на моей спине, и слабость вновь накатила в ноги. Черт возьми, нельзя быть таким горячим, это просто невыносимо! — Для превращения нужно несколько другое.

Он не стал углубляться в тему, вместо этого вдруг прижался к моему запястью губами. Я приоткрыла рот, зависнув между испугом и злостью, что он снова делает это, но Шеридан просто оставил на коже поцелуй, к моему огромному удивлению.

— Прости, — улыбнулся он без каких-либо признаков раскаяния и немного ослабил хватку, чтобы я могла опереться на собственные ноги. — Я тут ни при чем, во всем виноват твой запах. Он сводит меня с ума.

Его глаза блестели ярче обычного и, присмотревшись, я поняла, что они снова приобрели багровый оттенок, но на этот раз тускнели гораздо медленнее, чем прежде. И,

будь я проклята, теперь Шед стал похож на вампира на все сто процентов.

— Твои глаза... — я напряглась и нахмурилась, эта перемена совершенно мне не понравилась.

— Человеческая кровь дольше усваивается, она насыщеннее и сытнее для вампира, потому что по составу лучше ему подходит, — тут же пояснил он, — поэтому зрачки большее время остаются красными. Если постоянно пить только кровь людей, можно добиться того, что зрачки станут маркером высокого статуса. В нашем мире по этому признаку легко отличить миллионера от небогатого бессмертного.

— Ты что, нищий? — хохотнула я, с трудом веря в этот факт после того, как погуляла по его навороченному дому.

— Средний класс, — усмехнувшись, небрежно пожал Шеридан плечами.

— А кем ты работал?

— Мы с Оливером и Хьюго владели сетью частных домов, вроде ваших отелей, сдавали их. Покупали, ремонтировали и перепродавали недвижимость по более высокой цене. А ты?

— Черт, — спохватилась я, испуганно вырываясь из объятий и в ужасе глядя на часы. — Я же опаздываю на работу!

Шед обескуражено следил за мной, в спешке натягивающей пальто и сапоги, молния на которых никак не желала застегиваться. Передумав выпускать вампира на волю, я дала ему указание никому не открывать, словно маленькому ребенку, и отобрала ключи, пообещав, что приеду засветло и сама отвезу в заповедник. Взяла с него слово, что он не выйдет один на улицу, и умчалась на работу, как ошалелая.

— Лекси, ты сегодня заметно напряжена и чем-то сильно обеспокоена. Еще и на работу опоздала. Что-то случилось? — заботливо поинтересовалась сидящая за соседним столом Бет, мы с ней вместе работали над нашим общим проектом — оформлением территории вокруг колледжа, в котором сотрудники затеяли капитальный ремонт. Мы разрабатывали дизайн, претворением идеи в жизнь занимался другой отдел, на нас были лишь чертежи.

Я считала Беатрис подругой. Невысокая худенькая девушка носила креативную короткую стрижку и никогда не унывала, была бойкой, дерзкой, даже набила несколько татуировок по всему телу и очень гордилось своим неформальным стилем жизни. Парни Бет разъезжали на байках и ругались как сапожники. Но на работе и дружбе эта склонность девушки к бунтарскому поведению никак не сказывалась: как человек она была чистым ангелом, доброй и милой, и я поделилась бы с ней чем угодно.

Я вздохнула, отдавая себе отчет, что вместо проекта постоянно смотрю то на часы, то в окно: на солнце, которое сегодня упрямо светило. Это хорошо: Шед не сунется на улицу до заката, я на это надеялась. Скорее всего, он лег спать, как только я ушла, и когда вернуть, все еще будет смотреть сладкие сны. И чем быстрее я отвезу его за город, тем будет лучше. Но я все равно волновалась, вдруг упустила из виду что-то важное и дома ожидает какой-нибудь неприятный сюрприз. У меня не было ни единой причины доверять вампиру.

— Я бы подумала, что ты торопишься на свидание, Лекс, — отвлекла меня Бет от внутренних диалогов с самой собой. — Но ты слишком нервничаешь для такого пустяка. Как будто боишься чего-то? — она положила руку мне на плечо, останавливая бессмысленное постукивание карандашом по столу. — Мне ты можешь сказать.

Я снова вздохнула, потому что не могла доверить эту тайну никому. По крайней мере, не целиком, не в деталях. Придумывать на ходу? Опустить все, что касается параллельного мира и вампиров? Будет ли польза от совета подруги, если она не знает важных нюансов?

— Хочешь, я после работы заеду к тебе, и мы это обсудим за чашкой какао? — добродушно предложила Беатрис.

— Нет! — слишком поспешно вскрикнула я, и подруга недоуменно отшатнулась. — Я... прости.

Мне пришлось сделать медленный глубокий вдох и рассказать хотя бы часть правды. В любом случае, Бет теперь не отвяжется. И будет пытаться меня, пока я не скажу хоть что-то. А то и заявится прямо домой, чтобы убедиться, в порядке ли я, и заодно посмотреть, что я скрываю. Я бы не хотела потом объясняться, почему Шеридан смотрит на нее как голодный пес на ароматный бифштекс.

— Понимаешь, так получилось, что я познакомилась кое с кем в поездке, — сбивчиво начала я, кусая губу от невозможности быть откровенной. — И он временно живет у меня...

— Парень, — понимающе улыбнулась Бет, и я поморщилась, совершенно расклеившись. — Так вы вместе?

— Нет. Конечно, нет, — возмущилась я, покраснев как рак, чем выдала с потрохами свое к этому отношение. — Мы просто...

Друзья? Я не могла назвать нас с Шериданом друзьями. Во-первых, потому что мы целовались, а значит, уже вышли за рамки дружбы, даже если больше ничего и не будет. А во-вторых, я помогала ему не потому, что хотела, а потому, что должна. Все началось не с

доверия — его вовсе не было. Не с общих дел или увлечений. Мы были невольными сожителями, но не друзьями. Кем же мы приходимся друг другу? Понятия не имела, как нас назвать. Я просто опекун, взявший на себя ответственность за хищника ради безопасности людей. Все остальное было под большим вопросом.

— Кто? — сдвинула Беатрис идеально нарисованные брови, женским чутьем угадывая какой-то подвох в моих оправданиях. Хорошо лгать я никогда не умела, особенно когда меня вот так застают врасплох.

— Из-за меня он оказался очень далеко от дома и остался без документов, — чем правдоподобно врать, лучше рассказывать полуправду. — Родственников у него нет, а переоформление займет какое-то время. Я предложила ему пожить у меня — это минимум, что я могла для него сделать. Не могла же я бросить его на улице. И выгнать теперь не могу: пойти ему некуда, и пока он не устроится, я согласилась ему помогать. Но я совершенно не знаю, что он за человек, не представляю, как вести себя с ним и как жить рядом с почти незнакомым мужчиной. Квартирка-то маленькая!

Лицо Бет выражало сочувствие. И нескрываемое, жгучее любопытство.

— Он хоть симпатичный?

— Очень... — тут я могла честно признаться в своей слабости, тем более мое лицо снова пылало, будь неладно.

Бет радостно похлопала меня по спине.

— Тогда тут не из-за чего расстраиваться, Лекси, — похвалила меня она, как будто красота гостя решала все проблемы. — Бери быка за рога! Сколько у тебя уже не было парня? Год? Два?

— Почти два, — призналась я застенчиво.

— Тем более, — подруга широко улыбнулась, и мы вернулись к нашему рисованию, обсуждая обычные девчачьи вопросы: цвет глаз и волос моего потенциального бойфренда, рост, характер и профессию, его отношение ко мне.

Приходилось выдумывать на лету — от Бет так просто не избавишься. Зато у моего вампира появилась внятная «легенда», которую при случае можно повторить кому угодно, в том числе и в паспортном отделе. Он прилетел с Аляски в поисках работы, и мы столкнулись в аэропорту, когда ловили такси. Как джентльмен, он уступил мне машину, в которую уже была загружена его сумка. Но вспомнил о ней, только когда я уже уехала. Все деньги и документы остались в ней, и он вынужден был рвануть в погоню на следующей свободной машине.

Эсканаба — город маленький, местных таксистов там всего два-три человека, так что Шеридан быстро отыскал всех. И ни у кого в салоне не оказалось его сумки. Решив, что ее забрала я, он потратил еще немного времени на поиск моего дома, напугав меня до полусмерти, когда появился на пороге среди ночи. Так и заканчивалась его история: я в глаза не видела его вещей; если сумка и находилась в салоне, то я не обратила на нее никакого внимания. Ее мог взять любой человек, который после меня садился в такси, разыскать воришку уже не представлялось возможным, раз уж он сразу не сознался и не отнес вещи в стол находок. А еще была вероятность, что парень оставил свои документы где-то еще, в суматохе аэропорта это было очень даже возможно.

Дело двигалось к полуночи, а у парня ни денег, ни документов на руках, и он оказался в совершенно незнакомом городе, так что я приютила его, решив проявить понимание. Чувствовала себя ответственной, ведь косвенно из-за меня Шед оказался в таком

бедственном положении. Мы провели три дня в бабушкином доме, а затем я пригласила его в Милуоки, где было гораздо проще найти и жилье, и работу. Так он и остался у меня. Не выгонишь же попавшего в беду человека на улицу.

Выдумка все больше обрастала подробностями, Бет смеялась над нашей поистине анекдотичной ситуацией и, кажется, верила. А я вздохнула спокойно, потому что на некоторое время она теперь от меня отстанет.

Что же касалось совета, то Бет с удовольствием его мне дала: не упускать шанс, если мой гость хотя бы вполовину так хорош, как я о нем рассказываю. Но я не была уверена, что все может разрешиться так просто. Даже без учета того, что Шеридан вампир, я б не смогла закрутить роман с женщиной, которого совершенно не знаю. И с которым сожительствую вынужденно, а не потому, что хочу.

Когда солнце начало клониться к закату, Бет, заметив мою возрастающую нервозность, отпустила меня домой, обещав прикрыть, если мое отсутствие заметит начальство.

Мои руки немного дрожали, когда я вставила ключ в замочную скважину. В квартире было подозрительно тихо, и сначала я испугалась, что Шед ушел, послушавшись меня, но затем из комнаты раздался его залихватистый смех.

Я нашла его у монитора, смотрящим один из фильмов про Ван Хельсинга. На экране происходила бойня, но Шеридан смеялся, как умалишенный, словно перед ним разыгрывалась комедия.

— Ваше представление о вампирах — самое веселое, что я только видел в жизни, — признался он, не отрывая внимательного взгляда от экрана, на котором клыкастые девушки втроем соблазняли человеческого парня, купающегося в эйфории. — Это какие-то влажные мечты извращенца, мнящего себя режиссером. Вампириши так себя не ведут!

— А как они себя ведут? — не праздно любопытствовала я, продолжая испытывать иррациональную ревность к бессмертным суккубам, с которыми спал мой Шеридан.

— Им совершенно незачем так изгаляться, чтобы мужчина ответил им взаимностью, особенно человек — его они могут просто заставить, — довольно небрежно высказался о своих соплеменницах Шеридан, не скрывая очевидной неприязни. — Женщин у нас втрое меньше, чем мужчин, поэтому они ценятся на вес золота и легко диктуют свои условия. Живут как королевы и никогда не унижаются так перед мужчинами — наоборот, мужчины в лепешку расшибаются, чтобы угодить им.

— Так говоришь, будто тебя это бесит, — заметила я с надеждой, которую отчаянно пыталась подавить. Мысль о том, что Шеду не нравится ни одна женщина из его мира, определенно, мне импонировала.

Парень оторвал взгляд от монитора, как будто я задела его за живое. Взгляд посерьезнел, в нем сквозило отчетливое осуждение.

— Я из тех вампиров, кто застал времена, когда женщины уважали мужчин и еще умели любить их, а не ставили себя выше всех живущих на земле просто потому, что они женщины и им все позволено, — мрачно изрек парень, морщась от раздражения. — Это не бесит только слюнтяев, которые на все готовы ради секса, даже постоять в огромной очереди под номером «пятьсот девяносто первый».

Я с трудом сдержала рвущийся смех. Теперь понятно, почему у бедолаги десятилетиями не было партнерши, с такой позицией в его мире парню вообще ничего не светило никогда. Ему решительно стоило посочувствовать, но я испытывала лишь абсолютное удовлетворение, несмотря на то, что он вел себя так, будто утром не было никакого поцелуя

и между нами все по-прежнему неловко и неопределенно.

— Я сейчас быстро поужинаю и можем ехать, — улыбнулась я, искренне надеясь, что он не обидится на отсутствие у меня правильной реакции. Кинула сумку на кресло, распустила волосы, чтобы голова немного могла отдохнуть от тугой прически, и заспешила на кухню, не теряя времени даром. — Через пару часов окажемся в заповеднике Кетл-Морейн и ты сможешь поохотиться, а я подожду тебя в машине.

— Можешь больше не беспокоиться обо мне, — бросил он мне вслед и я обернулась возле двери, растаяв от его широкой улыбки, совершенно свободной и очаровательной. Облегчение коснулось меня, что он не стал чудовищем за время моего отсутствия на работе — с утра я всерьез опасалась этого. Я словно поселила в своем доме маньяка и ходила по лезвию ножа в постоянном ожидании, когда у него вдруг поедет крыша. И радовалась, если мои страхи оказывались беспочвенными, как сейчас, когда узнала, что он не пошел охотиться на моих соседей, а невинно и совсем по-домашнему проводил день: смотрел хорро... тьфу ты, комедии.

— Ты не голоден сегодня? Съездим завтра? — уточнила, гадая, достаточно ли ему моей крови, которую он выпил с утра. Сколько вообще вампиру нужно для выживания? Может, я смогла б подкармливать его тогда сама?

Фу, я невольно сравнила себя с жертвами и вампиршами из его прошлого и поняла, что надолго меня так не хватит, и дело не только в физическом недомогании, а в психологическом неприятии. Нужно было найти другой способ. — Послезавтра?

Шеридан загадочно покачивал головой на каждое мое предположение. Встал, отодвинул занавеску и оценивающе взглянул на небо. Солнце село. Чего он ждет?

— У меня есть идея получше, — двинулся мне навстречу, и я вздрогнула, когда он слишком быстро, буквально через мгновение, возник передо мной. С улыбкой поднес мою руку к губам, не обратив внимания на то, как я испуганно задохнулась, предположив худшее, и поцеловал запястье — то место, где с утра оставил след клыков. Меня попустило, когда он не повторил попытки снова повернуть утренний фокус.

— Какой способ? — шепотом выдавила я, обескураженная его таинственным поведением.

— Лекси, — промурлыкал он приветливо, глаза опять начали фосфоресцировать в полутьме, — что бы сделала ты, если бы все ваши законы вдруг были отменены? Если бы ты знала, что тебе все дозволено, и за это совершенно ничего не будет? Захотела бы соблюдать кодекс, которого, в сущности, больше нет, попросту не существует? Или позволила бы себе ненадолго расслабиться и получить все, чего давно желала, без преград? Попыталась бы ты пожить на полную катушку столько, сколько получится? — Он с улыбкой вдохнул запах моего запястья, а меня буквально бросило в жар, когда я осознала, что его слова могут значить. Не хотела верить, но, очевидно, случилось именно то, чего я боялась с первого дня: зверь просыпался в нем, и он намерен был уступить ему контроль.

Парень улыбнулся широко и непринужденно, как будто то, что он задумал, было в порядке вещей, и, как ни в чем не бывало, направился одеваться, изящно обогнув меня, застывшую в проеме двери. Я наблюдала за ним в ужасе и растерянности. Но пока еще по большей части в растерянности. Даже, скорее, в неверии. Мой разум отчаянно защищался от нелицеприятной правды, заставляя думать, что мне это просто мерещится. Что Шед сейчас обернется, весело рассмеется и заявит, что пошутил.

— Я прогуляюсь по городу и скоро вернусь, — заговорщицки сообщил он, словно я была

другом, который отлично понимает его и принимает любую дичь без вопросов. Подмигнула мне: — Обещаю, меня никто не заметит.

И тогда до меня дошло, наконец, что он собирается убивать людей...

— Нет... Ты не можешь! — покачала я головой, меня накрыл ужас. И бессилие, потому что я понятия не имела, как его остановить, если он уже принял решение.

— Могу и сделаю, — он широко улыбнулся, не понимая или не желая понять, о какой чудовищной вещи только что сказал.

Я воспользовалась тем, что он отвлекся, надевая обувь. Бросилась вперед и закрыла собой дверь. Если уж я не смогла следовать бабушкиному завещанию и допустила в наш мир монстра, то должна быть сильной и придумать способ вразумить его.

— Не смей! — откуда-то во мне проснулась настоящая, первобытная ярость, я твердо смотрела на Шеда, намереваясь остановить его любой ценой. Только силой вампиру удастся отодрать меня от единственного выхода из квартиры.

Его улыбка исчезла, лицо стало недоуменным на одно короткое мгновение.

— Никто не узнает, — заверил он, растерявшись от моей агрессии. Выглядел так, словно искренне не понимает причин моей злости. Словно прежде никогда не задумывался о моральной стороне вопроса.

Но он ведь был человеком, жил среди людей. Сам говорил, что не хотел убивать своих соплеменников, по крайней мере, когда те были еще разумны. Значит, еще не все потеряно. Может, мне все-таки удастся убедить его, что он поступает плохо, если я напомню ему, что в моем мире нет ни одного человека с уровнем развития скота. Я могла воззвать к его светлой стороне — очевидно, что она в нем не умерла, он доказал это множество раз за несколько дней.

— Ты сказал, мне нечего бояться. Говорил, что вы живете цивилизованно и больше не убиваете. Ты обещал! Дал мне слово, что будешь вести себя подобающе!

В замешательстве Шеридан застыл, мои слова заставили его чуть засомневаться, но увы, ненадолго.

— Я не стану никого убивать, — вывернулся он тогда. — Я могу вовремя остановиться. — Он схватил меня за руку и продемонстрировал шрамы как неопровержимое доказательство, но я сердито отняла ладонь.

— Ты считаешь людей идиотами? — возмутилась. — Да уже через пару дней вся полиция будет на ушах. Думаешь, никто не обратится, предъявив наглядное свидетельство твоего нападения? Начнутся поиски больного психопата со склонностью к насилию и странными предпочтениями, не убивающего своих жертв, но оставляющего метки. И я уверена, что люди поймут, кто из них высасывает кровь! Может, мы и считаем вампиров легендами, но если ты покажешь себя во всей красе, сомневаться мы перестанем. Начнется настоящая охота на чудовище, кем бы ты ни был. И поверь, ты не хочешь проверять наше оружие на себе!

— То есть, ты предлагаешь мне все-таки убить свидетелей, — заметил вампир не вопросительным, а утвердительным тоном, и я закричала зубами от досады, что он сделал такой странный вывод.

— Ни в коем случае!

— Ладно, как тебя такая идея, — предложил он по-деловому, словно мы обсуждаем проект новой кухни или способ приготовления яичницы. — В вашем городе полно настоящих преступников, воров, насильников и убийц, я мог бы заняться ими. Как ты на это

смотришь, хоть их-то ты не станешь защищать? Им все равно грозит тюрьма или электрический стул, я просто покараю их раньше. Никто не будет жалеть об их исчезновении. Это справедливо!

Я открыла рот, но не нашлась, что на это ответить. Разве я могла противопоставить что-либо такому вескому аргументу?

Но затем я подумала, что этим Шеридан не ограничится. Как настоящий наркоман на пути к зависимости, Шед не понимал, что каждый шаг, который он делает в сторону человеческой крови, будет превращать его в настоящего вампира — в одно из тех чудовищ, о которых в нашем мире писались страшные истории. Он никогда не остановится. Жертв будет все больше, он перестанет ограничиваться виновными, ведь их еще нужно найти, и в конце концов переключится на невинных. Пока через год он окончательно не утратит черты человечности.

Мое молчание парень опять трактовал как согласие или хотя бы сомнение.

— Вот видишь, как все просто, — примирительно заявил он и сделал шаг вперед, намереваясь убраться с меня с пути.

Его черные глаза сейчас не пугали меня, я вглядывалась в них с отчаянием, чувствуя, как теряю надежду. Слезы выступили на глаза, но Шед с тихим «тш-ш» стер их кончиками пальцев.

— Я буду осторожен, обещаю, меня никто не поймает, — коротко чмокнув меня в кончик носа, он легко, как пушинку, переставил меня в сторону и взялся за ручку двери.

Я беспомощно смотрела на его широкую спину, которую еще сегодня утром разглядывала в душе и находила сексуальной. Мое будущее таяло прямо на глазах, уходило сейчас безвозвратно. Когда он вернется сегодня, будет уже другим. Это будет не тот Шеридан Корвен, которого я знаю. Какие бы оправдания не нашел он своему поступку, это уже будет убийца.

— Тогда уходи насовсем, — выдавила я, хватая ключи — свои и его, чтобы он не взял их с собой. Слезы вырвались и побежали по щекам, но я понимала, что это единственный выход. Больше я ничего не могла сделать, только отречься от него и предоставить его будущее самой судьбе. От меня дальше ничего не зависело, и все, что я могла, это хотя бы не быть соучастницей преступления. Пусть сам строит свою жизнь на моей земле, сам решает проблемы и сам с собой водит дружбу. Уверена, он справится с этим и без меня.

Обернувшись, Шеридан уставился на меня так, будто я ударила его в живот.

— Я обещала помочь тебе, — глотая слезы, твердо сказала я, — но я не стану помогать убийце. Я думала, ты другой. Иди, — я отступила на полшага, невыносимо было смотреть на парня после всего, что мы уже пережили, после того как сблизились. Все это было ошибкой. — Ты сможешь сам устроиться. Ты не пропадешь. Дорогу домой знаешь. Через год сам вернешься.

— Лекси... — прошептал он недоверчиво, но я лишь покачала головой.

— Иди, Шед. Прощай.

— Они же зло... Это ведь преступники! — он не понимал, в самом деле не понимал, на что себя толкает.

— Но они — люди! Которые живут, думают, у многих из них есть семьи. Да, они оступились, но еще могут исправиться. Неважно, что ты о них думаешь, ты не бог, чтобы решать их судьбу, а они — не животные, которых вы выращиваете у себя на фермах, — последнее я выплюнула с презрением. — И ты будешь не лучше них, если убьешь кого-то. Ты

станешь точно таким же!

Он зашипел и посмотрел на меня озлобленно, ему не понравилось, что я сравниваю его с убийцами, но это была правда.

— Неужели тебе жалко? Вас так много, пять миллиардов! А я здесь всего на год!

Его слова что-то сломали внутри меня. Он уже походил на наркомана, который зашел слишком далеко, чтобы остановиться. И внезапно я с горечью осознала, что опоздала и ничего не смогу добиться.

— Уходи, Шед, видеть тебя больше я не хочу. — Отступила и опустила голову, разглядывая ковер. Мы оба стояли в оцепенении какое-то время. Не знаю, о чем думал вампир, в моей голове было пусто, все мысли застыли, лишь боль терзала сердце. А потом хлопнула дверь. Он ушел...

Медленно я опустилась на ковер и дала волю слезам. Не знаю, что именно так меня задело. То ли, что я не выполнила наказ бабушки, и теперь мой мир погрузится во мрак, как она предрекала. То ли, что я размечталась о Шеридане как о привлекательном и влюбленном в меня мужчине, поддавшись глупой надежде. Больно оказалось его потерять. Так больно, будто я привязалась к нему гораздо сильнее, чем думала. Я ощущала не просто потерю. На языке горчил вкус предательства, едкая кислота разочарования.

Когда я нашла в себе силы подняться, на часах было уже девять вечера. Он не вернется, поняла я. Наверное, я обидела его грубыми обвинениями. Что я завтра расскажу Бет, когда она увидит мои красные и распухшие глаза? Как дальше буду жить, зная, что по городу разгуливает вампир? Услышав в новостях об убийствах, буду ли каждый раз вздрагивать, гадая, не Шед их совершил? Как буду справляться с чувством вины, ведь именно я допустила это?

Я закрыла дверь на несколько оборотов ключа и устало поплелась в ванную. Пустота в груди была сильнее, чем я ожидала. Пока Шед был здесь, мне было неловко от его присутствия и иногда страшно. Но теперь, когда его не стало, я чувствовала себя одинокой, разочарованной и в нем, и в самой себе.

Трудно было уснуть, тяжелые образы кружились в голове. Пугающие алые глаза монстра осуждали меня из подсознания. Бабушка снова тащила из погреба за рукав, приговаривая: «Не каждую дверь стоит открывать! Есть двери, за которыми живет зло, стронув замок, ты выпустишь это зло на волю».

Меня разбудило осторожное равномерное постукивание, как будто рама бьется об окно.

— Лекси... — позвал кто-то, и мое сердце заколотилось в груди, когда я поняла, что это Шед зовет меня с лестницы, находясь по ту сторону двери. Как символично: дверь нас связала, а теперь вновь разделила, хотя мы оба были сейчас в одном мире.

Тук-тук-тук. Настойчиво.

— Не бойся, это я.

Не бойся? Он, должно быть, шутит! От ужаса меня в пот бросило.

Я нащупала телефон, спросонья думая о копах, а затем вспомнила, что этого делать нельзя. Я совершенно беспомощна перед вампиром, как и они наверняка. Никакая полиция отныне не спасет меня.

Я затаила дыхание, надеясь, что он решит, будто я сплю, и уйдет. Но стук продолжался, тихий и решительный.

— Лекси, пожалуйста... — Он что-то еще бормотал, но расслышать слова было невозможно.

Я встала с кровати, стараясь не шуметь и двигаться беззвучно, как умел Шед. Ковер мне в этом помогал, босые ноги не издавали звуков и на ламинате. Подошла к двери со своей стороны и замерла, напряженно прислушиваясь.

— Открой, — сказал он так уверенно, будто знал, что я стою прямо здесь. Я молчала. Сердце грохотало как ненормальное, во всем остальном я сохраняла полную тишину, даже дышать старалась реже.

Дверь скрипнула: Шед прислонился к ней с той стороны, я чувствовала это своими ладонями.

— Я слышу тебя, Лекси, не думай, что ты можешь меня обмануть, ты прямо тут.

Я отшатнулась, едва сдержав крик ужаса. Он слышит меня, черт подери.

— Уходи, — сказала тогда глухо, мне нечего было предложить ему теперь.

— Впусти меня, я ничего не сделал, — пробормотал он обиженно.

Мое сердце дрогнуло в крошечной надежде. Он сказал это для того, чтобы обмануть меня? Или он не лжет?

— Ты разве не попил крови парочки прохожих? — с сарказмом процедила я, сердитая и оскорбленная, вновь прижимаясь к двери со своей стороны. Мы были похожи на двух поругавшихся молодоженов: жена не пускает мужа на порог.

— Нет, — буркнул он, и весьма недовольно, надо сказать.

— Преступников, проституток? Они ведь заслуживают этого?

— Нет! — раздраженно стукнул он по двери, отчего она сильно вздрогнула.

Я призадумалась, противоречиво желая двух вещей: поверить ему сразу или все же прогнать и дать помучиться.

— Ты можешь проверить это, посмотрев в мои глаза — если бы я выпил целого человека, они не успели бы почернеть до этого времени.

— А если не целого? — прицепилась я к неточности формулировки.

— Лекси! — одернул вампир раздосадовано и снова стукнул по двери. — Впусти меня, мне не нравится тут стоять. Соседи уже слышат, — добавил шепотом.

Я вздохнула пораженно и... нехотя все же открыла дверь.

Шеридан проскользнул внутрь и запер замок самостоятельно, но я не позволила ему так легко облапошить меня, тут же скрестив руки на груди. Когда он повернулся, я нахально наклонилась вперед, придиричиво разглядывая его глаза. Он не шевелился; насупившись, смотрел на меня, ожидая вердикта. Но как ему поверить, если я совсем не знала метаболизма вампиров? Может, он лишь прикидывается славным, и его глаза успели бы почернеть после парочки надкусанных бездомных?

Парень не выглядел лицемером: честно и открыто смотрел в глаза, позволяя оценить самой, есть ли в нем какие-то перемены.

— Почему? — наконец, опустила я руки, удивленная и поверившая.

— Не смог, — признал он ворчливо. — Шел, шел и вдруг понял, что ты права: те, кого я встречал по пути, не заслуживали, чтобы их использовали, тем более, применяя силу. Я был бы хуже той, кто обратила меня, ведь мы отдавали им кровь сами! Я не могу стать дикарем, которых поголовно казнили на моей родине. К тому же, я понял, что не хочу потерять тебя... как друга, — добавил торопливо, когда я начала краснеть от смущения.

— Я... рада, — я все еще была насторожена, но его глаза в самом деле не были красными.

Шеридан улыбнулся — мягко и неуверенно. Примирительно коснулся моего плеча в

коротком жесте, и я оттаяла, чуть не разрыдавшись от облегчения.

— Хорошо, — приняла я извинения, впуская вампира обратно не только в квартиру, но и в сердце, которое будто бы перестало кровоточить. — Правда, я очень рада. Тоже не хотела потерять тебя. Было так грустно...

— Прости, — он привлек меня к себе, и я всхлипнула, хотя вовсе не собиралась расклеиваться.

Мои ноги оторвались от земли, и я ахнула, потому что Шед нес меня в постель, не обращая внимания на слабое возмущенное сопротивление.

— Извини, что разбудил, больше не буду, — приговаривал он, укладывая меня, как ребенка и накрывая одеялом по самый подбородок, отчего я сквозь слезы захихикала. — Теперь я знаю дорогу в заповедник, ночь в моем распоряжении.

Ах, вот оно что. Значит, он принял правильное решение. И, судя по времени его возвращения, воспользовался он не такси. «Я пешком добежал бы быстрее», — жаловался он совсем недавно на черепашую скорость наших автомобилей. Значит, и вправду вампиры носятся как пули.

— Я буду следить за тобой: глаза выдадут, если нарушишь обещание, — пообещала я, и Шеридан рассмеялся над моей детской угрозой.

— Думаю, я буду уходить на охоту вечером, чтобы не мешать тебе спать, а возвращаться утром.

Мой мозг тут же подсчитал, что при таком раскладе мы совсем не будем видеться.

— А когда же общаться? — капризно заныла.

Шед улыбнулся, растягиваясь поверх одеяла рядом со мной, и я почувствовала себя удивительно хорошо оттого, что он так близко. Положив руки под голову, вампир с улыбкой уставился в потолок.

— Я могу оставаться на ужин, а уходить, когда ты ложишься в постель? — предложил расслабленно, как будто ему тоже было очень комфортно вернуться сюда.

— Договорились, — согласилась я удовлетворенно. — Спокойной ночи?

— Спокойной ночи. — Шед воспринял мои слова как намек и тут же поднялся, грациозно и бесшумно направившись к компьютеру. Мое сердце пропустило удар, когда он, сев на стул, вытянул мимо стола босую ногу. Милая привычка.

— Спи, — заметил он тогда, и я, захихикав, отвернулась, чувствуя, что теперь мы точно поладим и уживемся вместе. Даже если останемся просто друзьями.

Следующие несколько дней Шеридан потратил на изучение интернета, после чего загадочно объявил, будто знает все, что ему может потребоваться. Мы выбрали мой выходной, чтобы заказать документы. Я думала, мы сделаем это законно, но Шеридан не посчитал такой план гениальным: в современном мире трудно совсем потерять связь с прошлым. Даже если изобразить амнезию, в базе данных будут искать фотографии и водительские права, номер социального страхования и другие общеизвестные данные — все, без чего человек просто не мог существовать. Так что мы не рискнули обратиться в полицию за помощью, чтобы не навлечь особый интерес органов на «человека-невидимку».

Шеридан смог договориться о незаконной подделке документов, правда, мне пришлось выложить за это сумму в размере моего годового дохода. Которую вампир клятвенно обещал вернуть.

В ожидании, пока паспорт и права будут готовы, Шед изучал рынок труда. Не имеющий возможности пока что работать официально, через интернет он нашел людей, нуждающихся в ремонте техники, и выезжал к ним на дом. Уровень технических знаний вампира намного превышал человеческий, он это доказал, когда починил мой старый «си-ди», давным-давно испорченный. Также он заставил мой компьютер работать на такой скорости, которую я никогда в жизни не видела.

Просто однажды вечером я вернулась домой и обнаружила мой любимый ноутбук разобраным, отчего у меня чуть не случился сердечный приступ. Шед же сидел напротив груды этого хлама и что-то сосредоточенно в ней разглядывал.

— Что ты наделал? — ужаснулась я, мысленно прикидывая размер новых трат и досадуя, что вампирские причуды начинают слишком дорого мне обходиться.

Шед проигнорировал мою претензию, сообщив совершенно обыденно:

— Не хватает многих микросхем, по-видимому, у вас они еще не изобретены.

— Ты понимаешь, что здесь к чему? — я ткнула пальцем в жалкие останки моего компьютера.

— Не всё, — Шеридан показал на маленькую зеленую плату с множеством серебристых дорожек, назначения которой я не понимала, все они казались мне одинаковыми. — Вот это — я не знаю, для чего оно нужно. Просто лишняя деталь.

Я закатила глаза, но мой скепсис испарился, когда он начал собирать ноутбук обратно — со скоростью, которую я даже вообразить себе не могла. Вскоре, к моему облегчению, компьютер приобрел прежний вид и включился. И заработал лучше, чем прежде.

Интеллект Шеридана вызывал во мне восхищение, но он уверял, что в этом нет ничего особенного. Просто вампиры — более развитые существа, чем люди, говорил он. И все способности моего тела увеличились бы, если б меня тоже обратили.

— Все дается легче, — невольно хвастался он. — Просто мы — следующая ступень эволюции, более совершенная. Наш слух, зрение и осязание в несколько раз превосходят человеческие. Мы быстрее, сильнее и по большей части умнее людей, по крайней мере, среднестатистических. Разве что некоторые ваши ученые, возможно, обгоняют обычных вампиров в интеллекте. Я слышу, как бьется твое сердце, когда ты на кухне, а я в комнате, и могу отличить звук мотора твоего автомобиля от других с закрытыми глазами.

Я отступила на шаг после такого пугающего заявления, а Шеридан лишь

снисходительно улыбнулся, когда мое сердце ускорилося в страхе. Все-таки он был очень опасным существом, и я должна быть благодарна небесам, что он посчитал дружбу со мной важнее человеческой крови.

Вечерами мы по-прежнему болтали, делясь рассказами о себе, и Бет вскоре одобрительно заметила, что на работе я перестала напряженно оглядываться на часы каждую минуту. Джулия, иногда забегающая к нам из бухгалтерского отдела во время обеда, тоже была вовлечена в странную историю о том, как у меня появился жилец. И Бет, и Джул мечтали увидеть Шеридана своими глазами, но я пока не готова была представить его им.

Во время ужина и завтрака Шед неизменно теперь сидел напротив, наблюдая. Он объяснил, что простота человеческой жизни завораживает его и вызывает грустное чувство ностальгии. Он никогда не сталкивался с полностью свободными людьми, которым ничто не грозило и им не приходилось прятаться по подвалам, и был жаден до подробностей. Хотя по большей части запах и вид еды его отталкивал, он сожалел, что не познал в своей бытности человеком столько удовольствий, доступных смертным. В его общине рацион питания был скудным и безвкусным, жилье холодным и примитивным, книг вовсе не было, и он повидал мир, только после того как стал вампиром.

Наши отношения продолжали балансировать на грани. Шед больше не делал попыток напасть на меня с поцелуем или выпить моей крови, хотя я видела, что иногда ему хотелось и того, и другого. Сама я тоже не решалась преступить черту, понимая, насколько это небезопасно — и для моего тела, если парню вдруг вздумается впиться мне в горло в процессе, и для сердца, когда вампир уйдет через год.

Спустя месяц мы все еще оставались друзьями, хотя подружки закатывали глаза и каждый день ждали сообщения, что у меня официально появился бойфренд. Интересно, проявили бы они тот же энтузиазм, когда б узнали, что парень — настоящий вампир со всеми вытекающими из этого обстоятельствами? Думаю, они бежали бы от него без оглядки и мне посоветовали.

Ситуация ухудшилась, когда Шеридан перестал уходить каждую ночь. Он заявил, что нашел некий баланс между чувством долгоиграющей сытости и количеством выпитой крови. Научился терпеть легкий дискомфорт, когда на вторые и третьи сутки появлялся голод, но уже не испытывал жажду ежесекундно, как в своем мире. Постепенно его желудок привык к новому режиму питания, а обоняние смирилось с человеческим запахом, присутствующим в городе постоянно. Посещать заповедник в конечном итоге парень начал всего два-три раза в неделю, этого оказалось достаточно.

Обычно, когда я ложилась спать, он просто оставался на своем месте напротив компьютера, только стул сменило кресло, а монитору Шед иногда предпочитал книгу, с удовольствием погружаясь в выдуманные человеческие приключения и ностальгируя о том, чего не успел испытать в той своей жизни. Темнота не мешала ему читать, вампирское зрение было поразительным.

Я ложилась в постель, чувствуя спиной его взгляд, и мое тело неизменно реагировало мурашками. Было совсем непросто засыпать под пристальным наблюдением гостя, но я не хотела выгонять его из комнаты, это было бы по-детски. К тому же, стыдно признаться, но мне нравилось, что он на меня смотрел. Интерес парня подпитывал мою веру в то, что я желанна ему как женщина, а не только как сосуд с кровью.

Напряжение между нами возрастало изо дня в день. Мы постоянно прикасались друг к другу на кухне или во время бурного обсуждения фильма, и меня часто пронзал

электрический разряд, потому что Шеридан никогда не отнимал руку мгновенно, в отличие от меня. Я отдергивала, пугаясь собственных реакций тела, и пыталась отчаянно сосредоточиться на том, что должна делать, но Шед наклонялся ко мне, словно я притягивала его, как магнит, и его близкое дыхание путало все мои мысли.

Если это происходило на кухне, то я обычно отворачивалась спиной, развивая бурную деятельность у плиты и скрывая чувства изо всех сил, а Шеридан, изображая дружелюбное любопытство, заглядывал через мое плечо, пока я нарезала овощи или мыла тарелки. Мы оба притворялись, будто не замечаем, как он медленно вдыхает мой запах. Я замирала от страха, что он снова хочет моей крови, в то время как вдоль моей спины бежала волна слабости, прямо в живот и ноги, делая их неустойчивыми. И это уже было связано не со страхом, а с нормальным человеческим желанием большего. Я оборачивалась, ища в черных глазах ответ, и Шеридан улыбался так непринужденно, что невозможно было определить, понимает ли он, что делает со мной.

Если все происходило на диване, когда мы смотрели телевизор, то я старалась занять позицию на противоположной стороне, чтобы не искушать себя. Но парень во время спора или обсуждения в какой-то момент всегда оказывался рядом. Иногда он случайно касался моего плеча, и его пальцы скользили вниз, где он словно невзначай пытался взять меня за руку. Я игнорировала жест, меняя положение и отвлекая Шеду разговором, хотя глупо было отрицать, как сильно мне хотелось, чтобы он не останавливался.

Иногда он привлекал меня в объятия, чтобы смотреть кино вместе, но я не могла расслабиться ни на мгновение. Такое стирание границ пугало меня, я все еще упорно пыталась направить наши отношения в русло дружбы.

Не знаю, что произошло, и как так получилось, но в какой-то момент все вышло из-под контроля. Просто наступил срок, и мое желание достигло точки кипения. Шеридан был в душе с приоткрытой дверью, как всегда. Намеренно он это делал или случайно, но я снова остановилась, чтобы подсмотреть, наивно полагая, что остаюсь незамеченной.

Я закусила губу, когда поняла, что на этот раз он не прикрылся даже штормкой. Струи воды обтекали его бледную рельефную спину, очерчивали каждый мускул. Мое сердце снова болезненно заныло, жар подступил к лицу. Шеридан замер, чуть повернул голову в мою сторону... и я убежала.

Обычно я устраивалась лицом к стене, чтобы бороться с неумным предвкушением, разглядывая неровности обоев. Но в глубине души я постоянно надеялась, что вампир первый не выдержит и сам заберется ко мне в постель. Представляла, как изображу возмущение и сдамся под решительным натиском его мужского начала спустя несколько мгновений. Но проходили минуты в полной тишине... и я, так не дождавшись Шеду, засыпала неудовлетворенной.

Сегодня все изменилось: мое терпение оказалось на пределе, я была близка к тому, чтобы сделать шаг первой. Даже на расстоянии взгляд вампира заставлял мое тело гореть, нервы были напряжены, как струны, а кожу покалывало от желания ощутить нежные прикосновения. В конце концов, у меня почти два года не было парня! Неудивительно, что я сходила с ума. С самого первого дня знакомства я знала, что мне будет не устоять. Но сердилась, что парень так и не проявил инициативу, поэтому была немного резка.

— Знаешь, мне трудно уснуть, когда ты смотришь на меня, — поддела я, не рискуя повернуться к нему лицом. Пора было высказать все свое раздражение, не могла держать дальше в себе. Жить вместе, не переходя границ, оказалось сложнее, чем я думала. Особенно

после злосчастного поцелуя, который вначале заставил меня надеяться, а затем был забыт, словно его никогда и не было.

Быть может, лучше было отселить вампира сразу после того, как он начал зарабатывать деньги. Пусть сам крутится. Либо быть немного храбрее или хотя бы уступчивее и не пугаться каждый раз, когда Шеридан пытается стереть воздвигнутый мной барьер. Если мне это не вообразалось, конечно. Остановиться, не убегать, замереть и позволить ему довести до конца все его маленькие ненавязчивые приставания. Понаблюдать, что тогда будет и чем все закончится. Может, не пришлось бы сейчас переламывать себя, борясь с дурацкой застенчивостью.

Желание и сомнение бурлили во мне, как огромный черный водоворот. Я уже не была уверена, что лучше: проявлять осторожность и беречь себя или взять все, что смогу, от нынешнего момента, не думая о будущем, в котором больно будет расставаться. Ведь когда Шед уйдет, больно будет уже в любом случае, я чересчур втянулась. Не слишком ли расточительно упускать время, которого оставалось все меньше?

— Мне тоже трудно... — загадочно обронил Шеридан со своего места у компьютерного стола, и даже эти простые, но несущие двойной смысл, слова заставили мышцы моего живота сократиться от предвкушения.

Ах, пропади все пропадом, решила я. Больно, страшно, опасно — все это померкло перед этим мучительным моментом. Я не была легкомысленной, нет. Но сейчас очень хотела стать ею.

— Я подумала, что мне было бы проще, если бы ты хотя бы притворился, что спишь, — прошептала я, горло сдавило от страха, поймет он меня правильно или нет.

— Что ты предлагаешь? — тем же шепотом отозвался он. — Кровать-то одна.

— На ней достаточно места, — я отчаянно покраснела от собственной наглости, радуясь, что он не увидит этого в темноте, тем более мое лицо было скрыто краешком одеяла, который я натянула.

Волосы обдул ветерок, и я отчетливо ощутила, что Шед замер возле кровати. То, с какой скоростью он метнулся сюда, говорило о силе его ответного желания. Готова ли я зайти так же далеко, как в мечтах? Может, он пришел просто полежать рядом, восприняв мое странное предложение буквально?..

Наивная, я хотела не этого. Во мне боролось непримиримое противоречие: переживание за свою жизнь и желание обладать мужчиной безраздельно.

— Я не знаю... мне раздеться? — спросил он, и я слотнула, понимая, что у него до сих пор нет пижамы. Он купил себе несколько уличных вещей, но без домашних легко можно было обойтись... до этого часа.

— Как тебе удобнее, — предложила я хрипло, волнуясь за свое бешено колотящееся сердце.

Уже спустя мгновение одеяло приподнялось, и я чуть не застонала от облегчения, ощутив руку на своей талии. С этого мгновения «страшно», «опасно» и «нельзя» потеряли значение. Осталось только «хочу» и «безрассудно».

Шеридан, кажется, даже не подумал, что я могла позвать его исключительно из дружеских побуждений. Его рука, к моему невероятному счастью, решительно заскользила к моему бедру, вызывая дрожь. Его дыхание было возбужденным и возбуждающим, прерывисто касаясь плеча и шеи.

— Думал, ты никогда не позовешь, — признался он, отодвигая мои волосы, чтобы

прохладными губами коснуться уха. Этот контраст — холодного и горячего — подействовал как удар молнии, мгновенно пробуждая к жизни все мои нервные рецепторы. Я даже не задумалась об опасности, когда, задыхаясь, повернула голову и открыла лучший доступ к шее. Как будто Шед был человеком... Но сейчас мой инстинкт самосохранения уснул.

— Почему сам не пришел? — я направила его руку, действующую слишком целомудренно, выше, подталкивая к решительным действиям. Холодные пальцы, коснувшиеся кожи вне сорочки, вырвали из моей груди тихий стон.

— Это твой мир, — заметил Шеридан. — Ты устанавливаешь правила.

Черт бы побрал эти правила, теперь я жалела, что так долго ждала. Ладонь вампира нашла место концентрации моего желания, и я благодарно выдохнула от тепла, приятно распространяющегося во все стороны и пустившего мысли в головокружительный пляс. Умелые пальцы не иначе как обладали способностью дарить удовольствие; интересно, это потому что вампиры были во всем совершеннее людей или потому что я ждала слишком долго?

— Ох, этот запах, — пробормотал Шед со стоном, виртуозно находя местечки в моем теле, больше всего нуждающиеся в прикосновении. Талантливо умножая мою отчаянную потребность в большем, он действовал все решительнее и смелее. Всклипнув, я дернулась прочь от пронзительных вспышек сладкой боли, но вампир не дал мне убежать, резко прижав к себе и тем самым позволив почувствовать, что тоже меня хочет. Его обнаженное тело было ощутимо прохладным, но не отталкивало: касания воспринимались ярче и острее, чем могло быть с человеком.

— Какой запах? — растерянно пробормотала я, одурманенная близостью мужчины. Таяла, словно шоколад.

— Запах твоего желания, — пояснил вампир, и я услышала звук треснувшей материи моей ночной сорочки, когда он неудачно приподнял ее сзади, чтобы добраться до спины. Это слегка меня отрезвило.

— Ты знал? — шокировано выдохнула я, распахивая глаза. — Как давно?

Неужели мои чувства и желания всегда были так очевидны? Стыд и неловкость овладели мной: я всегда была открыта перед ним, как на ладони. Он знал, что я хочу его, с самой первой встречи? Слышал, как я торчу возле душевой и смотрю на него, позволял насладиться видом? Именно поэтому не закрывал дверь — хитрый манипулятор! Каждый раз, когда он подходил ко мне, и мое сердце пускалось вскачь, по запаху определял, испытываю я возбуждение или страх? И ни разу ничем не показал, как сам реагирует на это!

Впрочем, он иногда пытался. Но действовал недостаточно прозрачно, чтобы я поняла намеки. А может, мне попросту не хватило опыта и смелости, чтобы заметить или признать взаимность влечения. Или было слишком рано для этого.

— Знал, всегда знал, Лекси. У меня отличное обоняние. Каждый вечер, — он втянул носом воздух возле моей шеи, но сейчас мой привычный страх был подавлен, — каждый раз, когда касался тебя... и случайно, и намеренно, я знал, как ты реагируешь. Но ты отпрыгивала, как испуганная птичка, и смотрела на меня как на кобру. Будто я хочу убить тебя, — он рассмеялся немного хрипло.

— Боже... — я снова покраснела. Он знал все эти два месяца, что я хочу его. Каждый вечер следил, как я укладываюсь спать, именно потому, что знал. Возможно, ждал в нетерпении, когда же я, наконец, не выдержу и позову его, и сегодня настал этот момент. Ужасно неловко!

Пальцы Шеридана скользили вдоль моей спины, изучая каждый позвонок.

— Знаешь, сколько я не был с женщиной? — доверительно шепнул он в область моего затылка, отчего мурашки дружной стайкой рассыпались по плечам. — Шестьдесят семь лет.

— Сколько?! — ахнула я, потрясенная. Мои глаза шокировано уставились в темноту. Я не могла даже представить себе такое. — Почему? Ты же... красивый?

— Этого недостаточно, — легкими волшебными поцелуями вампир покрыл мое плечо. — Я уже говорил: у нас не хватает женщин. Я видел всех, пятисот лет достаточно, чтобы перезнакомиться с каждой. И если привязанность не возникла сразу, то не возникнет уже никогда.

— Разве мужчинам нужна привязанность, чтобы заниматься сексом? — слегка удивилась я. И вспомнила некстати о той, которая, очевидно, была когда-то равнодушна к Шеридану. — Бьянка наверняка приняла бы тебя радушно, если б ты к ней заглянул.

Голос вампира в секунду стал ядовитым — бальзам для моих ушей.

— Отвратительно! Да ни за какие коврижки, даже вспоминать о ней не хочу.

Наверное, она делала то, что не может простить ни один мужчина. Скорее всего, для парня такая связь — через принуждение — была унижительной, в этом причина. Но думать об этом долго я не могла в наш романтический момент.

— Ну, а проститутки? — предположила я, улыбаясь приятному подтверждению, что бывшая Шеридана мне не соперница. — Сам говорил, что такая возможность есть. Просто тебе не хотелось стоять в очереди и быть не первым. Но если б ты проявил терпимость, то поразвлекся все же смог бы?

По его дыханию стало понятно, что он покачивает головой.

— Они не проститутки. Не существует у нас такой профессии. В ней нет смысла, потому что женщины ценнее и они диктуют свои условия в моем мире. Женщины выбирают, с кем быть. Те немногие, которые готовы дать шанс разным мужчинам, а не одному-единственному, правят балом. Настоящие королевы. Они и только они решают, кого облагодетельствовать, а кому отказать. И все они баснословно богаты, так что ради денег спать со всеми подряд точно не станут. Разве похоже это на положение ваших ночных бабочек?

— То есть, записавшись в очередь, можно еще и не получить приз? — ужаснулась я, начиная потихоньку осознавать, что мой мир — рай для вампира не только в плане крови.

— Именно, — хохотнул парень, щекоча дыханием ухо. — И такие дамы довольно безжалостны, выбирая тех, кто не просто им понравится, но и чем-то будет полезен. Сотни мужчин, а то и тысячи, готовы отдать за одну ночь абсолютно все, что имеют! Каждый, конечно, надеется покорить холодное сердце свободной красотки чем-то особенным, стать единственным. Но все они обречены.

— Почему? — прошелестела я, не понимая причины такой жестокости.

— Эти дамы точно знают, чего хотят. И они никогда не позволят мужчине владеть ими. Предпочитают командовать сами.

— Неужели нет ни единого шанса влюбиться в достойного мужчину? Может, кто-то из них настойчивостью, заботой и нежностью сумеет однажды завоевать этих хищниц? — внезапно вместо неприязни к вампирам я испытала сочувствие.

Посмотреть на ситуацию можно с разного ракурса: для Шеридана они бессердечные акулы, но сами они наверняка считают себя несчастными. Шутка ли, жить вечно и никого никогда не любить. Знать, что шанс встретить своего единственного близится к нулю. Новые

граждане появлялись редко, и судя по тому, что я уже узнала о параллельном мире, умом они вряд ли блистали, даже несмотря на программу обучения.

— Это только у вас возможно такое, — возразил Шеридан. — Чувства между людьми не всегда возникают сразу, иногда для этого нужно, чтобы прошло какое-то время. Вы можете любить много раз за одну жизнь, легко бросаете и влюбляетесь снова. Мы же вообще не склонны привязываться: даже если связь между вампирами случается — что само по себе чудо, ведь хищники по природе своей одиночки, — за вечность найдется тысяча причин разочароваться. Надо же, какая несправедливость, мы живем бесконечно, но ценим каждый такой момент, а вы обладаете абсурдно короткой жизнью и тратите ее бездарно, не цените то, что имеете, а теряя, бесследно забываете...

— Значит, вампиры вообще не умеют любить? — Неужели все настолько печально, и у меня нет ни единого шанса пробиться к его холодному сердцу? Неужели все, что между нами может быть, это только секс? Никаких чувств, никакой привязанности... только кратковременная физическая связь. Это просто ужасно!

— Я не сказал, что это невозможно, — поправил вампир, так сладко вдыхая мой запах у изгиба шеи, что по всему моему телу прокатилась волна дрожи, наполняя каждую клеточку электричеством. Я совсем не думала о том, что за этим может стоять жажда крови. Выбросив страх из головы, я полностью доверилась вампиру. — Я лишь сказал, что это случается редко, и что вечность слишком длинна, чтобы выдержал какой бы то ни был брак. Но... — добавил он соблазнительным шепотом, — в моем мире есть крепкие супружеские пары. Немного, но есть.

— Тогда не отчаивайся, — подбодрила я, мне не нравилось думать, что у Шеридана нет никакой надежды на счастливое будущее. Я слишком беспокоилась о том, кто не слишком беспокоился обо мне. — Может, жизнь тебя еще удивит, и ты встретишь свою половинку.

— Все может быть... — он со стоном прижал меня к себе, и я задохнулась, когда прохладные пальцы пробрались под тонкий шелк сорочки. Развернулась, чтобы увидеть фосфоресцирующие черные глаза. Два поблескивающих в полутьме зрачка могли напугать кого угодно, особенно неподготовленного. А я уже привыкла. Мне нравилось, что они горят ярче из-за меня.

Я никогда не гасила свет в квартире: по иронии судьбы, живя в одиночестве, боялась темноты и таившихся в ней несуществующих монстров. Как же так вышло, что я впустила сюда вампира? В слабом свете, пробивающемся из прихожей, его лицо казалось диким, свирепым из-за желания.

Но в то же время Шеридан изо всех сил старался обращаться деликатно со мной, держать себя в руках, чтобы не сломать случайно. Выдыхал, сбрасывая напряжение мышц, но хватало его надолго, и пальцы снова впивались в кожу. Не больно, но довольно чувствительно. В пылу страсти бывает и не такое, но если я хотела остаться живой сегодняшней ночью, мне следовало как-то помочь вампиру справиться с собой.

— Ты поэтому так долго не осмеливался приблизиться ко мне? — уточнила я, представляя, что если он пять сотен лет прожил в мире, где нет ни единого способа подступить к женщине, то ему наверняка было трудно преодолеть этот психологический барьер.

Шеридан снисходительно приподнял уголки губ, будто его позабавило мое наивное умозаключение.

— Не поэтому, — глаза вспыхнули от удовольствия, когда он костяшками нежно провел

по моей щеке. — Ты же боялась меня до ужаса, — напомнил он с ироничной ухмылкой. — Каждый раз, когда я касался тебя, ты думала, что я собираюсь воткнуть в тебя клыки. Признай.

— Было дело, — улыбнулась я с легким чувством вины.

— Поэтому я ждал, больше ничего не оставалось. Лучшая тактика поведения в этом случае — терпение.

— То есть... — возмутилась я, потому что Шеридан говорил обо мне, как о диком животном, которое нужно было укротить. Проявлял осторожность, двигался нарочито медленно и вел себя предельно миролюбиво в ожидании, когда завоюет мое доверие, чтобы я больше не воспринимала его как опасность. Чтобы затем?..

Я собиралась высказать ему свое «фи», но он погасил мое недовольство восхитительным поцелуем, спутав все мысли. Губы были напористыми и отнюдь не нежными, но я не жаловалась, потому что страсть вампира вызывала бурный отклик во мне самой. Загораясь от сильных и прохладных прикосновений голодного до близости мужчины, я и сама заражалась его энергией, постепенно теряя связь с реальностью. В такой эйфории мне было совершенно плевать, проснусь я утром живой или нет.

Пользуясь шансом, я и сама исследовала кожу вампира, удивляясь ее необычности и крепости. Шеридан не стал заморачиваться, когда я сказала сакраментальную фразу «как тебе удобно». Видимо, он решил: нет пижамы — нет проблем. И теперь я имела возможность узнать о нем больше. Могучие мускулы, перекатывающиеся под моими ладонями, завораживали и источали опасность. Чтобы мне стало спокойнее, я представила спортивного человека, например, боксера, у которого тоже могла быть такая невероятная сила, но острое чувство угрозы нет-нет да и прорывалось сквозь желание.

Я задохнулась от волны удовольствия, когда Шеридан заставил мою спину прогнуться, прижимаясь всем весом, но испуганно взвизгнула, когда он нетерпеливо дернул ткань сорочки, разрывая ее прямо на мне. Схватился за непослушные бретели, и я нервно остановила его руку.

— Эй, поосторожнее со мной, я не Халк, — предостерегла строго.

— Я знаю, знаю, — болезненно проныл он, но все же отпустил, позволив упасть на подушку. — Ты слишком ранимая. Я не хочу навредить тебе. Но могу, легко. Ты же понимаешь, что я никогда не делал ничего подобного с человеком? И как же нам быть?

Мы уставились друг на друга, сдерживая дыхание. Глаза Шеда горели нетерпеливым предвкушением, зажигая внутри меня огонь, подавляющий страх. Зрачки не хранили оттенок алого, доказывая, что вампир держит данное мне слово, и тем самым призывая доверять ему, кем бы он ни был.

— Просто помни: если сделаешь что-то не так, второго раза не будет, — подняла я бровь, выбрав метод кнута. Причем, не важно, имела я в виду, что умру, или что останусь поломанной и недовольной. В конце концов, он мужчина и должен взять на себя ответственность, если хочет, чтобы я решилась повторить эксперимент. А я была точно уверена, что он захочет. После шестидесяти семи лет воздержания он наверняка не рискнет упустить подвернувшийся шанс.

— Аргумент — железный, — уважительно признал вампир, криво улыбнувшись в ответ на мой строгий тон, и тут же взял себя в руки, аккуратно стягивая бретельки по моим вытянутым вверх рукам.

— То-то же, — похвалила я его за старания и ласково провела кончиками пальцев вдоль

скул. Глаза вампира закрылись, когда я восторженно взъерошила его великолепные кудри, сводящие меня с ума с первого дня. Теперь они принадлежали мне, и я могла играть с ними, когда вздумается. Обожала ощущение мягкого, но упругого шелка между пальцами — о других достоинствах мужчины мне еще предстояло узнать, и я спешила воспользоваться этой возможностью.

Потянула его на себя, и Шеридан мгновенно переместился, величественно нависая. В мучительном ожидании я изогнулась и прикрыла глаза. Р-раз, и мои руки вдруг оказались над головой, скованные холодным капканом.

— Не отвлекай тогда, — пробормотал парень и с шипением двинулся вперед, отчего я благодарно прошептала его имя, наслаждаясь каждым последующим мгновением единения. В кровь будто впрыснули огня, и он разнесся по всему телу, поджигая на своем пути каждый нерв. Забыв об опасности, я полностью отдалась этим сладостным и приятным волнам, позволяя им уносить меня так далеко, как возможно.

— Ах... — нечленораздельно выражал вампир рвущиеся эмоции, с напряженным рычанием пытаюсь оставаться осторожным.

— Быстрее, — подбадривала я его бессознательно, но когда он отпускал себя и выходил за рамки, тут же сердилась: — Медленнее, медленнее!

Задыхаясь в объятиях друг друга, мы искали тот ритм, который устроил бы нас обоих.

— Говори мне, говори, — требовал парень, чувствуя, что теряет контроль, но я тоже уже неспособна была командовать, нетерпеливо встречая долгожданное, накатывающее острыми волнами удовольствие, поглощающее тело и разум. Срывающееся рычание Шеридана я слышала слабо, сквозь туман блаженства. Но почувствовала, как он мощно последовал за мной, огласив спальню восхищенным полусшепотом...

— Лекси, что это?! — в ужасе ахнула Бет, увидев мою поясицу, когда я потянулась с карандашом к верхнему краю эскиза. Блузка задралась, и ее взору открылись уродливые синяки, оставленные сильными вампирскими пальцами накануне ночью.

Спрыгнув со стула, я быстренько одернула ткань, но Бет не из тех, от кого легко отмахнуться.

Она вылупила глаза на мое случайно обнажившееся запястье, на котором тоже сверкали багрово-синюшные пятна. Проклятье!

— Это... ну-у... мы... — я не могла придумать, как объяснить наличие на теле грубых отметин. Не только на руках и спине, Бет еще всего остального не видела. Повезло, что лицо осталось целым.

— О господи, — выдохнула подруга, — он бил тебя?!

— Нет, конечно! — возмутилась я, удивленная, что фантазия завела ее не в ту сторону. И дико, просто чудовищно покраснела.

— Лекси?.. — Беатрис скрестила руки на груди, требуя объяснений. А я, закусив припухшую от поцелуев губу, потупила взор.

— Мы просто немножко увлеклись, слишком долго ждали и вот... — мне хотелось провалиться сквозь землю от стыда, терпеть не могла раскрывать кому бы то ни было подробности своей личной жизни.

Бет издала недоверчивый смешок, но ее лицо уж почти сияло от восторга.

— Это следы страсти, что ли?

— Ты же знаешь, какая у меня чувствительная кожа, — пожалала плечами я. — Чуть что

— сразу синяк.

— О, так он оказался горяч, а? — подмигнула подруга, приходя в отличное настроение.

Конечно, она кардинально ошибалась, кожа Шеридана была холоднее человеческой, примерно как у больного анемией, но что касается страсти, тут она попала в яблочко. Мои ноги даже сейчас покалывало от приятной слабости при одном лишь воспоминании о вчерашних играх. Ожидание вечера казалось невыносимым.

— Ох же, ты в самом деле очень сильный! — признала я утром, недоверчиво разглядывая себя перед большим зеркалом. Везде. Я была синяя и багровая везде, где только он меня касался ночью. Не сказать, что это ставило крест на наших дальнейших отношениях, но терпеть такое я не была намерена. Кому понравится ходить с постоянными синяками? И уж тем более оправдываться перед подругами!

Недовольный Шеридан напряженно застыл позади меня, благоразумно помалкивая. Он уже разок заикнулся, что такого не случилось бы, будь я вампиром, но я попросила его даже не мечтать, и он заткнулся, «незаметно» для меня закатив глаза.

— Это не должно повториться! — пригрозила я ему сердито. — Как я буду такая ходить?!

— Ну, извини, — повторил он в тысячный раз. — Ты ко мне несправедлива: я был очень осторожен...

— И ЭТО ты называешь «осторожен»?! — я никак не могла успокоиться, надевая классические офисные брюки. Низкая посадка открывала слишком много кожи, но других у меня попросту не было. Я не могла прийти на работу в джинсах и бесформенном свитере, а все мои блузки были слишком короткими, чтобы скрыть пятна в форме пальцев, оставленные повсюду! — Чтобы в следующий раз такого не было! Ясно?

— В следующий раз? — эхом отозвался он, удивленно дернув бровями. И, если мне не померещилось, этот наглец подавил довольную ухмылку!

— Ты меня понял! — попыталась я вернуть в голос побольше жести, а то выглядело все слишком уж для него оптимистично: будто я злюсь, да не кусаюсь. И уже готова снова запрыгнуть с ним в постель, толком не наказав.

На этот раз ему хватило ума промолчать и не нарываться, принять мое негодование, которое заслужил в полной мере.

— Слава Богу, хоть кости целы! — проворчала я, расстроенная не только несдержанностью вампира, но и собой — что отпустила контроль и в итоге позволила сделать с собой это. Мне раньше никогда не наносили увечья, тем более мужчины, и даже факт, что Шеридан не был человеком и просто не мог иначе, не умалял моей досады на себя.

— Да боже ты мой... — ворчливо воскликнул Шед, картинно закатил глаза и от греха свалил в комнату, где — я даже услышала — шумно упал в кресло.

— Не смей уходить, я еще не закончила! — заглянула я в комнату, сдвигая брови погрознее.

Он сидел, неохотно скосив глаза на меня, и выглядел, кроме явного раздражения из-за ссоры, недостаточно виновато. Это конкретно бесило.

— Или ты считаешь, что можно было сломать мне еще и парочку ребер? — с вызовом поддела я, собираясь утопить его в чувстве вины по самую макушку — авось в следующий раз он постарается лучше беречь мое смертное тело.

— Ты цела, Лекси! — огрызнулся этот выскочка, и выражение его лица натолкнуло меня на новые мысли, как можно пробудить его совесть к жизни.

— Почти, — настойчиво ткнула пальцем в угол, где мы спали. — Но пострадала не только я!

— Что? — непонимающе посмотрел он туда.

— Кровать, — победоносно заключила я.

— А с ней-то что не так? — он присмотрелся внимательнее.

Матрас пришел в полную негодность, на нем остались глубокие рваные борозды, как будто ее терзало чудовище. Именно так, чудовище.

Я многозначительно посмотрела на вампира, а он лишь развел руками:

— Было бы лучше, если б на его месте была ты?

Аргумент железный, с ним не поспоришь. Но я была слишком зла, чтобы вовремя остановиться.

— Ничем тебя не прошибешь? Да на тебя денег не напасешься! — рассерженно ушла надевать сапоги и пальто: как теперь часто бывало, снова опаздывала на работу.

— Заработаю я тебе на матрас, купишь новый, — раздалось типичное мужское бурчание из комнаты.

Уже стоя на лестнице, я кое-что вспомнила. Влетела обратно в прихожую — Шеридан, к моему удовольствию, уже стоял здесь, не пришлось звать его — и с улыбкой повисла у него на шее.

— Никуда не уходи! — пригрозила я, звонко целуя парня, абсолютно опешившего от перемены моего настроения. — На самом деле, все было замечательно! — И улетела в офис, пока он не опомнился и не затащил меня обратно в постель.

— Да, Бет, он горяч. Очень горяч, — мечтательно улыбнулась я, вспоминая волшебные постельные кувыркания, от которых до сих пор дух захватывало.

Теперь Беатрис смотрела на меня с широченной улыбкой. Меня всегда немного пугал ее излишний энтузиазм: еще до обеда она наверняка пробежится по всем нашим общим знакомым и сообщит радостную сплетню о том, что «Лекси наконец-то после двухлетнего простоя нашел парня».

— И когда же ты нас познакомишь? — умоляюще сложила она ладошки. — Мы с Джулс можем зайти к тебе на чай в субботу. — Она подмигнула.

Я тут же живенько представила себе Шеридана в окружении любопытных девчонок, и эта картина совершенно мне не понравилась. Такие красавчики на дороге не валяются, подруги точно заметят привлекательность парня. Особенно Джулс — известная охотница за холостяками; хотя в на первом месте у нее всегда стоял тугой кошелек, и лишь на втором — внешность. У Бет и вовсе в приоритете были бородачи с бандитской внешностью, так что... Возможно, я могла спать спокойно.

Однако не стоило сбрасывать со счетов вампирский голод: три веселых разгоряченных девушки в одной квартире с монстром? Опасно. Как он будет объяснять, почему не ест и не пьет? Чем оправдать странные нечеловеческие глаза? Джулс и Бет забросят его вопросами, на которые он должен будет молчать, потому что подруги вмиг расколуют его легенду. Возникнут проблемы.

— Как-нибудь в другой раз, Бет, — отказалась я, игнорируя ее надувшиеся в обиде губы. — Как-нибудь в другой раз...

Мы с Шедом выбрали самый уединенный столик в ресторане, чтобы побыть только вдвоем. Отмечали (и тратили) его заработную плату. Полгода прошло с тех пор, как мы встретились в доме моей бабушки. И я была почти абсолютно счастлива, не так уж часто вспоминая о будущем. Казалось, что времени еще впереди — вагон. Но стоило потратить его с пользой.

После приобретения документов Шеридан стал полноправным гражданином Америки. Он отлично водил машину, хотя постоянно жаловался на скоростной режим. В его мире ограничением служила только мощность движка. Он способен был перебрать наш двигатель и заставить его работать в три раза быстрее, но это не отменило бы правил дорожного движения, к его немалому раздражению. Собственная безопасность его не волновала: вампир мог расшибить автомобиль всмятку, выбраться и пойти дальше пешком — любые раны зажили бы на нем почти мгновенно. Но люди не могли себе позволить такой роскоши, жизнь и без аварий была слишком коротка.

Я думала, Шед начнет работать по профессии и станет агентом по недвижимости, как в своем мире. Но он устроился гораздо лучше. Люди быстро заметили молодого специалиста, ремонтирующего почти любую технику. Им заинтересовалась компания по разработке компьютерных технологий. С его багажом знаний, принесенным из чужого, более развитого мира, Шеридана стали считать кем-то вроде изобретателя. Он, конечно, оставался осторожен, но даже парочки вирусных программ хватило, чтобы ему предложили отличное место с высоким окладом. Причем позволили заниматься этим дистанционно, лишь бы вовремя отдавал фирме результат своего интеллектуального труда. Шеридан мог месяц изображать, что трудится над особо сложным кодом, а затем получить столько денег, что хватило не только отдать мне долг, но даже положить на мой счет кругленькую сумму.

Я категорически возражала, на что он лениво отмахнулся:

— Мне-то они зачем. Все твои, мне ни к чему... там.

Он был прав. Не выбрасывать же деньги в мусор из-за обостренной гордости? Вот только от его слов становилось тяжело на сердце. Расставание приближалось. Час икс, о котором думать не хотелось, уже мерцал красной строкой, ведя обратный отсчет.

Вообще-то, Шеридану ничего не стоило стать миллионером, просто украв этот миллион.

— Ваши коды безопасности такие примитивные, — довольно высокомерно заявил как-то он, сидя перед монитором с таким хулиганским выражением, словно готов был продемонстрировать мне свои суперспособности немедленно. — Я могу взломать любую систему, и через пять минут ты получишь наследство от какой-нибудь неизвестной тетушки. Могу просто перевести на твой счет деньги из банка, и клянусь, никто и никогда не найдет концов.

Я поперхнулась от его бесцеремонности.

— Но ты же не будешь этого делать? — испуганно уточнила.

— Почему нет? — удивился он, снисходительно на меня поглядев. Настолько пренебрежительное отношение к интеллектуальному развитию человечества очень раздражало. Хотя я не могла его в этом винить, он ведь был воспитан в мире, где люди стали неразумными животными, годными только на корм. — Ты не хочешь быть обеспеченной? Я

уйду. А ты ни в чем не будешь нуждаться, никогда. Сможешь отдыхать, где захочется, или заняться тем, чем всегда мечтала: рисовать, путешествовать, стать моделью или модельером, открыть собственную фирму! У тебя будут средства. Считай это подарком за все, что ты для меня сделала. Или эксцентричным сувениром на память.

Я хлопнула чашкой по столу. Может, его идея и была безопасна, как он утверждал, но я выросла законопослушной и не хотела жить на украденные деньги!

— Шеридан, даже не думай об этом! Пусть ты и считаешь себя всемогущим в моем мире, это не значит, что можно обходить правила и обманом добиваться цели! В своем мире ты тоже воровал?

— Нет, — признал он, теряя улыбку.

— Тогда и здесь, пожалуйста, не нужно!

Он пообещал. После этого всерьез взялся за работу, решив, что сможет достать мне деньги честным путем.

И вот теперь мы сидели в самом престижном ресторане города, и Шед заказывал самые изысканные блюда и напитки. Вряд ли у меня будет шанс еще когда-нибудь попробовать подобное.

— Зачем такое дорогое? — я смущенно пыталась вразумить вампира. Услышав заказ, официант стал учтивым до тошноты, как будто решил, что Шеридан какая-то шишка. Еще бы, пять тысяч долларов за бутылку! Да у меня оно поперек горла встанет!

— Могу я себе позволить угостить свою девушку? — усмехнулся Шед, кивнув официанту, чтобы подтвердить заказ, и тот убежал выполнять.

— Спасибо, но я вполне бы обошлась чем-нибудь попроще, — приподняла я бровь.

Шеридан, игнорируя мое неуверенное возмущение, с очаровывающей улыбкой, от которой у любой девушки захватило бы дух, протянул руку через стол ладонью кверху. Привычно я вложила свою ладонь, наслаждаясь прохладой и силой мужской руки. Мы часто так делали: перебирали пальцы друг друга, это приносило нам обоим удовольствие и дарило ощущение особенной связи, хотя мы ни разу еще не говорили о чувствах. Простой жест, почти невинный, но создающий непередаваемое ощущение полного взаимопонимания. Сильнее, чем просто влюбленность, как мне казалось.

Черные глаза не отрывались от меня ни на мгновение. Привычка вот так смотреть, не мигая, с соблазнительной и открытой, но немного самодовольной улыбкой, постоянно сбивала меня с толку и путала мысли. Было ощущение, что парень пытается заглянуть прямо мне в душу.

В то же самое время я видела сильное чувство в его глазах. Он не лгал и не притворялся, я действительно ему чем-то нравилась. Вот только понять не могла, есть ли в его интересе что-то помимо постели? Если бы нашлась в моем мире другая девушка, которая примет его нечеловеческую природу, остался бы он тогда верен мне или тут же переключился бы? Шеридан сказал, вампиры не склонны привязываться, и мне приходилось мириться с этой его особенностью. Но чувство, пылающее в его взорах, обращенных на меня, сложно было интерпретировать иначе, чем восхищение.

— Мне хочется отблагодарить тебя, — глаза вампира сверкнули из-под овалов фотохромных очков — он надевал их в места скопления людей, маскируя пугающую черноту глаз, вынуждающую собеседников нервничать. — За то, что не бросила меня одного, приютила и... — многозначительно ухмыльнулся, — ну, ты знаешь...

Я покраснела и опустила глаза. В полдень зал пустовал, мы сидели здесь практически

одни, за исключением парочки деловых человек, заглянувших пообедать. Столики покрывали богатые зеленые скатерти с золотистой каемкой, на блестящих завитушках я и заострила внимание, чтобы скрыть волнение. Мы с Шериданом так и не поговорили о любви, я боялась касаться этой темы. Казалось, если не признать чувства вслух, то будет менее больно, когда мы расстанемся. Конечно же, вряд ли такой подход сработает — больно все равно будет, но, может, не настолько сильно.

Услужливый официант подошел и галантно наполнил бокалы, разделив наше с Шедом рукопожатие. Бордового цвета жидкость была похожа на кровь, и я бросила на вампира многозначительный взгляд, а он понимающе ухмыльнулся мне в ответ. Ему приходилось притворяться человеком. Официант заметит, что один из самых его щедрых посетителей не ест и не пьет, но какое ему до этого дело? Лишь бы дал щедрые чаевые.

— Я бы угостила тебя твоим любимым напитком, — кокетливо поддразнила я вампира, пряча за бокалом насмешливую улыбку, — но боюсь, здешние завсегдатаи не оценят представления.

Глаза Шеридана алчно блеснули в ответ на мою провокацию. Но усилием воли вампир подавил огонь и криво приподнял уголок рта.

— Я сегодня уже пил, но спасибо, — таинственно обронил он, и мое лицо снова запылало жаром при воспоминании об утреннем инциденте. Положив ладонь на стол, я посмотрела на припухший, еще не заживший и болезненный, порез между большим и указательным пальцем, аккуратно прикрытый прозрачным пластырем.

События утра отчетливо пронеслись в воспоминаниях...

Я открывала банку. Нет, чтобы попросить сильного мужчину повернуть плотно сидящую крышку. Нож сорвался, и острый кончик воткнулся мне прямо между большим и указательным пальцем.

— Черт! — я выронила нож, подпрыгивая от боли, и побежала к крану, чтобы смыть льющуюся кровь, которая уже перепачкала стол. Совершенно позабыла, что живу с вампиром.

— Нет, подожди! — отчаянно вскрикнул он, мгновенно материализовавшись рядом. Я замерла, так и не успев подставить руку под струю воды; алая жидкость стекала по ладони и капала в раковину.

Подняла голову: Шеридан хищным взглядом следил за капельками, лицо дикое, желваки напряжены. Я знала, чего он хочет, но молчит, помня мой ультиматум: крови. Которая... все равно пропадала, без пользы исчезая в водостоке.

Нерешительно и медленно я протянула руку, предлагая вампиру угоститься. Он так жаждал этого, но мужественно терпел, в глазах — алчность, страсть, безмолвная мольба и... смирение с тем, что я снова его отвергну.

Он моргнул, темные глаза потеплели от благодарности. И затем торопливо прижался губами к порезу, пока я не передумала. Было немного больно, но мы стали настолько близки, что страха я уже не испытывала. Тревогу, неловкость, может быть. Но не того, что он не нарочно убьет меня. Только смотрела, как он, зажмурившись, наслаждается.

Я остановила его, когда стало совсем неприятно руке, словно в нее воткнули с десяток игл.

— Хватит? — попросила тихонечко, запустив пальцы в шелковистую шевелюру.

Кажется, вседозволенность провоцировала прожорливость, потому что вампир не сразу оторвался, а только когда я повторила требование самым строгим голосом. При этом он

тщательно обработал рану языком, чтобы кровотечение замедлилось и быстрее остановилось. Клыки, конечно, гораздо эффективнее усиливали регенерацию, но мы имели то, что имели.

Шеридан не дал мне осмотреть рану, а тут же толкнул к стене, атакуя губы. Холодный язык с железистым привкусом ворвался без спроса, смущая, пугая... и неожиданно возбуждая, особенно когда сильные пальцы сжали мои волосы и практически обездвжили. Это было чересчур напористо и властно... но так чувственно, что хотелось закрыть глаза и полностью раствориться в моменте.

Решительный напор внезапно проголодавшегося мужчины быстро отвлек от боли и страха, и когда Шед поднял меня, как пушинку, и понес в постель с впечатляющей скоростью, я уже улыбалась.

Казалось, что страстью Шеридан заменяет любовь, говорит о чувствах тем способом, которым умеет. Может, я себя обманывала. Секс для мужчин имеет не то же значение, что для женщин. Но так отчаянно хотелось верить, что за порывами вампира стоят не только жажда крови или благодарность за жилье, а нечто неизмеримо большее. В конце концов, ради того, чтобы остаться со мной, он ежедневно совершал подвиг: со всех сторон окруженный в городе искушениями, согласился не трогать людей и держал слово.

— А если тебя ранить, у тебя тоже пойдет кровь? — задала я вопрос, когда мы уже сидели за столом, и я попивала чай с лимоном. Вспомнила про отросшую за минуту челку и представила так же быстро затягивающуюся рану. Но живую еще не видела.

— Не так, как у людей, — удивленно вскинул брови парень в ответ. — Собственной крови у нас нет, мы существуем за счет ее употребления. Наши органы перестроились, человеческая пищеварительная система выполняет совсем другую функцию. Вместо переваривания желудок сразу распределяет питательную массу по сосудам, напрямую превращая ее в энергию или используя для исцеления. Больше она ни для чего не нужна, поэтому наши сердца не бьются так, как человеческие, и мы можем задерживать дыхание бесконечно долго — все эти примитивные органы «смертных» стали рудиментами. Вот почему в ваших легендах вампиров окрестили живыми мертвецами. Но на самом деле это совсем не так, мы просто другие, усовершенствованные эволюцией. Как у вас говорится: все гениальное — просто. Пей и существуй. Чем больше выпил — тем дольше расходуешь, а жить благодаря постоянной регенерации можно вечно.

Я представила внутренности вампира как большое хранилище и постаралась поскорее забыть об этом. Лучше бы не спрашивала!

— Так как кровь чужая и ее не возобновляет человеческая система, она довольно быстро сворачивается, — как ни в чем не бывало продолжил парень, не замечая моего отвращения. — Это значит, чтобы до нее добраться, ранить нужно только что пообедавшего вампира и как можно глубже, иначе это бессмысленно. Из-за плотности густеющей крови поверхностные сосуды не способны ею наполниться — слишком тонкие, именно поэтому наша кожа такая бледная, — вытянул он на столе руку, демонстрируя белизну.

— Хм, — призадумалась я, моя фантазия иногда уводила меня слишком далеко, я и сама не была рада. — Я подумала: голодный вампир может «огрбить» сытого?

— Ну и вопрос! — восхитился Шеридан, заразительно рассмеявшись.

— Забудь, — попыталась соскочить я — красочного описания процесса мне только и не хватало для полного «счастья». Нужно укоротить себе язык.

— Как я и сказал: кровь циркулирует слишком глубоко под кожей, и чтобы до нее

добраться, придется довольно глубоко вгрызаться. А сделать это не так-то просто, вампир ведь не будет просто стоять, он будет успешно сопротивляться.

— Ладно, ладно, — я зажмурилась, стараясь избавиться от неприятной картинки перед глазами. Но в голову лезли и лезли непрошенные идеи, совершенно не вдохновляющие. Достаточно ли острым должен быть нож? Если изрешетить вампира пулями, он истечет кровью или нет? Тело вытолкнет пули или они останутся в ране после того как та затянется?

— Наша кровь не годится в пищу, она в определенном смысле уже переработана в нечто иное и содержит токсины. Вампиру, конечно, они не навредят, но и удовольствия от ее употребления — никакого. К тому же, разве это не аналог вашего людоедства?..

«Вампиру не навредят»...

— А кому навредят? — прищурилась я, потому что звучали его слова непонятно и оттого интригующе.

Мне бы замолкнуть, но уже слишком сильно глодало любопытство. На месте ученых я бы заперла вампиров в клетке и хорошенько исследовала, они были существами совершенно непостижимыми, поразительными. Их улучшенные возможности наверняка могли принести пользу человечеству: вылечить рак, продлить жизнь. Если бы удалось обойти «побочный эффект» — превращение в монстра.

С другой стороны, именно так обычно и начинаются апокалипсисы: группа ученых испытывает судьбу, то вирус изобретет, то оружие массового уничтожения. Не исключено, что подобный эксперимент привел бы к похожему развитию событий, как в мире Шеридана. Благими намерениями, как известно, выложена дорога в ад.

— Из всех моих объяснений почему тебя заинтересовало именно это? — удивился парень, но в его глазах вспыхнуло нечто, чему я не могла дать определения. Шестое чувство буквально вскричало во мне: заткнуться. Взгляд парня наполнился жадной, скрытой опасностью, даже почти коварством: — Хочешь стать вампиром?

Ах, вот в чем дело. Больше он мог ничего и не добавлять, я сама догадалась. В моей голове тотчас же промелькнули сюжеты фильмов, когда жертва упыря становится такой же, если глотнет его крови. «Напиток бессмертия», — так, кажется, его называли в мифологии. Я настороженно следила за Шедом, осторожно подбирая дальнейшую линию поведения.

— Лекси, наша кровь ядовита для людей, — признал он буднично. — Именно так мы создаем себе подобных. Можешь попробовать, если хочешь, — он протянул мне руку ладонью вверх, и я непроизвольно отшатнулась, вжавшись в спинку стула.

— Нет, спасибо, — поблагодарила саркастически, а этот наглый провокатор лишь ухмыльнулся. — Просто я не думала, что наши легенды настолько буквальные. Они же иногда врут? Солнце вас не сжигает, чеснок, серебро и распятие не действуют. А, например, почему в фильмах вампиры не только дают своей крови, но еще и кусают жертву? Это необходимо?

Глупо было и дальше вести этот неоднозначный разговор, но я продолжала заигрывать со смертью, игнорируя знаки. Видела, какой огонь разожгла наша беседа в глазах Шеридана, какую неприкрытую надежду на то, что я расспрашиваю, потому что подумываю стать бессмертной. И все же никак не могла уняться.

— Необходимости нет, — весело усмехнулся вампир, которого, очевидно, забавляла моя святая наивность. — Чтобы завершить процесс, яду нужно трансформировать всю человеческую кровь, и чем больше ее в теле, тем дольше будет длиться само превращение. Зачем позволять еде пропасть зря, верно? — Он широко, опасно улыбнулся, показывая острые зубы, и я поежилась. Даже если я и закрывала постоянно глаза на его хищную натуру,

относясь к парню, как к человеку, Шед никогда не позволял мне окончательно забыть, кто он на самом деле.

— Болит? — побеспокоился Шеридан, взглянув на мой порез, вокруг которого расплзлось синюшное пятно. Так всегда бывало, если он прикладывался. Сосуды лопались.

— Немного, — признала я, и парень, воспользовавшись тем, что официант оставил нас в покое, привлек мою ладошку к губам, ласково целуя прикрытую пластырем ранку, заживающую куда медленнее, чем укус. Сожаление в красивых немигающих глазах позволило бы мне простить ему все, что угодно.

В то же самое время, едва он вдохнул запах моего запястья, и его зрачки вспыхнули как у хищного зверя на охоте, я тоже почувствовала сострадание, зная, как сильно ему хочется снова ощутить вкус моей крови. Трудно жить прямо в ресторане и питаться одними макаронами, запахи искушают, блюда, находящиеся на расстоянии вытянутой руки, дразнят и словно издеваются. А съесть нельзя, несмотря на то, что точно знаешь — наказания не последует, некому здесь его исполнить. Я была очень благодарна вампиру за то, что он уважает мое требование, и исподволь надеялась, что я ему дорога, раз он согласился на такую жертву.

— Наверное, это ужасно, постоянно испытывать жажду без шанса утолить ее? — спросила я, уже осведомленная, что ему приходится терпеть. Это не просто влечение к крови, это голод, который усиливается со временем. В моем мире у Шеридана не было возможности питаться, как только появятся первые неприятные ощущения, ему приходилось ждать и откладывать, пока жажда не становилась невыносимой, и только тогда он навещал заповедник. Чтобы спустя сутки вновь испытать те же страдания.

Сколько человек может обойтись без еды без ущерба для здоровья? Некоторые не готовы держаться даже несколько часов — ищут, чем бы перекусить, чтобы унять это сосущее ощущение под ложечкой и головные боли. Мы должны есть постоянно, как минимум, три раза в день, иначе не сможем ни о чем думать, кроме голода. Кто-то способен даже убить за кусок хлеба, если другого способа нет.

С вампирами все немного сложнее: от жажды они теряют рассудок, а силы в них достаточно, чтобы разрушить преграды на пути к цели. Когда ты знаешь, что практически неуловим и неуязвим, что тебя остановит? Шеридан вынужден был жить с постоянным чувством голода, и я понимала, что спокойствие никогда не дается ему легко. И все же он согласился на это мое условие, как настоящий герой.

— На мой взгляд, смертность куда страшнее, — улыбнулся парень и так выразительно поднял бровь, что не осталось даже сомнений, на что именно он намекает.

— Я не часто испытываю боль, — возразила я, не собираясь снова вступать в бессмысленный спор. — В очень редких случаях.

— Ну, это пока, — мрачно обронил он, неохотно позволяя мне высвободить руку и наблюдая, как я уплетаю фирменное блюдо ресторана — филе индейки с гратеном и орехами в медово-апельсиновом соусе. — Но только представь, — криво ухмыльнулся вампир, голос пронизало едва скрытое превосходство, — нападения, аварии, катаклизмы. Вы, люди, можете умереть в любую секунду, поскользнувшись на тротуаре и ударившись головой, подавившись костью или неправильно перейдя улицу. Эпидемии и неизлечимые болезни ежедневно уносят тысячи жизней. Старость может не наступить, что-то произойдет задолго до этого. Да даже просто без воды вы начинаете умирать уже спустя несколько дней. В моем понимании это — мгновение! Вы как мотыльки — хрупкие и беспомощные. Вот я

если долго не буду питаться, все равно не умру: даже истощенные до костей вампиры способны вернуться к жизни, если их отпоить. Понимаешь?

Я кивнула, замороженная жутковатым описанием.

— Ваша жизнь отмерена. В сущности, вы живете только в промежутке между двадцатью и тридцатью годами. До двадцати вы ограничены малым возрастом, несамостоятельностью и родительским контролем, неопытны, чтобы понять, что именно делает вас счастливыми. После тридцати на вас обрушиваются разочарования и хвори, приносящие мучения, которые намного хуже жажды. Так стоит ли такая жизнь того, чтобы ценить ее? — Шеридан сделал многозначительную паузу, чтобы я осознала весь ужас своей смертности и, вероятно, тут же изменила свою неправильную точку зрения. — Нет, Лекси, я готов потерпеть голод, но я не хотел бы снова стать человеком. Быть смертным, и быть внезапно смертным — вот что ужасно, на мой взгляд.

Я ошеломленно моргала, глядя на вампира. Его описание человеческой жизни — то, какой он ее видел, — действительно не внушало оптимизма. Я представила себе бабочку-однодневку, которая, не успев родиться, уже начинает умирать. Такими мы, вероятно, и представлялись Шеду — слабыми и недолговечными, без всякой надежды стремительно приближающимися к неизбежному трагическому концу.

— Вампиры тоже иногда умирают, — напомнила я о неоспоримом факте.

— Да, но не так обидно и несправедливо, Лекси! — воскликнул парень. — Мы погибаем в схватке с равным по силе врагом, сражаясь за свои права. Но мы не умираем от бунта природы, или от немощности в старости, или от смертоносной чумы. Из-за нелепой случайности или из-за того, что у кого-то оказался в руке пистолет, а у нас его нет. Если вампир не нарушает закон, за который предусмотрена смертная казнь, он будет жить вечно.

Шеридан ненадолго замолчал, но я напряженно ожидала продолжения, догадываясь, что он затеял этот странный разговор не без причины.

— Что ты хочешь этим сказать? — взволнованно отпила я из бокала, не уверенная, что хочу услышать финал его пафосного выступления.

Шед наклонился ко мне через стол и снова взял за руку. Улыбнулся, ища мои глаза, но я неохотно шла на прямой контакт.

— Я хочу сказать, Алекса, что ты должна пойти со мной, когда год закончится, — завораживающе чувственным голосом донес свою мысль он.

— Но... разве человеку не опасно жить в твоём мире? — скривилась я, подозревая, что это еще не все, но все же надеясь, что за предложением не кроется «то самое» невыполнимое условие.

Вдруг все не настолько страшно и очевидно? Я бы с удовольствием повидала его мир, но одного дня для этого явно будет недостаточно. Остаться на год значило разорвать все связи, потерять работу, и вряд ли получится объяснить мое отсутствие родителям. Но самое главное, я небезосновательно боялась последствий, о которых Шеридан уже упоминал.

Он улыбнулся мне снисходительно, и я разозлилась, потому что надежда на его благоразумие все-таки оказалась напрасной: вампир и не думал скрывать свое истинное намерение, он очень настойчиво внедрял его мне в мозг. Единственным способом быть с ним в его понимании было мое обращение. Но, хорошенько изучив его образ жизни, я точно этого не хотела.

Выдернув руку, сердито покачала головой:

— Нет, я не стану вампиром, забудь об этом, — и вернулась к еде, игнорируя тяжелый

взгляд сидящего напротив мужчины. Увы, мы были слишком разными, и каждый из нас слишком любил свой мир, чтобы отказаться от него ради другого.

— Почему? — хмуро потребовал Шеридан, как будто это не было ясно и без объяснений.

— Вы убиваете людей, относитесь к ним, как к третьему сорту... — при мысли о фермах меня тошнило.

— Только к тем, кто остается примитивен, — поправил Шед терпеливо. — И мы их не убиваем, Лекси. Заботимся о них, кормим и лечим. Они ни в чем не нуждаются и вполне счастливы. Они не чувствуют себя униженными или плененными, их все устраивает!

— Но вы их доите, — я не могла сдержать отвращения. — Только представь, что ты пил кровь своей матери... или отца! Или других представителей своей общины. Откуда тебе знать, что они не попали на одну из ферм после того нападения? И что твои новые друзья-вампиры не угощали тебя именно их кровью из купленной бутылки?

Я подняла глаза и с облегчением увидела на лице Шеда потрясение. Неужели он никогда не задумывался о такой вероятности? Возможно, я заставила его взглянуть на ситуацию с другой стороны...

— Уже нет, — наконец, придумал отговорку он. — Мои отец и мать умерли четыреста с лишним лет назад.

— Ну а как же братья, сестры и дальние родственники? — гнула я свое, и Шеридан закатил глаза, уступая в споре.

— Хорошо, Лекси, я понял тебя.

Он сказал это торопливо, явно испытывая неловкость. Хорошо. Значит, еще не все потеряно, и я пробила его непоколебимую уверенность в собственной непогрешимости. Так что я потянулась и накрыла ладонью его холодную руку.

— Прости, я хотела бы быть с тобой, правда. Но твой мир слишком опасный и неправильный, а я хочу и дальше оставаться человеком. Может... может, это ты решишься жить здесь, со мной? — предложила неуверенно.

Шед наклонился ко мне ближе и открыл рот, чтобы что-то сказать. И вдруг резко выпрямился, вытаращив глаза, которые вспыхнули необычайно диким огнем, мгновенно превращая милого вампира в яростного хищника.

— Ты меня обманула! — выпалил он громким шепотом, заставив меня вздрогнуть от неожиданности и не на шутку перепугаться.

— Что?.. — растерялась я.

Его плечи напряглись, а ноздри раздулись, будто он собирается слететь с катушек прямо в ресторане и учинить погром. Он был зол до такой степени, что его пальцы проделали вмятины в столешнице. Хорошо, что в его руке больше ничего не было.

— Что случилось, Шеридан? — меня охватила настоящая паника. Что могло так сильно напугать вампира? Куда смотреть, чего бояться? Что я сделала не так? Ясно было одно: он чуял опасность, да такую, что сам потерял спокойствие, а значит, что-то могло навредить даже такому сильному существу, как он.

Парень взглянул на меня убийственно, а затем прошипел, приподняв верхнюю губу и демонстрируя выросшие клыки, что изменило его облик кардинально, обнажая истинную звериную натуру:

— Ты сказала, в вашем мире нет других вампиров!

Вся кровь схлынула с моего лица. Я шокированно уставилась на Шеда, боясь даже пошевелиться. Монстр был где-то за моей спиной, Шеридан смотрел на него, не мигая и не открываясь, как лев на тигра, готовясь чуть ли не драться.

— Где?.. — беззвучно выдавила я побелевшими от страха губами. Вопрос был излишним, потому что стоило мне выглянуть из кабинки и оглядеть зал, как я заметила у входных дверей ресторана небрежно одетого мужчину в темных очках. Я сглотнула, когда он помахал мне и вальяжно направился напрямиком к нашему столику.

Как замороженная, я следила за его приближением, от страха потеряв дар речи и все разумные мысли. Мужчина, — а точнее, парень был моложе Шеридана, — выглядел уверенно и агрессивно. На нем в обтяжку сидели выдавшие виды джинсы, но кожаная куртка казалась чересчур новой, словно только что была снята с вешалки магазина. Золотисторусые волосы собраны от висков и перехвачены на макушке резинкой, образуя за спиной небрежный каскад сильно вьющихся волос длиной до лопаток. Нос с горбинкой, губы искривляла угрожающая, издевательская ухмылка, а кроссовки без шнурков были грязными и растоптанными, будто снятыми с бездомного минуту назад. Почти сразу я ощутила запах поношенной обуви, подтвердивший мои подозрения, но, похоже, залетного гостя совершенно не смущал его несвежий вид, а работники престижного ресторана еще не успели опомниться.

Рука Шеридана, лежавшая на столе, сжалась в кулак, а я начала дрожать, в последний момент отсев подальше от края и опустив глаза на скатерть. Меня пронизывал страх. Настоящий животный ужас, которого с Шедом я никогда не испытывала.

— Можно? — с тошнотворной учтивостью поинтересовался мужчина. Ни я, ни Шед не ответили, а я даже не повернула головы. Однако незваный гость все-таки закрыл дверки нашей кабинки, отрезая нас от основного зала, а затем отодвинул стул и сел с торца стола, бесцеремонно нарушив наше уединение.

Мое сердце билось где-то в солнечном сплетении, но его удары отзывались во всем теле, будто набат. Я не знала, как вести себя, что сказать. Взглянула на своего бойфренда, но лучше бы этого не делала: он тоже смотрел вниз, зубы стиснуты, каждая мышца напряжена, поза выражала готовность вскочить. Но ничего из этого он пока не сделал.

— Я Филипп, — представился мужчина голосом высоким и задорным, слова вылетали с явным французским акцентом. Его дружелюбие было неискренним и наигранным, от него за версту веяло опасностью. Мой Шеридан по сравнению с этим вампиром был сущим ангелочком, даже такой напряженный и готовый к бою, как сейчас.

Очевидно, что Шед не горел желанием знакомиться, особенно учитывая жуткий «аромат» пришельца, потому что отодвинулся на стуле, создавая пространство между собой и другим вампиром. Весь его вид говорил «свали прочь», но наглый дикарь и не думал сдаваться так скоро.

— Может, дама будет учтивее? — он протянул белоснежную руку через стол, и я, попав под влияние его подавляющих чар, совершенно автоматически ее пожала.

— Лекси...

Я хотела сразу же выдернуть руку, но Филипп удержал ее, заставив поднять глаза. Мои губы дрожали от страха, сердце билось, будто птица в клетке.

— А дамочка-то в курсе, — с широкой улыбкой, все такой же плотоядной и угрожающей, Филипп свободной рукой поднял темные очки на голову. Я задохнулась, увидев его глаза: черный зрачок окружала алая кайма, кричавшая о том, что он совсем недавно пообедал. Может, как раз тем самым бомжом, с которого снял обувь.

Его кожа была чересчур бледной даже для вампира — белее, чем у Шеридана, словно этот мужчина вообще никогда не покидал днем склепа. В нем не было ни капли того налета цивилизованности, что в Шеде. Это был настоящий монстр, тот самый, о котором в нашем мире слагаются легенды — одичавший, разнузданный, высокомерный. Безжалостный и страшный.

Непроизвольно я уперлась ногами в пол, пытаюсь отодвинуться подальше, от ужаса свело живот в неприятном спазме. Беспомощно взглянула на Шеридана, но он смотрел не на меня, а буравил яростным взглядом Филиппа. От драки его удерживала хрупкая грань, возможно, та самая цивилизованность, которая в нем была воспитана.

— О, добровольное пожертвование! — сделал радостный вывод Филипп, освободив, наконец, мою руку. Но я не успела испытать облегчение, потому что в ту же секунду он схватил другую мою руку, выворачивая запястье таким образом, чтобы увидеть порез.

В это мгновение произошло несколько вещей одновременно. Я взвизгнула от острой боли. Шед резко, оглушительно ударил кулаком по столу, отчего тот подпрыгнул, и все бокалы, стоявшие на нем, разбились с громким стройным звоном. Филипп отпустил меня, что позволило мне отшатнуться как можно дальше и избежать острых осколков, остатков упавшей на пол еды и пролитого на скатерть дорогого напитка.

Задышавшись от ужаса, я смотрела на двух готовых сцепиться вампиров. Нагло улыбающийся Филипп с поднятыми вверх руками сознательно заставил противника выйти из себя и понимал это, наслаждаясь зрелищем; обнаживший зубы Шед, не сводящий глаз с наглеца, едва сдерживался. Глухое звериное рычание вырывалось из горла Шеридана, и я потрясенно распахнула рот, впервые увидев его истинную сущность так близко. Должно быть, я сейчас наблюдала тот самый непримиримый инстинкт защиты территории, про который Шед мне рассказывал. Если сталкиваются два человека, они обычно улыбаются друг другу и пожимают руки. Два случайно встретившихся хищника вступают в схватку.

— Я не претендую на твою еду, — в притворной уступке рассмеялся Филипп, глаза которого восторженно блестели в ожидании нападения. Он хотел драться, его забавляла реакция Шеридана, и он точно чувствовал свое над ним превосходство, был абсолютно уверен в своей победе. Это была игра, только очень жестокая. — Просто пошутил.

— Чего надо! — у меня отвисла челюсть от грубости, прозвучавшей в ледяном тоне Шеда. Казалось, если бы он не был так враждебно настроен с первой секунды, конфликта можно было бы избежать? Или нет?

— Да просто интересно, — пожал плечами Филипп, вытягивая ноги под столом и откровенно издеваясь над Шериданом. — Удивили настолько близкие отношения с человеком. Я такого еще не встречал. Твой запах привел меня сюда: я нечасто вижу других вампиров. Думал, ты зашел пообедать местными жителями, но увидел сквозь стекло, как вы милуетесь, и не смог пройти мимо. Прости мое любопытство, брат, — развел француз руками с полным непониманием, — но... ты же знаешь правила, да?

В этот момент где-то вдалеке завывала полицейская сирена и к нам, наконец-то, ворвались обеспокоенные официанты. «Все ли в порядке? — суетливо спрашивали они, но так и не рискнули притронуться к неприятно пахнувшему посетителю, который даже спиной

источал самоуверенность и смертельную угрозу, — чем мы можем помочь?»).

С кривой ухмылкой Филипп легким движением опустил очки на нос и поднялся. Кивком указал в сторону двери, недвусмысленно приглашая Шеда следовать за собой.

— Пойдем, прогуляемся, — бросил он и неспешно отправился на выход. Официанты тут же рассыпались во все стороны, как тараканы, пропустив хама без единой попытки остановить, и он беспрепятственно покинул ресторан еще до приезда полиции. Если ее вообще вызвали — тот звук мог быть связан чем-то другим.

Все еще дрожа, я посмотрела на Шеридана в лихорадочном смятении, удивляясь, что мое сердце все еще не остановилось. Официанты бросились вытирать стол и убирать осколки, извиняясь за то, что охраны у них нет. Сквозь глухую пелену ужаса я едва слышала, как они просят нас пересесть. Встала, послушно следуя указаниям. Нас переводили за другой столик.

Шеридан молчал. Темнее тучи, он проводил меня в другую кабинку, но остался стоять снаружи. Достал кредитную карту и без слов положил на стол. После чего взглянул на меня с нечитаемым выражением, мрачно оценив мое плачевное состояние, но так ничего и не прокомментировал.

— Я вернусь, как только смогу, — сообщил он так холодно и отстраненно, что я испугалась еще сильнее. Не было никаких сомнений в том, что Филипп запросто может лишить жизни кого угодно. Что, если он позвал Шеда для выяснения, кто сильнее? Что, если мой вампир не вернется? Зато вернется другой...

— Нет, не бросай меня... — взмолилась я несчастным голосом.

— Если меня долго не будет, заплати и езжай домой, — с этими словами Шеридан развернулся и ушел, просто оставив меня одну зализывать раны и гадать, что будет.

Заботливый официант наполнил мой бокал «за счет заведения», и я по-детски попросила его немного посидеть со мной для компании. Так возникало хрупкое ощущение защищенности. Мы перекинулись парой слов; пришлось выдумать, что нас нашел старый недруг семьи, с которым неприятно было встретиться. Милый парнишка, которого я оторвала от работы, убеждал меня успокоиться, предлагал вызвать копов, если это необходимо. Но заверил, что мой кавалер не выглядел напуганным, выходя вслед за Филиппом, а значит, обязательно вернется целым и невредимым.

Но Шеридан не вернулся. Прошел еще час, затем два в полном одиночестве. Близился вечер, зал постепенно заполнялся людьми, и я осознала, что мне нечего тут больше делать. Шед знает дорогу домой, как только сможет, появится. Если вообще решит, что ему это нужно.

Квартира встретила меня непривычной пустотой. На душе было мрачно и черно, в груди вырос тяжеленный камень. Впервые за полгода я осталась тут одна. Когда Шеридан только поселился, все помещения казались ужасно тесными, я испытывала постоянный дискомфорт от присутствия постороннего и грезилась о том, когда смогу от него избавиться. Теперь ситуация изменилась: мне было плохо и одиноко оттого, что я не знала, увижу ли парня снова.

От этой страшной мысли в груди словно образовалась дыра, боль жгла ее края. В этот момент я очень хорошо себе представила, что со мной будет после расставания, когда Шед уйдет в свой мир навсегда. Наверняка мы будем видеться ежегодно, это станет своего рода традицией. Но этого всегда будет мало, ведь я уже привязалась к нему сильнее, чем могла себе позволить.

И все же, несмотря на это, я не готова была бросить друзей, родителей и привычный образ жизни. Если бы все дело было просто в переезде, если бы я могла остаться в мире Шеда человеком, я последовала бы за ним при условии, что мы договоримся о компромиссе: год живем там, год здесь. Но стать вампиром, пить кровь — фу, это казалось мне настолько отвратительным, что ни за какие обещанные преимущества я не согласилась бы сделать такой выбор.

Время моего счастья неумолимо утекало сквозь пальцы прямо в эту минуту, глухая тоска становилась все тяжелей, и я набрала номер отца. Вдруг что-то случится, и я больше не увижу родителей? В любой момент моя жизнь могла теперь оборваться.

Филипп знал о моем существовании и для него наверняка не составит труда найти меня дома, следуя за запахом Шеридана. В любой момент француз может теперь навеститься. Что если ему захочется крови? Как он это назвал, «добровольное пожертвование»? Ну разумеется, он понял, какие отношения нас связывают с Шедом, и не прочь будет тоже угоститься. Откуда мне знать, может, подобная дележка принята среди бессмертных?

А вдруг мой мир тоже наводнен вампирами, о которых люди просто не знают? Тогда я в опасности всегда. Помимо аварий, болезней, старости и случайных происшествий, и прочих угрожающих жизни вещей, добавились чудовища, о существовании которых я блаженно не подозревала двадцать пять лет!

— Лекси? — обрадовался папа и, как умел только он, сразу же почувствовал неладное. Он был военным в четвертом поколении, сейчас уже конечно в отставке, жил раньше в Эсканабе, а затем они с мамой переехали в Чарлстон в старый дом ее семьи, поближе к морю. Несколько лет назад они разошлись, и мама отправилась путешествовать в поисках нового смысла жизни, а папа остался жить там — наверняка надеясь, что она набегается и вернется когда-нибудь. — Что случилось?

— Просто хотела услышать твой голос... Давно не виделись, — пришлось проглотить накатывающие слезы страха. Я боялась за Шеридана, за себя... теперь и за отца, над которым тоже нависла вся эта неизвестная и неожиданная опасность, о которой мы просто не знали раньше.

— Проблемы на работе? Или с парнем поссорилась? Говори, дочка.

— Про парня угадал, — выдохнула я с облегчением, что могу хоть кому-то выговориться. Обычно я не распространялась о личной жизни. Но сейчас не было выбора, и по странной случайности заинтересованным собеседником оказался отец, а не Бет. Но, зато это хотя бы не станет сплетней.

Уилфред понимающе хмыкнул. Ссоры в паре он никогда не считал серьезными, чаще всего они ведь заканчивались примирением, если речь идет о любви. Если же нет, то и убиваться не следовало. Словом, папа размышлял об этом как типичный военный, предпочитающий словам — дело.

— Он обидел тебя? — голос отца стал строгим.

— Нет, он ушел с новым знакомым, и я не знаю, вернется ли... Ну, то есть, я просто волнуюсь, как бы с ним что-нибудь не случилось. Мы не ссорились, просто его долго нет.

Уилфред кашлянул.

— Что за знакомый? Ты хорошо его знаешь?

И что мне сказать? Внезапно я попала в собственную ловушку: и поделиться хочется, и болтать нельзя. Врать? Отставной подполковник вмиг раскусит мою ложь, мне никогда не удавалось провести его.

— Дочь, если нужна помощь с поисками, так и скажи, я подниму на уши кого надо. Ты уже обращалась в полицию? Сколько времени прошло с его исчезновения?

— Не стоит, пап, — остановила я отца, готового незамедлительно действовать. — Прошло всего несколько часов, это у меня нервы расшатались просто. Наверняка все в порядке, парни просто засиделись и потеряли счет времени. А я себе напридумывала лишнего и вдруг что-то расклеилась, ведь так легко можно потерять любимых. Болезни, аварии, — я перечислила все, что называл мне Шед, — нападения, случайности. Вспомнила, что давно тебе не звонила, и захотела узнать, как дела, вдруг мы не увидимся... еще долго.

— Ну-ну, — расчувствовался отец, — ты в самом деле зря себя накручиваешь. Какие болезни? Я здоров, как бык! Прямо сейчас готов пробежаться по пляжу, даже не запыхаюсь! — он рассмеялся, и я тоже сквозь слезы. — Ну, вот видишь, все не так страшно. А если соскучилась, так ведь я всегда жду тебя в гости. Когда у тебя отпуск? Вот и приезжай...те вместе, — добавил сурово, явно собираясь рассмотреть моего бойфренда под лупой, а точнее, через свой «военный прицел».

— Может, в выходные, — всхлипнула я. — Ужасно соскучилась.

— Только маму не пугай, — напомнил Уилфред, прощаясь, — у нее нервы не такие железные, как у меня, она может и не выдержать. Завтра и придет, не отвяжешься.

Я рассмеялась снова. Да, Джейн была именно такая. Сесть на самолет и примчаться в тот же день на другой материк было очень даже в ее духе.

Я позвонила и маме, поговорив с ней гораздо спокойнее. Она, в отличие от отца, не заметила моего сумрачного настроения, с удовольствием в течение сорока минут выкладывая новости, приключившиеся с ней за несколько месяцев. Кони, очередной ее поклонник, с которым она познакомилась в Индии, работал преподавателем в местной спортивной школе. Сама Джейн сразу же увлеклась йогой и танцами, чтобы держать себя в форме, а все свободное время посвящала размножению кошек породы сфинкс, которые обитали в его доме. Как долго продлится это очередное ее увлечение, несколько месяцев? Прежде чем она бросит слишком молодого Кони и осточертевшую Индию и найдет себе какого-нибудь Рони на Мадагаскаре? Поистине, седина в бороду — бес в ребро, но я была рада, что мама живет полной и яркой жизнью, наверстывая упущенное в молодости.

Разговор с родителями меня приободрил, оставил ощущение, что я выполнила свой долг и могу спать спокойно. Вот только сон не шел, я нервозно смотрела на часы, ненавидя медленно ползущую стрелку.

Наступила ночь, а Шеридан так и не вернулся. Я не знала, как начинать новое утро без него. Жив ли он еще? Почему задерживается? В какой-то момент не выдержав, я попыталась ему дозвониться, но связь с абонентом отсутствовала. Он просто исчез...

Было невыносимо горько проснуться одной. Я заглянула во все уголки дома с надеждой, что Шеридан где-то сидит незаметно или, может, уснул. Но его не было. Телефон все еще был недоступен. Мне пришлось уехать на работу, так и не узнав, что с ним.

К счастью, Бет сегодня взяла отгул, и мне не пришлось объяснять причину своего отвратительного настроения.

По возвращении домой меня терзало плохое предчувствие. Уже одно то, что квартира снова окажется пустой, разрывало сердце. Но теперь я уже боялась худшего, к примеру, что меня там будет поджидать Филипп... расправившийся предварительно с моим бойфрендом и заявившийся убрать свидетеля, ведь очевидно, что я не должна была знать о вампирах: «А дамочка-то в курсе!»

Каково же было облегчение, когда я открыла дверь и увидела Шеридана!

— Боже... — ахнула я, роняя сумку на пол и повисая у вампира на шее. — Где ты пропадал! Почему так долго!

— Лекси! — обрадовался он, охотно прижимая меня к себе.

Он изменился: стал менее сдержанным и каким-то дерганым, куртка и волосы пропахли сигарами и спиртом, а еще чем-то неприятным, как будто он вернулся из самого паршивого притона. Ну, прямо как загулявший муж, правда, я знала, что он не стал бы пить и курить — делал это кто-то другой.

А Шед, тем временем, уже целовал меня, нетерпеливо раздевая. Ничего не объяснил, не дал задать вопросы. Я и моргнуть не успела, как одежда оказалась раскидана по комнате, а я уже лежала среди наспех сдвинутых одеял.

Наша страсть была отчаянной, безудержной и неосторожной. Уже давно Шеридан научился не оставлять отметин во время занятий любовью, но сегодня, вполне возможно, я снова получила парочку гематом. Мы оба слишком торопились, наши действия были пронизаны страхом потерять друг друга и облегчением, что мы снова вместе. Понятно, почему я это чувствовала. Но не знала, почему Шед испытывает то же самое, словно собирается... расстаться?

Шепот и вздохи, взаимные ласки, упругость нового матраса, крики удовольствия в крошечной комнате, за окном которой медленно угасал закат. Огонь и лед в интимном танце. Кровь, разгоняемая прохладными, но обжигающими поцелуями бессмертного. Безмолвное биение мертвого сердца напротив человеческого, живого. Взаимные стоны, когда каждую клетку охватывает наслаждение...

Шеридан улыбался, вальяжно разлегшись на подушках, когда я вскочила, включила свет и сдвинула шторы, отрезая нас от внешнего мира. Мы снова вместе, но что-то теперь ощущалось неуловимо иначе. словно между нами пролегла трещина, непреодолимое препятствие, с которым придется столкнуться, если не сейчас, то в скором времени. Мое сердце замирало в ожидании, когда Шеридан расскажет мне, где что делал. Улыбка вампира больше не была беззаботной, теперь в его глазах появилась тень тревоги, а на лбу пролегла напряженная морщинка.

Я не знала, с чего начать. Села рядом, накинув теплый халатик. Не понимала, дрожу от холода или, скорее, от нервов.

— Волновалась за тебя, — решила начать с того, что чувствовала. — Как все прошло?

Шеридан закрыл глаза, медленно втянул носом воздух, а затем досадливо выдохнул его. Было ясно, что он не жаждет обсуждать эту тему.

— Ну, они... не такие уж и отвратительные, — наконец, неохотно поделился он.

— Они? — мое сердце забилося быстрее обычного, когда я вновь представила себе мой мир, населенный захватывающими власть вампирами. Картинка выходила чудовищная.

Шед поморщился.

— Вообще-то, я не должен тебе о них рассказывать, это что-то вроде большой тайны, — уронил он мрачно, и я ощутила укол обиды.

Мы всегда были откровенны друг с другом. Я была для Шеда единственной, кто знал о нем правду в этом мире. Я поддерживала его и помогала, оберегала его от ошибок, поделила с ним постель и даже стала неофициальным донором. А теперь, выходит, у него появились новые друзья, которые важнее меня. Теперь у него есть от меня секреты!

Мой кислый вид Шеридан расценил абсолютно правильно, потому что, приподнявшись

на одном локте, чмокнул в нос. Прохладными пальцами убрал прядь моих волос за ухо, а затем тихонько «дзынькнул» по моим надутым губам так, что они обиженно хлопнули друг об дружку.

— Ладно, ладно, — улыбнулся он примирительно. — Поздно беспокоиться о сохранении тайны, когда ты ее уже знаешь.

Он затащил меня под одеяло, чтобы я не дрожала, и поудобнее устроился рядом на подушках, положив руки под голову.

— Их трое, и они живут вместе, — начал он. — Мужчина и две женщины. Прежде было четверо, но из-за неизбежных ссор постоянно кто-то отваливается. Все трое совершенно дикое, я таких давненько уже не видел! Это отвращает, но и завораживает одновременно. У них что-то типа семьи, так они защищают друг друга от агрессивно настроенных сородичей.

— Так вот почему он вел себя как социопат? — нервно рассмеялась я, очень надеясь, что Шед прав, и Филипп не учудит чего-нибудь похлеще, чем разборка в стиле наездов друг на друга пятиклассников. — Мы зашли на его территорию?

— У здешних вампиров территорий нет, — поправил Шед, снисходительно ухмыльнувшись, — но когда двое сталкиваются в одном месте, срабатывает привычка. Сильный прогоняет слабого.

И как после этого вампир может считать свою расу вершиной эволюции? То, что он описал, больше подходило не представителю развитой цивилизации, а самому настоящему примитивному хищнику. Все равно что львы, постоянно дерущиеся друг с другом, если другой самец посмел заступить границу.

— У нас тоже иногда образуются кланы, — продолжал Шед. — Раньше это случалось чаще, потому что нужно было защищаться от одичавших. Не семьи в вашем понимании, но по смыслу ближе всего, хотя среди вампиров подобные объединения строятся не на тех же основах, что у людей. Просто взаимовыгодное сотрудничество, без какой-либо привязанности, — он слегка пожал плечами. — В нашем мире отпала нужда обороняться уже очень давно, путешествия стали безопасными. Ни к чему убивать, воровать — кровь и так доступна любому бессмертному, есть даже бесплатные пункты выдачи для тех, кто по какой-то причине нуждается. Поэтому мы все чаще живем обособленно, абсолютно одни на многие мили, или сформировавшись парами. Создавать клан ради чего-то еще больше нет нужды. В вашем мире история существования вампиров намного более драматична: вместо того чтобы использовать свои способности и занять высокое место в обществе, бессмертные ушли в тень и живут лишь ради пищи, часто убивая себе подобных без причины, если кто-то им не понравится или нарушит однажды установленные гласные или негласные правила.

Я сглотнула, услышав последнее. Если есть кого убивать, значит, вампиров в моем мире приличное количество. И только благодаря каким-то правилам люди о них не знают.

— Я догадываюсь, с чем это связано, — Шед нахмурился. — Полная свобода — раздолье для нашего рода. Можно совершенно безнаказанно убивать, лакомиться кровью. Нет никого, кто мог бы остановить беспредел, люди не способны противостоять бессмертным, жадным и распущенным убийцам, особенно когда они скрыты. Если бы не ты, я бы, скорее всего, стал таким же... — добавил тихо.

Звучало очень жутко, я еле слышно выдавила из себя вопрос:

— Сколько их всего? Они все пришли через дверь?

— Нет, не через дверь, — возразил Шед удивленно. — Ну, то есть, первые из них, тысячу лет назад — возможно. Но те, кого я встретил сейчас, появились уже тут, были

обращены другими вампирами. Сколько их, я понятия не имею, Лекси. Но у вас их достаточно много, возможно, несколько сотен или даже больше.

Это откровение заставило меня задрожать еще сильнее.

— Неудивительно, что ты не знаешь, — неуверенно приподнял Шеридан уголки губ. — Здесь тоже существуют свои законы. — Мой вампир с раздражением поморщился. — Надо же, а я поначалу считал это место раем. Оказалось, все не так уж и славно. В нашем мире мне гораздо больше нравится.

— Поясни, — прохрипела я. — Что за законы?

Взглянув на меня, Шеридан нахмурился и придвинулся ближе, играясь с прядкой моих волос: покручивая ее между пальцами.

— Это не я придумал, Лекси, — начал он, и выражение его глаз стало чрезмерно заботливым, искренне тревожным. — Я не хотел давить на тебя, ведь это должно быть твое решение. Но теперь у меня не остается выбора...

— Я не... понимаю, — насторожилась я, его слова, несмотря на мягкость тона, звучали как угроза.

— По сути, закон всего один, — голос Шеридана стал совсем тихим, вынуждая меня из всех сил прислушиваться. — В вашем мире существует лишь одно правило для вампиров: люди не должны узнать о нашем существовании. Все остальные законы сводятся к нему же: запрещено оставлять свидетелей в живых, запрещено отдавать людям часть своего тела для исследований, запрещено бросать трупы со следами укусов, создание новых вампиров не запрещено, но все-таки ограничено — ваши бессмертные вовремя поняли, что может начаться вампирский апокалипсис, и остановили массовое обращение. Никто не хотел делить кормовую базу на тысячи ртов. — Он вздохнул и закончил: — Запрещено вступать в какие-либо отношения со смертными, в том числе интимные...

Я думала, страшнее быть уже не может. Но после таких откровений в голову полезли самые ужасные мысли о будущем — о моем будущем. Которого теперь могло и вовсе не быть, после того как обо мне узнал Филипп.

— Я должна умереть? — голос сел, вырвался только жалкий всхлип, но Шед распознал, что я имею в виду.

— Или стать вампиром, — добавил осторожно.

— Нет, — рассердилась я, соскакивая с кровати и в ярости меряя шагами комнату. — А если я откажусь? Разве они могут меня заставить?! А я отказываюсь, Шеридан. Не хочу становиться монстром только потому, что знаю о вас!

— Филипп предупредил меня, что если этого не сделаю я, и мы просто оставим все как есть, то Совету старейшин рано или поздно станет известно о нашей связи. Тогда придут ребята страшнее Филиппа. Обращение уже никто не предложит, тебя убьют, а может и меня — за нарушение.

— Совет старейшин? — я с отвращением представила себе Дракулу из старого черно-белого фильма или злобного старикана из «Другого мира» — вот уж кто был настоящим монстром. У таких персонажей была неограниченная власть над более молодыми бессмертными. Связи и возможности. Если и здесь все так, выхода у нас действительно не будет.

Шеридан поднялся вслед за мной, останавливая мое хаотичное метание по комнате. Схватил мое лицо и силой заставил посмотреть на него:

— Пойдем со мной, Алекс! Просто пойдем, обещаю, ты привыкнешь со временем. Е

моем мире нет убийц, которых ты так боишься. Тебе не придется охотиться, ты не умрешь от старости. Станем парой, будем жить вместе в моем уединенном доме в лесу. Если тебе так претит общаться с другими вампирами, можешь вообще никогда не выходить за пределы моей территории!

— Нет, нет! — отрицая, мотала я головой и пятилась назад — прочь от его страстной речи.

— Пожалуйста! — Шеридан беспомощно смотрел, как я кусаю губу, отчаянно ища выход из ловушки. Оттолкнув вампира, я оставила его посередине комнаты и плюхнулась в кресло. Залезла в него с ногами, жалея себя и одновременно злясь.

Значит, если я не стану вампиром, то меня убьют представители Совета старейшин, а если стану — кто-то из одичалых, кому не понравится, что в его городе завелся новый рот. Но я не хотела становиться чудовищем и питаться кровью, даже если она законсервирована в безликих бутылках. За этими бутылками все равно стоял кто-то живой. И даже если это животные, а не люди, при мысли о крови меня просто тошнило.

— А разве недостаточно будет моего обещания хранить тайну? — пролепетала я в панике.

Шед грустно покачал головой, и моя надежда растаяла.

— Мне поможет переезд! — внезапно придумала я, кивая самой себе. — В доме моего отца, Чарлстоне, Филипп никогда не найдет меня. Ты уйдешь, я сохраню тайну, другие вампиры никогда не заподозрят, что я что-то знаю. Думаю, это может спасти положение.

Я была уверена, что это сработает. Всего лишь другой город, и проблема решена. Папа будет счастлив принять меня. Возможно, такая кардинальная перемена даже спасет меня от депрессии после разлуки с Шериданом.

Мой бойфренд энтузиазма моего не разделил. Его лицо скривилось от разочарования.

— Но тогда мы никогда больше с тобой не увидимся, — прошипел он с досадой. Запустил напряженные пальцы в шевелюру и раздраженно убрал их с лица. Он выглядел как человек, оказавшийся в безвыходном положении. — Черт возьми, Лекси, мне тогда придется остаться с тобой, потому что ты всегда будешь в опасности. Нет гарантии, что вампиры Совета тебя не обнаружат, базы данных доступны не только людям, вычислить тебя не составит труда. Я, конечно, попробую защитить тебя, но вряд ли удастся надолго откладывать неизбежное: в конце концов, я не воин, чтобы сражаться с братьями, особенно если их придет больше одного.

Я стояла посреди комнаты, пораженная его словами. Он всерьез размышляет о том, чтобы защищать меня? И так отчаянно и искренне расстроился из-за моего отказа — что это для меня значит? Я все-таки ему дорога?

— Думаю, ты преувеличиваешь, — произнесла через несколько секунд. Крошечная надежда, что расставаться не придется, зародилась в груди. — Не станут они искать никому не известного человечка. Просто попроси Филиппа молчать. Но если ты останешься, я возражать не стану.

— Конечно, нет, — Шед рассерженно отвернулся — несчастный, как ребенок, у которого отобрали игрушку. Обиженно проворчал: — Но Лекси, я хочу домой!

Да, я была настоящей эгоисткой, не желающей ни в чем уступить, но я просто не готова была стать вампиром и покинуть свой мир.

— Если хочешь, уходи, — прошептала, оставаясь сильной. Шеридан взглянул на меня сердито. — Правда, тебе не стоит из-за меня заморачиваться. Я способна о себе

позаботиться. Перееду, и все будет нормально.

— А-ах! — простонал Шед, воздевая руки к небу. Покачал головой и чуть ли не плюнул в пол, так был зол.

Мы могли бы еще очень долго спорить, но раздался стук. Я решила, что это соседи услышали наши крики и прибежали помочь, собиралась открыть, но Шеридан остановил меня грубым жестом. Резко втянув носом воздух, он тут же дернул меня за руку назад.

— Оставайся в комнате, — приказал жестко. — Это ко мне.

В который раз за день вся кровь в моих венах заледенела. А когда Шед приоткрыл дверь — оставляя щелочку ровно такую, чтобы не быть совсем уж невежливым, и оттуда раздался женский голос, — наоборот, кровь вскипела.

— Филипп собирается поохотиться. Ты как, с нами?

— Сейчас спущусь, — коротко согласился Шед и закрыл дверь.

Когда он подошел ко мне, от напряжения я не могла даже вдохнуть.

— Я к утру вернусь, — пообещал мой вампир так спокойно, как будто собирается в клуб с друзьями, а не на ночную охоту на людей — а в этом не оставалось сомнений, я хорошо запомнила красные глаза Филиппа. Очевидно, что он приглашает Шеда не в заповедник.

Я смотрела на парня в полной растерянности, чувствуя, что снова его теряю, и на этот раз ситуация гораздо серьезнее, чем прежде. Такая серьезная, что своими слабыми человеческими способностями я вряд ли что-то могу исправить.

— Ты сказал им, где я живу? — прохрипела я не своим от страха голосом. О чем он только думал!

Вампир покачал головой, молниеносно натягивая джинсы, а затем метнулся в прихожую, чтобы надеть ботинки.

— Они пришли за мной по следу, — буднично объяснил он и взглянул снизу вверх: — Найти тебя для них — не проблема. Они знают твой запах, ты не спрячешься нигде. Нигде в своем мире, Лекси.

Я отказывалась верить в то, что у меня нет выбора.

— Я рискну, — выдавила с равнодушной улыбкой: он не заставит меня передумать даже под страхом смерти.

Шед ничего больше не сказал, лишь пожал плечами, признав мое право самой принимать решение — жить или умереть. Вечно существовать в облике монстра или погибнуть человеком? Выбор был очевиден.

— Я скоро, — мягко улыбнувшись, словно никакого спора между нами и не было, Шеридан коротко прижался к моим губам.

— Шед!.. — схватила я его за полы куртки, не дав улизнуть так просто. Вгляделась в черные фосфоресцирующие глаза, поражаясь тому, что они когда-то меня пугали. — Ты помнишь, о чем мы в прошлый раз говорили. Неужели ты идешь убивать людей...

Прочитав немой ужас, написанный на моем побледневшем лице, вампир приподнял уголки губ грустно и вымученно.

— Я выполню свое обещание, — повторил он неохотно. — Но ты не запретишь мне смотреть. — И с этими чудовищными словами ушел в ночь.

Все очень изменилось. Каждый день приносил новые и новые сюрпризы, чаще неприятные, с которыми все труднее становилось смириться. Нет, мы по-прежнему жили вместе, устраивая романтические вечера и страстные ночи, работали, общались, но Шеридан неуловимо становился другим.

Вначале, когда он впервые ушел со своими новыми друзьями-вампирами в ночь, им двигало любопытство. Но вернулся он немного потеряннм: быть соучастником убийства, пусть даже и не принимающим в этом личного участия, ему не понравилось. В его мире люди были неразумны, он думал о них только как о животных. Здесь он знал, что любая из жертв может иметь семью, обладает разумом и высоким интеллектом. Женщины, мужчины, — они кричали, умоляли о милосердии, и он сбежал, не смог смотреть на страшную картину. Гулял по городу всю ночь в одиночестве, чтобы поразмышлять.

Я думала, с «друзьями» с тех пор будет покончено, но Шеридан заявил, что они — единственные, с кем он может оставаться собой и кому может рассказать о себе без страха быть непонятым или отвергнутым. Они были нужны ему, чтобы не чувствовать себя одиноким. Я не могла заменить весь его мир.

Он возражал категорически, чтобы они заходили за ним прямо в мою квартиру. Но эти вампиры были слишком дикими, чтобы носить сотовые телефоны.

Однажды женщина, представившаяся Каролиной, пришла, когда Шеда не было дома.

— Ну, здравствуй, Александри, — сказала она мое имя на французский манер, обнимая дверной косяк, будто загулявшая кошка. Ну, или если вернее, как шлюха. Пышные платиновые волосы были забраны вверх в высокой прическе, обнажая тонкую лебединую шею и изящные плечи. Будь она ухоженной и нормально одетой, выглядела бы красавицей.

— Алекса, — поправила я автоматически, вцепившись в ручку, но была слишком хорошо воспитана, чтобы захлопнуть дверь перед носом гостьи, каким бы она ни была монстром и по какой бы причине сюда не заявила.

— Точно, — она сделала шаг вперед, намереваясь психически задавить меня и заставить отступить, но я проявила неожиданное мужество, вынудив вампиршу остановиться.

— Его нет дома.

— А я вовсе не к Сладенькому, — ухмыльнулась нахалка, и меня затошнило от клички, которой она наградила Шеридана. Ах вот как к нему обращаются женщины? Значит ли это то, о чем думать я совершенно не хотела? Представлять Шеда в объятиях этой парочки было отвратительно. — Я к тебе. Давно пора познакомиться.

Хотелось бы мне сказать, что она не с той ноты начала знакомство, и я не намерена терпеть от нее унижение, но на ее стороне все же была сила, и провоцировать убийцу я вовсе не собиралась.

Хищно улыбаясь, Каролина попросила пустить ее в душ. Из ее спутанных волос торчали листья и веточки деревьев, а одежда была явно снята с чьего-то плеча, местами порвана и испачкана. Даже опасаясь за свою жизнь, я не могла отказать девчонке в помощи, тем более что и выхода-то у меня особо не было — уверена, она вошла бы в любом случае.

— Мони-ик! — пропела она тогда высоким кошачьим сопрано, и в ту же секунду в моей квартире оказались все трое вампиров, а не один. Филипп по-прежнему выглядел опасным и вульгарным, подмигнув мне как старой знакомой. Даже отвесил небрежный реверанс,

совсем как французский вельможа прошлого века. А вот девушка по имени Моник, с оливковой кожей и прямыми черными волосами, выглядела вполне мило и даже опрятно. Она вела себя спокойнее и серьезнее, чем ее единомышленники, не играя со мной в кошки-мышки и не издеваясь просто потому, что ей это нравилось.

Я старалась быть гостеприимной, хоть и дрожала от страха, словно осиновый лист.

Каролина и Моник уединились в ванной, и судя по бешеным звукам меняющегося напора и развеселому хохоту, устроили там настоящее сражение водой. А Филипп тем временем вальяжно развалился в кресле, положив ногу на ногу, и принялся развлекать меня рассказами из своего очень, очень далекого прошлого. И, так как он больше не вел себя как агрессивный социопат и не пытался намеренно запугать меня, постепенно я расслабилась и даже почувствовала себя в его обществе почти комфортно, несмотря на страшные глаза с ярким алым ободком.

— Значит, Шед не собирается обращать тебя? — невзначай поинтересовался вампир, наблюдая, как я, выбросив рваную одежду Каролины в мусорное ведро, подбираю для нее вещи из своего гардероба. Наверняка она взяла бы их без спроса, а так я опередила ее, избежав унижения, и, возможно, выторговала себе капельку уважения. Ну, и дополнительные очки жизни.

Лучше соврать, решила я.

— Собирается, но я хотела бы еще немного побыть человеком.

— Дело твое, — улыбнулся вампир почти приветливо.

Когда он не прикидывался зверем, его умиротворенный вид и вежливые манеры внушали доверие, располагали к себе, и я даже начала испытывать к нему симпатию. Особенно после того как узнала, что он был дворянином и родился во времена правления Людовика шестнадцатого. Приличное воспитание невозможно стереть даже веками существования дикарем, и я очень надеялась, что первое впечатление было обманчивым. Шеридан вряд ли сказал бы о Филиппе «он не такой уж плохой», если бы это в самом деле не было так, вряд ли пожелал общения, будь Филипп и дамочки просто примитивными убийцами. Этот мужчина чем-то напомнил мне Лестата из «Интервью с вампиром» — тираничного и коварного, но все же цивилизованного и разумного.

Выдвинув компьютерный стул и присев напротив Филиппа, я решила поговорить.

— Вообще-то, — поделилась я шепотом, чтобы Моник с Каролиной не услышали, — у меня другой план.

— Какой план? — тут же оживился он, преисполнившись игривым настроением.

С ним легко оказалось общаться. Даже в ресторане он ни разу не посмотрел на меня так, как это делали другие двое — с чувством превосходства. Он лишь переусердствовал немного с типично мужским вниманием, но зато одобрительно воспринял факт, что я давала Шеду пить свою кровь, и отнесся при этом ко мне как к женщине, а не как к еде. Почти как к равной, и это удивительно.

— Скажи, — попросила я, нервно переплетя пальцы, — неужели для меня нет никакой возможности остаться человеком? Я не хочу быть такой как вы.

— А что хорошего в смертности? — Филипп удивленно вскинул брови.

Я нахмурилась.

— В общем-то, можешь не отвечать. — Француз улыбнулся примирительно. — Это же твой выбор. Точнее, между вами двумя.

— Но... — я немало растерялась от его ответа. — Разве вы не убьете меня, если я не

стану вампиром?

В ожидании я уставилась на него во все глаза. Это шло вразрез с тем, что говорил Шеридан.

— Мы?.. — весело рассмеялся мужчина. — С чего ты взяла?

— Шед сказал.

Я напряглась: мне совсем не нравилось то, что я слышала.

В глазах вампира промелькнуло, наконец, понимание. Улыбка стала шире.

— Он так сказал? — покачал Филипп головой и рассмеялся громче прежнего. — Что он тебе вообще сказал, твой Шед?

Складывалось стойкое ощущение, будто меня обвели вокруг пальца. Или почти обвели.

— Он говорил, что Совет старейшин строго следит, чтобы не возникало свидетелей-людей. Есть закон: я должна быть либо обращена, либо убита, — недовольно произнесла я. — И что вы исполните его, если вам прикажут.

Филипп веселился от души всю мою эпичную речь. Будь он человеком, наверное, утер бы слезы смеха.

— Мы не стражи Совета, — радостно сообщил он мне, в конце концов. — Мы не занимаемся такой ерундой, для этого у них есть специальные наемники, которые урезонивают особенно зарвавшихся вампиров. Нам же — мне, Моник и Каролин, — в сущности, все равно, собирается он тебя обратить или заберет с собой как есть, или бросит тут, или будет с тобой человеком и доить потихонечку. Это ваше с ним дело, повторяю.

— То есть, вы ни при чем? — уточнила я, не веря собственному счастью.

— Абсолютно!

— И вы не собираетесь сообщить Совету о моем существовании?

— Даже если члены Совета узнают, пока ты хранишь тайну, никто тебя не тронет.

— Черт, — выругалась я, вскочив со стула. Шеридан пытался обмануть меня, с помощью страха вынудить на обращение, это злило!

— Поздравляю, — произнес Филипп, с иронией наблюдая за моими метаниями. — Он действительно тебя хочет. Разве это не классно?

— Классно?! — возмутилась я искренне. — Он солгал мне!

— Ну и что с того, — широко улыбался француз. — Ох, Amour! В любви все средства хороши. Ты бы даже не узнала. Я сдал его тебе с потрохами, да? — Он весело и коварно расхохотался

— Хорошо, что я с тобой поговорила, — сцепив зубы, кивнула я.

Уже перебирала в уме все возможные варианты отмщения Шеду. Так злилась, что даже забыла о вампиршах в ванной.

— А ты крепко его зацепила, — задумчиво пофилософствовал Филипп, улыбаясь с долей восхищения. — Заставить вампира отказаться от своей сущности — это сила, девочка.

— Я не заставляла, он сам. Он просто другой, не такой, как вы, — возразила я уверенно, но воспоминания из прошлого, когда он впервые собрался поохотиться на людей в городе, а я приказала ему тогда убираться, вспыхнули в голове. Он вернулся и... что он сказал? Что дружба со мной ему важнее человеческой крови, вот что.

Я неудержимо покраснела. Было это правдой или случайным совпадением, я не знала. Но отчего бы девушке не помечтать?

— Ты сама знаешь: я прав, — подтвердил Филипп с улыбкой. — Он бы давно стал нормальным, не будь тебя.

— Я заставила его? — недоверчиво выдохнула я, пытаюсь осознать, что же это значит для меня. Он относится ко мне серьезнее, чем я подозреваю? Уважает мои убеждения, потому что... любит?

— Невозможно заставить взрослого независимого мужчину поступиться своими желаниями, и раз твое одобрение важно для него, значит, ты ему дорога.

— Может, он просто иначе воспитан, — предположила я смущенно. — Вы же знаете его историю? Может, он вообще делает это не ради меня, а просто не хочет оставаться в одиночестве, я же приютила его и поставила такое условие...

Расслабленно откинувшись на спинку кресла, восседающий на нем, словно король, Филипп удивленно покачал головой.

— Что ты вообще знаешь о вампирах, девочка? По-моему, ничего! — он усмехнулся. — Ты относишься к нему слишком по-человечески. Не нужно примерять свои привычки к нам, это не сработает.

— Что ты имеешь в виду? — я снова присела напротив, слушая предельно внимательно. Что Шеридан о себе еще не рассказал?

— Пошевели извилинами. Он жил, попивая консервированную кровь из каких-то там бутылочек. Фу, даже представлять тошно. Холодная, несвежая, мерзкая кровь животных... Я как-то пробовал ради интереса — это хуже, чем вместо дорогущего вина выпить прокисший компот. И вот представь, что ты пьешь этот компот, сколько себя помнишь, веками! А затем вдруг попадаешь на винодельню, где любое вино тебе доступно, только руку протяни, не надо платить, ничего за это не будет! Бери, сколько влезет! И что ты делаешь? Жадно глядя на соблазнительные этикетки, продолжаешь пить протухший компот, намеренно отказываясь от своего счастья. Как думаешь, почему такое происходит?

— Ну, я не знаю, — я устала на свои сцепленные пальцы. — Надеюсь, ему воспитание не позволяет.

Филипп заразительно расхохотался, запрокинув голову.

— Привязанность, девочка моя. Привязанность для вампира — явление редкое, но если все же она случается, игнорировать его нелегко — гораздо сложнее, чем для человека. Наша любовь яростна и беспощадна, отчасти похожа на болезнь, на одержимость. Мы хотим быть с объектом страсти все время и любой ценой, а если возникнет причина для ревности, то точно дойдет до смертельного поединка. Возможно, именно по этой причине процент расставаний и даже убийств на почве любви так высок среди вампиров.

И как после такой «вдохновляющей» презентации согласиться на обращение? Одни сплошные минусы.

— Хочешь сказать, Шед относится ко мне как Голум к своему кольцу? — усмехнулась я.

После этих откровений в любовь Шеридана поверить стало еще сложнее. Никогда не замечала, чтобы он стремился проводить со мной много времени, он спокойно отпускал меня на работу и уходил сам. Ревность? Можно было принять за нее тот случай в ресторане, когда Филипп схватил меня за руку, но Шед уже до этого был напряжен просто потому, что к нам приближался другой бессмертный.

— Я не знаю, что между вами происходит и насколько оно сильно, так что тебе виднее, — ухмыльнулся француз. — Может, он просто набросился с голодухи на первую нормальную женщину, которую встретил?

Больно. Я хоть и услышала в голосе Филиппа неприкрытую иронию, сама постоянно задумывалась об этом. И теперь, к моему волнению по поводу других земных женщин,

которых Шед встречал каждый день, прибавилась еще и ревность к бессмертным, с которыми он гуляет ночами.

— Ты можешь отказаться от него? — я едва расслышала вопрос, поглощенная самокопанием.

— Что?..

— Если он решит уйти, — повторил вампир, — ты его отпустишь?

— Да, — признала я, немного подумав. Будет тяжело, я буду очень скучать, но переживу разрыв в конечном итоге. Так предрешено, ведь ни один из нас другому не уступит.

«Мне придется остаться с тобой, — всплыли в памяти слова Шеда, высказанные с неподдельной досадой, — чтобы защитить тебя от опасности».

Половина из этого была ложью. Как мне верить, что вторая половина — правда? Что я действительно важна для него? Что он испытывает ко мне хоть какие-то чувства?

— В этом наше различие. Вампиры совершенно другие, нам необходимо владеть женщиной безраздельно. — Филипп сменил положение и наклонился вперед. — Если он относится к тебе серьезно, то сорваться с крючка не позволит.

— И что же он сделает? — прошептала я недоверчиво, внимательно относясь к предостережению.

Но Филипп пожал плечами.

— Откуда же мне знать, что у него в голове. Или останется... — он многозначительно на меня посмотрел. — Или заберет с собой, убедит как-нибудь.

— Значит, он останется, — упрямо нахмурилась я, не желая вновь возвращаться к теме своего обращения.

— Значит, останется, — с легкостью согласился Филипп, испытующе меня разглядывая.

Мое сердце, уже давно успокоившееся, снова заколотилось как бешеное, когда щелкнул замочек, и Моник с Каролиной, хихикая и толкая друг друга, вышли из ванной. Они были мокрыми, чистыми и весьма довольными. Подмывало спросить, почему Филипп сидел со мной, а не составил девушкам компанию? Какие отношения их связывают? Ведь если они партнеры по постели, это одно. А если девицы свободны — совершенно другое.

Но я не хотела слышать ответ. Была почти уверена, что сладеньким Шеридана не назвали бы, если бы хотя бы виды на него не имели. Мне было о чем беспокоиться: мой парень был красавчиком, и мои потенциальные соперницы в этом ему не уступали — белокожие, уверенные в себе, раскрепощенные. А главное, сильные — с ними Шед мог не сдерживаться. Неужели мне пора готовиться к худшему? Я уже простила многое, но не стану терпеть еще и измену.

— Боишься? — шепотом спросил Филипп, и я взглянула на него с мольбой, боясь оставаться наедине с этими убийцами.

— Да.

— И правильно, — ухмыльнулся он, поднимаясь, чтобы тоже направиться в душ. — Береги себя.

Дальнейшее я запомнила очень смутно, потому что от страха впала в состояние протрации. До момента, как вампиры покинули мой дом, я была в полной уверенности, что умру сегодня. Забилась в уголок крошечной кухни, как будто стол мог защитить меня, и безнадежно ждала смерти.

Каролина даже не поблагодарила за новые вещи, приняла как должное. Все трое ушли незадолго до возвращения Шеридана.

Шеридан нашел меня, коматозно сидящей в кресле. Кажется, я услышала его рык еще до того, как он влетел в дверь, почти сорвав ее с петель. Увидев, что со мной в порядке, выдохнул с облегчением, но когда наклонился ко мне, требуя объяснить, какого черта вампиры делали здесь, его просто трясло.

— Я убью их! — шипел он в ярости, обещая свои новым «друзьям» жестокую расправу. И, хотя я заверила его, что мне не причинили никакого вреда, только напугали немного, гневно сверкал глазами.

— Они меня не тронули, — убеждала я, в то время как Шед оглядывал мои руки и шею — наверное, думал, что кто-то из его друзей покусился на мою кровь. — Они были даже милы.

Особенно Филипп, на этот раз он вел себя более чем прилично. К Моник тоже не было никаких нареканий. А Каролина... что ж, о ней мы позже поговорим, когда Шеридан успокоится. У меня было много вопросов!

— Милы... — с издевкой прорычал он, злясь так, что зубы скрежетали.

Я пришла в себя, только когда Шед ушел, громко хлопнув многострадальной дверью. Я осознала, что его ярость дорого может ему обойтись, ведь их было трое, а он один. Глядя на часы, я мерила шагами комнату, и каждая медленно проходящая минута казалась мне вечностью.

День прошел очень в мучениях. Сможет ли Шед обуздать свой гнев и поговорить с французами цивилизованно? Или сдуру ввяжется в неравную драку, в которой нет ни одного шанса спастись? Будет ли Филипп церемониться со своим новым «другом», или уже расправился с ним, и мне стоит вот-вот ждать гостей?

Все это было бессмысленно. Несколько часов спустя Шеридан вернулся. Целый и невредимый. Даже одежда не рваная, отметила я, когда он вошел, мрачный, как тень, но почти спокойный.

— Ты в порядке? — нервозно поинтересовалась я, не зная, как оценить его настроение, замкнутое и задумчивое.

— Они больше не побеспокоят тебя, Лекси, — парень опустил в кресло, морщась от неприятного запаха, и затем вытащил из-под себя плед, пропитавшийся ароматом чужака, и бросил на пол для стирки. — Они мне обещали.

— Вот как?..

Вопросы теснились в голове. Как ему удалось этого добиться? Почему он не стал с ними драться, а простил; как они смогли его убедить? И самое главное: что его связывает с Каролиной, она ему нравится?

— Ты намерен и дальше с ними общаться? — я была уверена, что после инцидента Шеридан разорвет эту порочную дружбу. Что изменилось?

— Ты так говоришь, будто я должен именно так и поступить, — закрыл он глаза и устало откинулся назад, явно избегая назревающего спора.

Как бы не так. Теперь у меня было в два раза больше вопросов!

— Пару часов назад ты готов был убить их всех, — напомнила я. — Может, мне тогда стоит уехать из города? — Мысленно я прикинула, как эту новость воспримут на работе. — Прямо сейчас?

Я не хотела конфликтовать с Шедом. Все эти несколько месяцев я пыталась принять его хищную натуру, прощала многое. Но я уже почти достигла точки кипения. Наши отношения с самого начала были странными и неправильными, а теперь прибавилась еще и опасность

извне. Сколько это можно терпеть?

— И не смей больше лгать мне про Совет старейшин! Как ты мог поступить так со мной?! Хитростью, используя мой страх, принуждать к обращению!

Шеридан взглянул на меня исподлобья, недовольно сморщив лицо и сердито сопя через нос. Сам виноват, нечего было меня обманывать. Что бы он теперь ни сказал, мне трудно будет верить его словам.

— Я пытался защитить тебя как раз от того, что случилось сегодня, — низко прорычал он, разозленный набирающей обороты ссорой. — Будь ты вампиром, тебе не пришлось бы бояться, что тебя съедят!

— Мне не пришлось бы бояться, если бы ты не якшался с этими убийцами. Они просто не пришли бы ко мне домой! — парировала я.

— Нет! — вскричал он возмущенно, сжимая кулаки. — Именно потому, что я якшаюсь с ними, они и оставили тебя в покое.

Я открыла рот, но слова застряли в горле. Они что, заставили его что-то пообещать?

— У тебя с ними какой-то договор?

Очень надеюсь, что он заключен не с Каролиной, для которой Шеридан «сладенький». В голову так и лезли откровенные сцены, которые я представлять не хотела. Они увеличивали мой гнев. Изнутри сжигала ревность.

— Я пытаюсь убедить Филиппа и компанию последовать за мной, — признался взявший себя в руки Шеридан, наконец-то решивший хоть что-то мне объяснить.

— Зачем? — не думала, что они стали настолько друзьями. Или дело все-таки в Каролине?

— Если они уйдут, — Шед вновь откинул волосы с лица и поискал глазами свою резинку, валяющуюся обычно рядом с компьютером, — не будет причин беспокоиться, что о тебе кто-то знает.

Вот оно что. Приятно оказалось услышать, что моя безопасность так сильно его волнует. Но это также значило, что Филипп ошибся, и Шеридан готов меня оставить. Он собирался уйти, не важно, пойду я с ним или нет.

— И как? Твой мир заинтересовал их?

— К сожалению, несколько, — закатил глаза вампир. — Кому захочется пить кровь из бутылок, зарабатывать себе на жизнь трудом, когда здесь они находятся на вершине пищевой пирамиды и могут развлекаться, как им вздумается?

— Да уж... — согласилась я не без содрогания, чувствуя, что конфликт между нами сходит на нет, и мне становится легче дышать. Я боялась, что за поведением Шеридана кроется иная причина, которая не придется мне по душе. Но если он водил дружбу с отбросами только ради меня, это совсем другое дело.

— Более того, они не хотели бы, как и ты, чтобы об этом месте узнали вампиры с моей стороны. Представь, что будет, если все восемьсот тысяч ломанутся сюда, на невозделанные угодья? Наведут свои порядки, установят лимит...

— Прекрати, невыносимо слушать это... — Когда Шеридан говорил так, я чувствовала себя куском мяса, за который уже назначена цена.

— Извини, если тебя задевает это, — невозмутимо пожал вампир плечами. — Правда состоит в том, что так и есть.

— С тех пор, как ты начал общаться с этой троицей, тебя не узнать, — покачала я головой, присев на стул напротив парня, так же как днем сидела напротив Филиппа. Стена

между нами меня убивала, и я жалела, что устроила истерику, не разобравшись сначала. — Где тот робкий и культурный вампир, которого я впервые встретила?

Шед хрипловато рассмеялся:

— Он исчезает.

— И почему же? — недовольно поежилась я, сердце заныло от неискоренимого высокомерия, которое нет-нет да и проскакивало в интонации моего бессмертного бойфренда.

— Изобилие и доступность корма, человеческая глупость развращают меня, даже если я не пользуюсь своими преимуществами. Трудно не поддаться искушению. Безнравственность и распущенность здешних вампиров, если не смотреть в глубину, выглядят очень соблазнительно. Такая жизнь очень привлекательна для моего рода. Полная свобода воли! Они не понимают, почему я отказываюсь от подарка, который приплыл мне в руки сам.

Слушать это было неприятно. «Безнравственность и распущенность соблазнительны», — он имеет в виду жажду крови или привлекательность Каролины?

— Что же тебя удерживает? — прошептала я потерянно.

Я думала, вдруг он признается мне в любви или назовет что-то хоть отдаленно на это похожее, но он лишь тускло приподнял уголки губ:

— Сам не знаю, — глаза при этом смотрели только на меня и медленно тлели тем самым чувством, которое я всегда принимала за привязанность. Однако теперь сильно сомневалась в этом.

Шеридан не был человеком, людские эмоции были к нему неприменимы. Мало ли какие мысли крутятся в его голове? Даже Филипп признал, что понятия не имеет, о чем парень думает. Откуда же взяться моей уверенности в себе? За пламенными взглядами могло скрываться что угодно.

— Ты не изменяешь себе, — прошептала я, поддержкой желая вселить в него веру, что он все делает правильно.

Пятьсот лет он существовал как вполне цивилизованный вампир, так что ему стоит продержаться еще полгода? Он сможет вернуться в свой мир прежним, не испорченным вседозволенностью. Я доверилась ему именно потому, что он никогда не был монстром, и не хотела, чтобы он стал обыкновенным убийцей и разочаровал меня.

Вампир медленно выдохнул. Так мучительно, словно был вовсе не так уравновешен, как пытался выглядеть. Словно что-то его тяготило.

Придвинув стул, я улыбнулась и потянулась за его рукой, намереваясь лаской вернуть мир между нами после ссоры. Но вместо того, чтобы успокоить вампира, я словно сорвала с него броню, и все, что накопилось у него внутри, темное и страшное, вырвалось на свободу и полилось неудержимой рекой.

— Я здесь — не я, Лекси, — слова вылетали с неприкрытой досадой, он больше не сдерживался и не пытался казаться хорошим. — Мне надоело быть не собой, скрывать то, что является естественной частью моей природы. Осточертело голодать, постоянно контролировать себя, и дело не только в запахе крови, да я даже руку не могу пожать кому-то без риска привлечь внимание, — неподдельное отвращение на мгновение исказило его черты. — Я знаю, вы высокоразвитая цивилизация и все такое, но, Алекс, я не могу избавиться от ощущения, что живу среди корма и притворяюсь им!

— Не говори так... — я выпрямилась на стуле, ненавидя каждую секунду этого ужасного дня. Звезды, наверное, сошлись неправильно. Или просто пришел срок нам все

выяснить, и признания ни меня, ни его совсем не радовали.

— Но это правда, — настаивал Шеридан хмуро. — Наличие интеллекта не сделало людей лучше. Умные и воспитанные в меньшинстве. Основная масса — убогая толпа, живущая ради примитивных удовольствий. Чем они отличаются от тех, кто рождается на наших фермах? Прикидываться таким же безмозглым — унижительно. Я хочу чувствовать себя нормальным.

Звучало омерзительно. Не думала, что Шеридан когда-нибудь скажет такое. Хотелось закрыть уши руками или отмотать пленку назад.

— Конечно, твои друзья-вампиры куда умнее и приятнее! — выдавила я язвительно.

— Нет, — к моему удивлению, не согласился Шед. — Здешние вампиры точно такие же, как и люди — недалекие, черствые, но ко всему прочему еще и высокомерные, зазнавшиеся выскочки, ставящие себя выше других.

— Твои слова звучат точно так же, — заметила я, но Шеридан покачал головой.

— Я никого не убиваю, даже тех, кто заслуживает, — на секунду он злобно оскалился. — Ваши вампиры не развиваются. Изобилие развратило их натуру и они застыли на одном уровне — пьют, закапывают трупы, снова пьют. Их больше ничего не интересует, они точно животные, и мозгами своими не пользуются. Зачем, если пища легкодоступна?

— Я думала, они тебе нравятся, — удивилась я растерянно.

— Только как запретный плод, — фыркнул с презрением Шеридан. — Их жизнь для меня — все равно что наркотик, который предлагают попробовать. Привлекает, возбуждает аппетит. Но я отдаю себе отчет, что это пагубное влечение, несущее вред в конечном итоге. Одна часть меня хочет окунуться в это с головой и позволить себе забыться — то, чего я никогда не делал и не смогу сделать в собственном мире. Другая часть понимает, что такая жизнь не для меня, мне слишком претит гнаться за низменным удовольствием. Позже я пожалею...

Вот оно как, Шед высокомерно относился не только к людям, но и к своим соплеменникам.

— Тебя никто не заставляет... — буркнула я себе под нос так невнятно, что и сама с трудом расслышала. — Ну, разве что Каролина, настойчиво и наверняка убедительно...

«Сла-аденький», — передернуло меня от воспоминания. Если Кэр вешалась на Шеду так же по-кошачьи, как на дверной косяк, мало было шансов, что он устоял против ее сексуальности или устоит в будущем.

— Ваши человеческие законы — зверские, — проигнорировав мою претензию или не разобрав слова, продолжал Шед чехвостить мир, в котором против воли застрял. — Столько бессмысленных правил, которые надо исполнять! Здешние вампиры не размножились и не поглотили человеческий мир, но их взаимоотношения с людьми все равно далеки от совершенства: бессмертие возведено в ранг ценного дара, который доступен только избранным. Разве это отличается от нашего правила обучать и обращать только детей с определенными умственными способностями? — посмотрел он на меня выразительно. — Ваши вампирские законы сводятся к одному, но он тоже не идеален: убийство случайных свидетелей, будь то безвинный ребенок или матерый убийца, не может быть правильным. Я никогда не стоял перед подобным выбором, для меня это дико. Я хочу домой, Лекси, — закончил он устало. — Пойдем со мной?

— Прости, — не ожидала я такого резкого поворота. — Но я то же самое чувствую по отношению к твоему миру. Пить кровь из бутылок — отвратительно, на мой взгляд, держать

людей на фермах — дико и неправильно. Я не смогу смириться с этим. Может, это ты все-таки останешься здесь и потихонечку привыкнешь? — предложила я без особой надежды, но у меня появился новый аргумент, способный подействовать. — Моя жизнь достаточно длинная, чтобы повидать все здесь, что ты захочешь. Денег на путешествия ты уже заработал. — В глубине души я надеялась, что, узнав мой мир лучше, посетив самые потрясающие уголки, Шед передумает уходить. — В конце концов, у тебя в запасе — вечность! Двадцать или тридцать лет для тебя — ничто. Успеешь вернуться в свой мир, когда я надоем тебе. — Вот и все, я это сказала.

Но Шед не выглядел вдохновленным моей идеей.

— Я не собираюсь смотреть, как ты стареешь, а затем умрешь. И не хочу торчать здесь тридцать лет, года для меня вполне достаточно! Я скучаю по дому.

Значит, о любви речи не идет. Чувствовал бы он ко мне что-то серьезное, не смог бы оставить.

— Что ж, тогда не буду мешать твоим планам, — я встала, подала вампиру его резинку, спрятавшуюся в проводах, и отправилась готовить ужин, игнорируя тихое рычание, раздавшееся мне вслед.

А на следующее утро Шед вернулся с красными глазами.

Мне понадобилось некоторое время, чтобы осмыслить случившееся и сделать выбор, что теперь делать. Красный ободок радужки означал, что Шеридан больше не считает, сколько человеческой крови выпил, и ему плевать, что о нем подумают прохожие или что подумаю я. А если ему плевать, значит ли это, что он готов сменить оседлый образ жизни в моей квартире на свободное кочевничество с группой Филиппа? Променять меня на красотку-Каролину?

Запершись в ванной, я включила душ и опустила на пол в мучительных раздумьях. Руки дрожали. Сердце отчаянно трепыхалось в грудной клетке. Мысли опутывала паника. Я столько раз обещала себе, что прогоню вампира, если он выйдет за рамки. А затем прощала, отодвигая границы слишком далеко, буквально шла на следку с совестью. Дальше уступать было некуда, и все же вот она я, не знаю, как мне поступить сейчас. Вновь простить обнаглевшего вампира или принять, наконец, тяжелое волевое решение?

Я больше не считала, что мы с Шериданом сможем и дальше быть вместе. Как это возможно, если он полностью переключился на кровь людей и больше не употребляет животную? Несколько месяцев назад я готова была выгнать его без единого сомнения. А теперь... что-то надломилось во мне. Знала, что должна. Сразу не сделала этого, уступила его обещаниям, в очередной раз поверила. Позже пожалела о своей слабости, но после драки, как говорится, кулаками не машут. Просто жила теперь по инерции и устало ждала, когда же закончится этот ужасный год, и Шед уйдет, а мне не придется больше терзаться виной.

— Я никого не убивал, Лекси, это был мертвый человек, — заявил он мне слегка раздраженным голосом, когда я упрекнула его в нарушении принципов.

Боль в груди не была такой острой, видимо, неосознанно я уже смирилась с тем, к чему все давно шло. Только не понимала, как это сочетается с его же словами, что подобный образ жизни ему претит.

Больше мы не заговаривали об этом. Небо не обрушилось на наши головы, земля под ногами не потрескалась, и ад не разверзся — как ни в чем не бывало, мы продолжили сосуществовать в моей крошечной квартире. Но все стало другим.

Мое осуждение было безмолвным и тихим. Ночью, когда Шед пришел в нашу постель с определенными намерениями, я оставалась холодной и инертной. Не намеренно. Не для того чтобы наказать вампира или заставить уступить мне. Просто во мне не осталось доверия, или парень больше не был таким привлекательным в моих глазах, как раньше.

— Ну, что за глупости? — сердился он, добиваясь от меня взаимности. — Лекси, это нелепо, я не совершил ничего плохого. Филипп просто отдал мне мертвеца, как всегда. Да, я выпил больше обычного, но я же не человек, не забывай. Для меня это норма. Если я голоден, почему я должен терпеть только потому, что тебе это не нравится? Если есть возможность напиться вдоволь, зачем мне ограничиваться несколькими глотками? Я хотел пить! Ты же мне не позволяешь... — говорил он в точности как алкоголик.

Случилось то, чего я всегда боялась. Шед менялся, менялись его взгляды, впитываемые несколько веков. Вседозволенность превращала его в монстра — в того, кем он и являлся по сути, от кого бабушка защищала наш мир, не подозревая, что он давно заселен ими. Шеридан сравнил искушение «жизнью здешнего вампира» с наркотиком. Что ж, он не удержался и

попробовал свой запретный плод.

— Я вообще не понимаю, почему ты злишься! — возмутился он в ответ на мою обиду. — Какое тебе дело до моего морального облика, если ты все равно не собираешься разделить мое существование и уйти со мной?! Я хочу побыть настоящим вампиром, прежде чем вернуться домой. Мне выпал шанс, а я его бездарно упускаю! Все ради тебя, только мое самопожертвование тебе не нужно. Мы расстанемся через несколько месяцев. Позволь мне быть собой. Если хочешь, я сегодня же уйду, — закончил он глухим голосом, напряженно ожидая моего решения.

Но я не прогнала его. Должна была, но не стала. Наше совместное время и так утекало сквозь пальцы. Это было бы слишком эгоистично с моей стороны — поставить ему условие, но первой его нарушить. Это условие имело смысл, только если мы были бы вместе. Но раз расставание неизбежно, я не имела права принуждать Шеда отказываться от того, чего он так жаждет.

Поначалу казалось, что вскоре я его окончательно потеряю. Шед одичает, как те, другие, станет высокомерен и жесток. Он возвращался домой удовлетворенным, и красные ободки вокруг радужки становились ярче с каждым днем. Они тускнели и исчезали до следующего вечера, но на это уходило все больше и больше времени. Я уже не спрашивала, как он проводит ночи, не хотела знать подробностей. Только однажды напомнила, что «вампирические» глаза — не лучший способ затеряться среди людей.

Шеридан ничего не ответил, оставил мою реплику без внимания. Он исчезал все чаще, торопился вечерами на встречу с «друзьями». По возвращении всякий раз я видела его чуточку другим. Глаза флуоресцировали сильнее, черты становились более заостренными и хищными, движения — быстрыми и опасными.

Во время занятий любовью, целуя меня в шею, вампир начинал дрожать и задыхаться, словно ему все труднее становилось сдерживаться. Жажда крови перевешивала сексуальное влечение. Иногда он замирал и напряженно закрывал глаза на несколько секунд, после чего приходилось начинать все заново.

— С ней у тебя наверняка никаких проблем нет... — сорвалось однажды у меня с языка, когда мы пытались обсудить его новую необъяснимую распушенность в сексе.

— С кем? — он сделал вид, что не понял.

Я поджала губы:

— С Каролиной.

Шеридан невесело рассмеялся. Его реакция была мне непонятна: это он признал, что я права, или удивлен, что я вообще так о нем подумала?

Повернувшись вполоборота, взглянула на вампира требовательно и решительно, ожидая исчерпывающего ответа. Давно пора было поставить этот вопрос ребром.

Ухмыльнувшись, он потянулся ко мне и запечатлел на моих губах снисходительный поцелуй:

— Я уже говорил тебе, почему меня не привлекают вампириши.

— Да, но Каролина не из твоего мира, — напомнила я. А потом прищурилась: — Тогда почему ты хочешь сделать вампиршей меня?! Разве тогда я не перестану быть тебе интересной?

— Ты другая, — возразил он и с очаровательной улыбкой полез целоваться, отвлекая от неприятного разговора страстными объятиями, словно его не расстроила моя ревность, а напротив, обрадовала. Чертов наглый кровопийца!

Дважды он просил меня дать ему выпить моей крови, не на шутку пугая дикими и голодными глазами, раздражался, когда я не соглашалась. Если бы я продолжала ему отказывать, кончилось бы тем, что он не выдержал и сорвался бы во время ночной прогулки, окончательно превратившись в зверя. Пока что он утверждал, что не убивает людей собственными руками, просто увеличил дозу и перестал ездить в заповедник. Но если слетит с катушек, набросится на живых людей!

Какой-то части меня легче было его оправдывать, если он выпивал мертвецов. И я уступила. Когда он озвучил просьбу в третий раз, я лишь вздохнула и обреченно усадила его в кресло. Потребовала, во избежание последствий, позволить мне самой решать, когда остановиться.

Он трясся от возбуждения, широко раскрытыми глазами наблюдая, как я устраиваюсь на его коленях верхом и обнажаю запястье.

— Ох, Лекси, что же ты со мной делаешь... — простонал он, когда я прикрикнула на него и напомнила держать от меня руки подальше. Дрожал, задыхался, нетерпеливо сглатывал и облизывал блестящие клыки. Он выглядел обезумевшим алкоголиком, когда я поднесла запястье к его губам и вздрогнула от неосторожного укуса. Закатил глаза и урчал, словно изголодавшийся кот, не упуская ни одной капельки.

— Прижми, — прорычал он яростно, ощутив мое непроизвольное сопротивление, — или я схвачу тебя.

Обивка кресла затрещала под его пальцами, и я послушалась, плотно прижав к жаждущим губам рану. Чувствовала нарастающее давление, когда он тянул и глотал, вгрызаясь в мою плоть. Несмотря на то, как сильно меня это пугало, процесс продолжал завораживать, словно где-то в глубине моей души тоже была темнота, и ей нравилась эта власть над мужчиной.

Почувствовав легкое головокружение, я резко отняла руку. Несколько капель пролилось на грудь Шеду, и он неистово зарычал, распахнув пустые черные глаза. Его заколотило крупной дрожью, и он вдруг потерял человеческий облик совсем. Передо мной сидел зверь. Монстр, готовый забрать то, что у него отняли...

Нужно было бежать, пока еще жива. А еще лучше — стукнуть вампира чем-то тяжелым по башке, чтобы привести в чувство. Но под рукой ничегошеньки не было, а давать пощечину обезумевшему хищнику я не рискнула. Соскочив, я попятилась назад, но уже через секунду вампир вырос передо мной и навис, как коршун над добычей.

— Нет... — попыталась я остановить его, защищаясь здоровой рукой. — Хватит!

— Лекси! — дикий огонь отражался в его ледяном взгляде, когда он толкнул меня к стене, втянул носом воздух и снова схватил за руку. Не успела я даже пискнуть, как его холодный, жесткий и совсем не нежный рот снова обхватил мое запястье.

— Пожалуйста, остановись, — умоляла я, отталкивая вампира, но это было то же самое, что сдвигать с места груженую фуру. Я была куклой в его руках, ранимой и беспомощной.

Шеридан застонал, глаза от наслаждения закатились, запястье пронзила боль, и я вскрикнула. Затем боль исчезла, осталось только тягучее, пугающее ощущение упадка сил, словно моя энергия перетекала в монстра, а сама я исчезала. Слабость увеличилась. Ноги подогнулись, и сознание начало ускользать.

Удара я не ощутила, только мягкость за спиной. Холодные подушки под головой, тошнота. Страх смерти где-то на грани.

Шед ходил по комнате взад-вперед и что-то раздраженно выговаривал. Я слышала

только конец фразы:

— Ты должна стать вампиром, иначе в один прекрасный момент я выпью тебя до дна...

Он развернулся и ушел, хлопнув входной дверью. Затем вернулся — так быстро, что я даже не успела провалиться в беспамятство. Наклонился надо мной и оставил на губах поцелуй.

— Мне нужно чаще охотиться. Я вернусь, как только смогу. Я все приготовил для тебя.

Повернув голову, я увидела на столике рядом с кроватью колу и замечательно пахнущие, горячие пирожки, которые продавались в круглосуточном кафе прямо под нашими окнами. Протянула руку за газировкой, удивившись, что на запястье уже не осталось даже следа зверства, только две белых точки, идеально совпадающих с предыдущими. Сделала обжигающий глоток, и холодная шипучка приятно потекла внутрь.

— Лучше? — уточнил вампир, не отрывая от меня напряженного взгляда.

— Да, — невзрачно отозвалась я, тронутая заботой. Ну, как на него можно злиться? Он же не виноват в своем происхождении.

— Чуть не убил тебя, — он помог мне приподняться, чтобы я смогла напиться вволю. Кола показалась слаще меда. — Ты не должна больше так дразнить меня.

— Но ты же сам попросил, — напомнила я укоризненно.

— Да, — кивнул он, — но ты должна позволить мне самому контролировать процесс. Ты отдернула руку, и я просто обезумел. Еще никогда не был так близок к... Мне нужно домой, Алекс. Здешнее окружение превращает меня в кого-то другого, кого я не знаю. И я не могу остановить это.

Он уложил меня на подушки и снова наклонился поцеловать. Зарычал и отпрянул, когда я ответила.

— Мне нужно уйти. Срочно, — бросил на меня фосфоресцирующий взгляд и пулей вылетел наружу, снова хлопнув бедной дверью.

Моя всевозрастающая печаль не укрылась от Бет и Джулс.

— Что, кризис в отношениях? — усмехнулась Джулия, когда мы втроем выбрались в нашу любимую кофейню в обеденный перерыв.

Все эти маленькие происшествия не могли не сказаться на моем общем настроении. Жизнь напоминала весы, на которых чаша со злом уже почти переполнилась и потихонечку перевешивала чашу с добром.

Шед стал жестче и грубее, постоянно раздражался от всего «человеческого», подолгу охотился, больше и больше времени проводил с «друзьями». Я теперь боялась его появлений, вздрагивала от резких движений, всматривалась в черные глаза и страшилась снова увидеть в них то звериное выражение. Хотя ни разу с тех пор вампир не просил моей крови.

Я кивнула со вздохом, Джулс права. Я была всерьез озабочена ухудшающимися отношениями с Шериданом. Но сказать правду я, разумеется, не имела возможности, только придумать понятное подругам объяснение.

— Таким неуверенным в себе я привезла его сюда, доверчивым и воспитанным. А теперь, когда нашел престижную работу и стал зарабатывать приличные суммы, он изменился.

— Деньги портят человека, — глубокомысленно согласилась Бет. — С этим ничего не поделаешь.

— Это ужасно. Мне кажется, он уже не тот, с кем я начинала встречаться. Нашел себе новых друзей, и они на него плохо влияют.

Тут я ни капельки не слукавила.

— Может, тебе его отселить уже пора? — предложила Джулия, делая глоток ароматного кофе с корицей и сливками. — Пусть купит себе квартиру или снимет отдельную.

— Может, так и надо поступить, — поджала губы я, думая, что в таком случае я словно проиграю. Не слушала бабушку, впустила в наш мир монстра. Только мое присутствие все еще сдерживало его возросший аппетит. Страшно представить, как быстро исчезнут остатки цивилизованности, когда он окажется совершенно один, под влиянием «друзей». Тогда моя вина станет еще тяжелее, ведь он начнет убивать людей. Их смерти будут на моей совести. Поэтому я не могла сдать. Не имела права.

— Кстати, когда ты познакомишь нас с ним? — весело пропела Бет, откусывая сладкий эклер.

— Да уж, Лекси, давно пора, — ухмыльнулась Джулия. — Может, посмотрев на него, мы сможем дать тебе полезный совет?

Но я не успела ответить. Зазвонил мой сотовый, и я с удивлением увидела на дисплее номер своей соседки.

— Карен? — предчувствуя худший кошмар, осторожно ответила я. Женщина никогда мне не звонила, ну разве что в случае крайней необходимости, чтобы сообщить о собрании собственников или обсудить общественные поборы.

— Я терпела до последнего, Алекса, но это уже вышло за всякие рамки! — почти прокричала она.

Карен всегда была сдержанной. Случилось что-то из ряда вон выходящее, не меньше.

— Твои вечеринки уже достали всех соседей, но сегодня!..

— Что?.. — эхом отозвалась я, чувствуя, как пол уходит из-под ног в буквальном смысле.

— Клянусь, я видела в дверной глазок двух молодых девушек, которых они тащили силой!

Пот выступил на моем лбу крупными каплями, и я вытерла его салфеткой, которую тут же протянула мне Бет.

— Если ты немедленно не прекратишь вакханалию, я вызову полицию!

— Дайте мне пятнадцать минут, — взмолилась я сдавленным от ужаса голосом. — Я приеду с работы и все исправлю.

— Пятнадцать! — строго повторила Карен и бросила трубку.

Я летела со всех ног. На кону были не только две человеческие жизни, но и моя собственная безопасность. Ведь если нагрянут копы, ко мне будет много вопросов. Что им отвечать? Кто мои незваные гости, устраивающие вечеринки, пока я на работе? Как они сбежали с двадцать второго этажа? А они сбегут, оставив меня наедине с полицией, растерянную и шокированную. Могло быть еще хуже: вампиры убьют полицейских, не заморачиваясь последствиями — конечно, ведь их придется разгребать мне. Это будет кошмар, который я даже представить себе не могла.

Громкую музыку я услышала прямо от лифта. Дверь оказалась не заперта, и, ворвавшись внутрь, я застала чудовищную картину.

Филипп восседал на столе, сдвинув монитор в сторону. Моник льнула к нему, оглаживая руками белую кожу сквозь расстегнутую и приспущенную рубашку, а он посмеивался и направлял девицу туда, куда ему нужно.

Шеридан устроился в кресле. На подлокотнике, а точнее, почти у него на коленях, сидела Каролина, запустив пальцы с длинными, накрашенными алым лаком ногтями, в его растрепанные волосы. И оба они наблюдали за горячим танцем Моник под оглушительный рэп.

Но самым ужасным было не то, что Шед меня предал. Что он наверняка изменял мне с Каролиной, и не раз, иначе не позволил бы ей вести себя так, словно он — ее собственность. Две молодые девушки лежали прямо на моем ковре. Судя по серому цвету лиц, уже мертвые.

Заметив меня, Шеридан ошутимо вздрогнул, но в лице почти не изменился: вместо того чтобы испугаться моей возможной реакции, он словно смирился с ней. Будто он предвидел: рано или поздно это произойдет, может, даже хотел порвать со мной, но не находил до сих пор повода. Ну, что ж, стремился он к этому или нет, своего добился. Теперь он мог отправляться на все четыре стороны: между нами точно все кончено.

Пройдя вперед, я выключила проигрыватель и в ярости обернулась к четверке.

— Все вы! Убирайтесь прочь! И заберите это с собой, — не глядя указала на ковер. — Соседка звонила: она уже вызвала полицию!

Только последнее заставило их пошевелиться, до конца моей речи они ухмылялись высокомерно. Все, кроме Шеридана. Он единственный не смеялся. И, поморщившись, убрал из своих волос руку Каролины, но только когда думал, что я не вижу. Что бы это ни значило, оно уже ничего не меняло. Я была слишком зла. Меня трясло от гнева! Холодного и непримиримого, жгучего, как лава из взорвавшегося вулкана, ледяного, как айсберг. Точка невозврата пройдена.

— Мне уже давно надоело ошиваться в этом городе, — задумчиво объявил Филипп,

неторопливо подходя к телам и равнодушно упаковывая их в сдернутое с моей кровати покрывало. Я не могла смотреть, меня бы стошнило. Я отказывалась думать о том, что убийство произошло сегодня в моей квартире. И, возможно, даже не в первый раз. — Пора двигаться дальше, девочки. Ты с нами? — обернулся он к Шеридану, когда все трое направились к выходу.

Мой бывший бойфренд медлил. Неужели он думал, что после такого у него есть шанс остаться?

— Уходи, — прошипела я, глядя в сторону, когда он замер рядом со мной, дожидаясь, пока его дружок и подружки покинут квартиру.

— Алекс... — шепнул он поразительно виноватым голосом, как только другие вампиры скрылись. Будто он вынужден был притворяться кем-то другим с ними, но ему было вовсе не все равно, что я о нем думаю.

В любом случае, уже слишком поздно.

— Прощай, — твердо проговорила я, надеясь, что мой сдавленный голос и слезы он не воспримет за слабость. Это были обида и злость.

Зажмурилась, чтобы не смотреть. Дернула плечом, когда вампир его робко коснулся. Говорить нам больше было не о чем. А когда распахнула спустя минуту глаза, квартира уже опустела...

Две недели спустя

— Давай, Лекси! Ну, сколько можно киснуть дома одной? Приходи, мы быстро тебя развеселим, — голос Бет терялся на фоне диско.

— Мы сами за тобой приедем, если не поспешишь! — влезла в разговор озорная Джулс. — И выгатадим тебя силой!

Что ж, возможно, они были правы. Депрессия уже затянулась. Не было никакого толку оттого, что я как привидение ходила по квартире, с места на место перекладывая вещи Шеридана, то небрежно засовывая их в мусорный мешок и ставя у двери, чтобы при случае безжалостно выкинуть, то вновь убирая в шкаф. Сидела, забравшись с ногами, в кресле, держала в руках футболку вампира и с наслаждением вдыхала оставшийся на ней сладкий мускусный аромат.

Я пыталась забыть. Выбросила ковер, чтобы он не напоминал о двух мертвых девушках в моей квартире. Сменила постельное белье. Убрала из ванной мужской шампунь. Хотела даже вставить новый дверной замок, но в этом не был смысла: бессмертный монстр сломает его за полсекунды, если захочет.

Я не могла смириться. Мне было ужасно больно и тоскливо. Я бесконечно вспоминала все хорошее, что между нами было, не понимая, как все скатилось в такой кошмар. Не хотела больше видеть Шеридана, но в то же время исподволь ждала его появления, прислушивалась к каждому звуку на лестнице в надежде, что он вот-вот постучится в дверь, умоляя меня о прощении. С его настойчивостью и самоуверенностью он уговорил бы меня на раз-два...

Следовало признать: он не вернется больше. Наверняка четверка уже тусит в каком-нибудь другом городе, наводняя его трупами невинных людей. И мне не стоило ждать убийцу здесь. Даже если б он явился, я бы его в дом не пустила. По крайней мере, я в это верила.

— Ждите, буду через час.

Бар, в котором девочки праздновали день рождения очередного парня Бет, был полон брутальных татуированных мужчин в кожаных куртках. Все как на подбор: высокие, волосатые, широкоплечие и страшные на вид. Но кто бы смог напугать меня после всего, что мне удалось пережить? Никто не может выглядеть страшнее вампира!

Вечеринка была в разгаре, все развлекались: кто-то играл в бильярд, кто-то кидал дартс на спор. Кто-то иногда заказывал в аппарате музыку, и тогда все пару минут бешено танцевали между столами.

Я, в основном, сидела у стойки и потягивала безалкогольный коктейль. Парни особо не знакомились со мной: я была для них слишком скучной и замкнутой. Заговаривали, но до них быстро доходило, что со мной каши не сварить, и они переключались на объекты повеселее.

— Ух, мне нужно повторить! — плюхнулась рядом со мной запыхавшаяся Бет, указав бармену пальцем на первую попавшуюся стекляшку.

— Как ты, Лекс? — села с другой стороны от меня Джулс, не забывая проявить участие.

— Все нормально, девочки, — повторила я в тысячный раз. Уж им бы не знать, что это мое обычное поведение — отсиживаться, когда другие потно трясут всеми частями тела. — Смотрю на вас — это весело. Нет, правда, — заверила я, — все в порядке!

Воспользовавшись паузой в музыке, бармен сделал звук телевизора погромче, чтобы посмотреть новости, пока моет бокалы, и я невольно обратила внимание на возбужденный голос корреспондента.

«Только что стали известны новые детали убийства возле Пеуоки-Лейк. Найдена еще одна жертва, на этот раз мужчина с пулевыми ранениями груди. Видимо, хозяин дома успел подстрелить одного из грабителей перед смертью. Кто это, следствию предстоит еще выяснить — документов при нем не было...»

— Зверство, да? Весь вечер крутят в новостях, — сердито пробубнила мне в ухо Бет, которой совсем не нравилось, что вместо общения с ней я вперилась в экран, точно сумасшедшая. — В дом у озера вломились бандиты, сколько их было, неизвестно, но соседи вроде видели с десятков подозрительных личностей. Убили всю семью: отца, мать и двух подростков. Отец семейства застрелил одного нападавшего. Эй, Лекс, ты чего?

Я вцепилась в барную стойку до хруста в суставах. Там, в толпе зевак, окружающих заградительную ленту и издали наблюдающих за работой прессы и полицейских, я точно узнала Филиппа. Его нельзя было спутать ни с кем, у него была очень примечательная внешность. Где-то рядом наверняка тусовались Моник, Каролина и Шеридан. И за нападением, я была уверена, стояли они. Наглые, злобные, безжалостные вампиры!

Ракурс камеры сместился в сторону машины скорой помощи, куда грузили тела погибших, и я полностью утратила связь с реальностью. Там, из-под простыни, сбившейся набок из-за неловкости носильщиков, торчала часть лица с копной знакомых темных кудрей. И рука безвольно свешивалась с края. Слишком гладкая. Слишком белая. Слишком знакомая, чтобы я могла ошибиться.

Шеридан... Это был Шеридан. Это его застрелили!

Конец первой части

Оставить отзыв о книге - <https://knigoed.net/url/4x3>